

№ 5 (233). МАЙ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

МОСКВА. 9 МАЯ.
ФОТОГРАФИЯ Э. М. ШЕЛУДЬКО

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*В. Д. Каленский. Маршал Жуков принимает парад Победы на Красной площади.
Холст, масло. 2002 год*

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:
Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Бела́й, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:
С. В. Васильева

Редактор:
Е. А. Берг

Редактор-корректор:
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2010

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.nj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 08.04.2010
Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8

Тираж 5000 экз.
Заказ № 10-090

Отпечатано
в типографии ЗАО «Группа МОРЕ»:
101898, г. Москва, Хохловский пер., 9

Материалы основных рубрик
рецензируются

В НОМЕРЕ:

- К 65-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**
- 2** От редакции
- 3** Священная война
Стихи В. И. Лебедева-Кумача,
музыка А. В. Александрова
- 4** Николай Сергеевич Атаров
Изва
Рассказ
- 8** Архимандрит Дионисий (Шишигин)
Старший лейтенант Извеков
О военном периоде жизни Святейшего
Патриарха Московского и всея Руси
Пимена (в миру С. М. Извеков. 1910–1990).
Отрывок из книги о Святейшем
«Былое пролетает...»
- 16** Елена Викторовна Харитонова
Лица победителей
(из собрания Центрального архива
электронных и аудиовизуальных
документов Москвы)
- 22** Москва. 9 мая
Фоторепортаж
Элины Михайловны Шелудько
- 24** Юрий Александрович Григорьев
Воины и труженики
О людях, победивших
в Великой Отечественной войне
- 34** Грустные ивы
Стихи А. А. Жарова,
музыка М. И. Блантера
Солдаты идут
Стихи М. Г. Львовского,
музыка К. В. Молчанова
- 35** Баллада о солдате
Стихи М. Л. Матусовского,
музыка В. П. Соловьева-Седого
- 36** Иван Иванович Магер
Свидетельствует живопись
Тема Великой Отечественной войны
в произведениях современных
российских художников

- РЕЛИКВИИ** **44** Николай Борисович Коростелев,
Михаил Владимирович Кононов
Живые свидетели
О знаменитых московских деревьях

- ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА** **48** Владимир Амосович Табурин
Мукденский бой
Из репортажей
специального корреспондента
журнала «Нива» (1905. № 14–23)

- АЛЬБОМ** **66** Вера Леонидовна Кошелева
Русская Жар-птица:
от лубка до синема
О воплощениях этого сказочного образа
в русской культуре

- ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ** **76** Александр Яковлевич Булгаков
Современные записки
и воспоминания мои
Отрывки из дневника
(Продолжение. Начало в №4 за 2010 год)

- КАРАНДАШОМ,
РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ** **93** Лидия Александровна Жукова
Музыкальная живопись
О народном художнике России
А. И. Фомкине (1924–1999)

От редакции

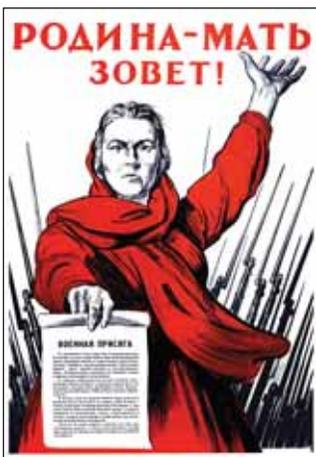
Этот номер «Московского журнала» открывает подборка материалов, посвященных 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне (1941–1945).

Победа... «Как она была от нас далека» тогда — в 41-м! Как она уже далека по времени от нас ныне!.. Но все же и тогда, и сейчас она была и есть с нами — и всегда с нами пребудет: столь огромна мощь этого величайшего события XX века, столь непреложна его промыслительность!

В прозе и поэзии, песнях и кинофильмах, многочисленных воспоминаниях участников войны прославлена Победа. Из этого сонма свидетельств здесь, разумеется, представлена лишь малая толика. Но и в ней, как в капле воды — океан, отражается величие подвига нашего народа, совершенного в смертельной схватке с грозным безжалостным врагом. За каждым даже мимолетным упоминанием, за каждым символом Великой Отечественной встает вся она целиком — во всей ее грандиозности, трагичности и славе. Поистине, никто не забыт, ничто не забыто, ибо здесь не может быть забвения, ибо память эта для нас — священна...

Фотография Э. М. Шелудько

Священная война

Стихи В. И. Лебедева-Кумача,
музыка А. В. Александрова

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

Припев:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.*

*Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.*

Припев.

*Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!*

Припев.

*Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!*

Припев.

*Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!*

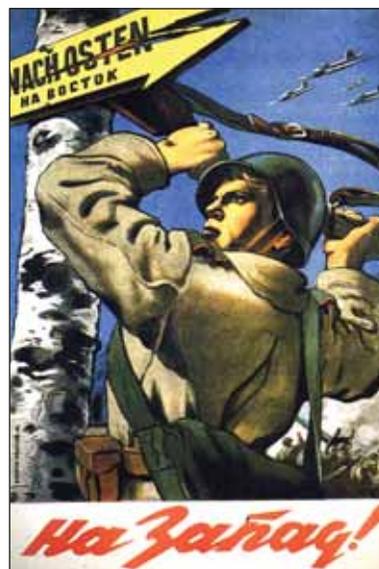
Припев.

*Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!*

Припев.

*Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

Припев.

Николай Сергеевич Атаров

Изба*

Рассказ

Над большой дорогой с краю села, на ко-согоре, стояла изба. С тех пор как война во-шла в среднюю полосу России, каждый вечер в избу шли ночевать с дороги военные люди. В ноябре готовилось большое наступление. Войска двигались к фронту безостановочно: артиллерия, пулеметы на выюках, двуколки с минометами, танки. Пехота шла ходким шагом, с тем русским здоровьем, которому нипочем в пути и снег по колено, и вьюга, слепящая глаза. Но к вечеру кони задыхались. Свет фар блуждал по снегу, ища колею. Ветер и тьма гнали людей под крышу.

В избу входили ослепшие от вьюги, в набухших полушубках, с промокшими варежками, в заиндевевших шапках. Приходили и в хро-мовых сапогах, которых никак не просушить за ночь.

Хозяйки посыпали земляной пол желтым песком, изба была так чиста, что никто не лез в нее, не обмety метелкой валенки в сенах. С темнотой окна запирались ставнями. Старуха нарубала еловых веточек три-четыре охапки, совала их в печку, и по ним бежали веселые смолкие огоньки. За окнами шумела фронтовая дорога, слышались приглушенные сугробами голоса и нытье буксующей машины; там были свет фар, ветер и снег. А изба — как дубовый дедовский шкаф. И каждый, пригревшись, пьянел от усталости. Доставали из мешков кто селедку, кто шпик, кто концентраты. Фронт — рукой подать, люди становились дружнее и отзывчивей.

То и дело в сенах стучала щеколда и слышался шорох метели. Ксения, бабкина невестка, знала уже, что где сушить: мокрый полушубок — боже сохрани на печку — прямо на земляной пол. А валенки и варежки — тесно в ряд на печи. Винтовки — в дальний угол, чтобы отпотели.

Каких только гостей не принимали хозяйки! Один запомнился — злой.

— Мы, — говорит, — нынче перед вами, а завтра перед немцем.

А старуху не возьмешь на разные такие выражения: у ней-то у самой пятеро сыновей на фронте.

А один полночи на дворе простоял, караулил: заметил, что ребята из его полка по глупости солому по другим дворам растаскивают. Ксения вышла на разговор, испугалась, а он успокоил:

—Ничего, я так, покуриваю тут. Не сумлевайся. А то солому тащат у тебя, глупая баба. Свой-то воюет?

А еще один заскочил, так тот все хотел голову помыть снеговой водой, без мыла. Долго плескался, а потом у печки сушил рыжие, потемневшие от воды волосы, крутил самокрутку, жмурился.

— Откуда ты, милый? — спросила старуха.

— Из Кимр...

— Сапожник, стало быть...

— Коли Кимры, так уж сапожник! Нет, шлюзовый механик.

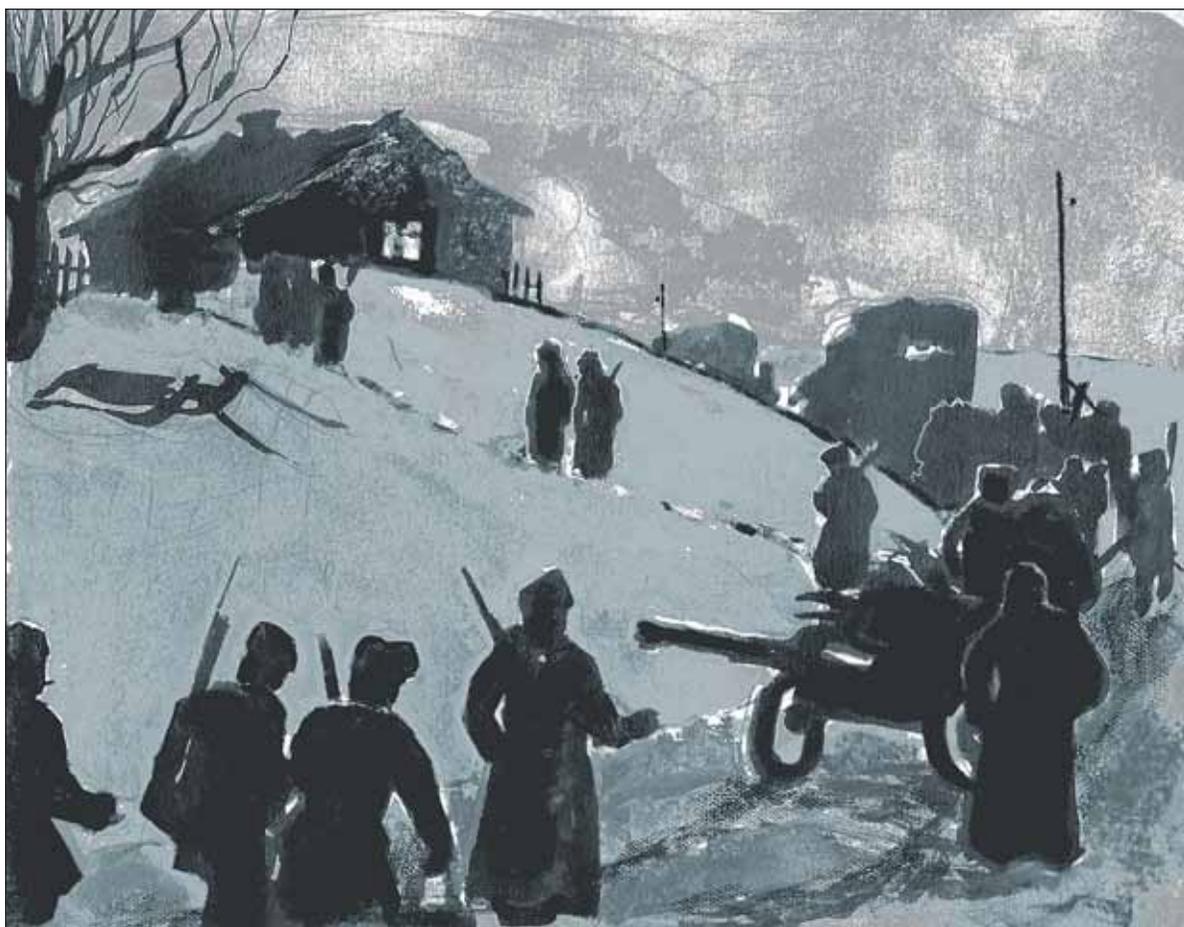
И старуха пожевала губами, как всегда, если чего-нибудь не понимала.

...Были бережливые и были щедрые. Бойцы не трогали утвари. Только и было убытку, что искрошили зеленую клеенку на столе, бог с нею... Боец сгоряча, с дороги, сахар стал рубить на столе. Давно ушел он и уж давно, наверно, на передовых, а память оставил. И каждый, кто ужинал за столом, спрашивал, разглядывая чистую клеенку:

— Верно, сахар рубил? Неосторожный какой, где ел, где кушал, а след остался...

А один ложку забыл. Старуха, подавая ее к горшку со щами, всегда приговаривала:

*Печатается по изданию: Советский военный рассказ. В 2-х тт. Т. II. М., 1954.
Атаров Николай Сергеевич (1907–1978) — русский писатель.

— А эту ложку ваш какой-то оставил... То же так-то, как вы, пришел: пусти на ночь.

На стене шли ходики и, может быть, от дальнего гула на Дону часто останавливались. Кто-нибудь из бойцов снова ставил их по своим часам. Под ногами ходил и обглаживался черный хозяйский кот, о нем бабка тоже знала, что рассказать: кто его брал на руки и в усы дул, кто рыбой кормил, а узбек затопал на него, прогнал от себя: кота не любит. И когда рассказывала про узбека, как он на кота посвоему заругался, то все смеялись.

А однажды черкес ночевал и стал свататься к невестке. Шеголял перед Ксенией, красовался, сам черный, осанистый такой.

— Иди за меня. У меня в горах дом каменный.

А тут подвернулся в ту ночь курносый какой-то, все возился со своими мокрыми портянками, стал он дразнить черкеса:

— Бывал я, — говорит, — в ваших местах. Бреешь ты — «каменный». Обыкновенно, кизячная сакля. Это тебе мнится, что каменный, потому — бабу увидел.

Но черкес сватался всю ночь, хвастал каменными домами, и на душе у него, видать, смутно было, и нужна была ему в ту ночь дружба. Позарез нужна. Подозвал к себе девочку, Ксеньину дочку, снял кольцо с руки,

отдал девочке, подарил. Серебряное, с насечкой.

И хоть смеялись свекровь и невестка над тем, как черкес забежал погреться и от живого чуть не увел жену:

— Ишь, зять образувался, чудак... Свой уж там шестнадцатый месяц... Он сегодня здесь, а завтра кто его знает где, — но когда ушел черкес на рассвете, часто они его после вспоминали, вышучивали, обеим он им втайне по сердцу пришелся. И жалко было, что война всех угоняет.

Однажды остановился в избе генерал. Поснимали фикусы со стола, накрыли его чистой скатертью и поставили свечи в медных литых подсвечниках. А на стене повесили большую карту, она висела рядом с Николой, чернеющим в тусклом серебре. Лицо у генерала было, как казалось старухе, хоть и строгое, но крестьянское, простое. Он сидел на высокой постели, ногами не доставая до полу, беседовал с полковниками, и только запомнилось старухе, как он сказал о немцах:

— Я их на левом фланге чутьем чую, как, знаете, по тяжести ведро узнаешь в колодце... Пора начинать.

И как сказал генерал о ведре и колодце, так бабка перестала робеть, почему-то ясно представила себе крестьянскую мать этого генерала

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

и его самого в детстве, вроде Андрюшки, и сделался он, несмотря на его карты и подсвечники, таким же военным постояльцем, как и другие, что занимали до него избу каждый вечер.

Уехал генерал, и снова к ночи наполнилась изба. Одни стаскивали с плеч мешки, другие разматывали портянки, шелкали затвором; кто-то сладостно тер коленку: «Рана мучает, видать, к снегу... Видать, потеплеет...» — и, видно, было привычно ему родниться через старую рану с ветром, что гонит снеговую тучку. Невзначай рассказывали о былых делах — кто с Брянского, кто из-под Ельни, кто из-под Невской Дубровки; сыновей бабкиных не встречали, но зато было столько трезвой, хозяйственной ненависти к немцам в неторопливых словах, что старая все равно радовалась, кивала да подливала каждому молока. А одного казаха даже в лоб поцеловала, когда он, сверкая белками, стал рассказывать, как заскочил в немецкий окоп: «Двенадцать перерезал — патрон не портил...».

— Сердешный ты мой, дома-то жена, поди, ждет...

В эту светлую минуту старухиной радости кто-то прислушался:

— Ставня хлопает... Это ты, гвардии Мухамединов, ставню завязывал?

Но старуха, улыбаясь, оправдала казаха:

— Если кто из военных, она всегда стучит, — у нас там особые секреты...

— Это что, — сказал пожилой красноармеец, обтиравший винтовку. — Вот в Серафимовиче-городе... Там совсем пустой город после немца. Жителей угнал... Не привязаны ставни во всем городе. Ночью ветер поднимается, хлопает во тьме, гремит, доски бормочут...

— Железо на крышах скрипит, — вкусно, будто с удовольствием, подтвердил сержант, который в углу жадно готовился к ночлегу, ползал по расстеленному полушубку и мял его кулаками, приговаривая: — Эх, и покатаюсь нынче всласть!..

Наступала ночь. Бормотали, всхрапывали, стонали. На дворе, на морозе — сквозь ставни видно — горел костер: это рачительный ездовой из татар не хотел войти в дом погреться, отойти от лошадей.

По ночам летели на бомбежку наши самолеты. Они всегда пролетали над самой избой, тревожили лошадей во дворе. И по ночам, кто не спал из бойцов, тот слышал, как вздыхала старуха и что-то похожее на молитву шептала вслед летчикам, чтобы ребята вернулись невредимые. Под утро и впрямь они возвращались: гудели моторы.

Так шло время. Непонятно было, сколько же там может фронт вместить. Новые вол-

ны идущих затопляли избу и двор, и не было никому отказа: ни веселым, ни грустным, ни скупым, ни щедрым, ни русским, ни татарам. Только уж если полным-полно и укладывать негде, а еще стучатся, — тут старуха не отворяет дверь:

— У нас военные... Полно, милый человек. Поищи у соседей. Нам ничто не стоит, да сам не отдохнешь и людям не дашь.

И укладывались спать обогретые сытые люди дружно и тесно, рядом на полу, а если кого знобило, того женщины клали на скамью, ближе к печке. Сами хозяйки, втроем с девочкой, спали на одной кровати.

Разговор затихал не сразу.

— На войне без претензии, — говорил один, подвертывая шинель под плечо.

— На войне безо времени известно, — спросонок глубокомысленно, но непонятно замечал другой.

А третьему, молодому, не хотелось спать, и он всю-то ночь задавал бабке вопросы «на искренность», все чего-то допытывался:

— Мать, а мать... Ты скажи мне, мать...

— Чего тебе, сынок?

— Ты скажи мне, мать... Ну, ночи не спать — это можно. Вон шоферы автобатовские рассказывали: трое суток совсем не спали. А тоже в мирное время были люди разборчивые и зарабатывали, верно, поболее моего...

Мать, я о чем говорю: ну, ногу не пожалею... ну, за рукой не постою... отдам...

Мысль его билась, как птица крыльями, он что-то хотел высказать и все допытывался у старой женщины в спящей избе:

— Мать, а мать, ты скажи мне, мать...

— Ну, чего еще, спи, сынок.

— Мать... Ну, а жизнь отдать?.. А?.. Как в присяге: не жалея самой жизни. Как же это, мать?.. А зачем же тогда...

И старуха насторожилась, приподнялась на локте, взгляделась в молодого бойца, тосковавшего на полу. Она не очень-то взглядывалась в лица, чтобы не увидеть похожих на тех, на своих, а тут взгляделась. Но, видно, его доверчивое, вопрошающее, разумное лицо в свете слабого ночника успокоило ее. Она прилегла и, не видя парня, выговорила ему, как своим перед дорогой:

— Неужто же страх остановит, сынок?..

Не может того быть... А ты вот чем живи: как бы вред фашисту нанести, убить его, подлюгу... Это посильнее страху. Тут и головушка станет ясная, легкая. И она подскажет, милый, где лечь, а где вскочить, и куда стрелять, и кого колоть... И не пропадешь ты, сынок...

— Верно, верно. И я так думал, — просветленно шептал сынок.

И снова через минуту, словно напиться к прозрачному ключу, тянулся с полу к широкой кровати, шептал:

— Мать, мать!..

А под утро услышал боец рыдания и сперва не понял, а потом прислушался и догадался: это плакала молодая рядом со старухой, у самой стенки. И ему стало не по себе: верно, ей кто не пишет.

— Что? От мужа не слышно? — спросил он у старухи.

Но та хмуро приказала ему:

— Спи... Утро скоро...

И тут стало так тихо в избе, что Ксения перестала плакать, лежала, думала о многих вещах. Один из спящих скрипел зубами во сне, и этот звук был странно похож на то, будто высоко-высоко над избой летят и курлычут гуси.

Утром молодой паренек встал вместе со всеми, умылся, что-то искал в бумажнике — денег, что ли? — нет, достал фотографию. Долго писал на ее обороте, потом, не глядя на Ксению, сказал бабке:

— Я вам карточку подарю, вот написал надпись: «На память мамаше».

— Спасибо, сынок, — поклонилась бабка.

А он точно снеговой водой умылся, как тот рыжий тогда: уходил такой веселый, все шутил шутил, — сынок. И его фотография тоже

оказалась в рамочке на стене рядом с карточками сыновей.

Но однажды в середине декабря никто не пришел ночевать. Хозяйки сидели у печной дверки, у огонька. И было в избе просторно, чисто и одиноко. Ставни подрагивали, хотя и хорошо привязанные: сильно били пушки.

Женщины помалкивали, понимали, что это от Дона началось большое наступление. Там они, милые, сейчас в огне купаются, кровью умыты: и генералы, и солдаты. И тот черкес с каменным домом, и узбек, что кота прогнал, и тот, что солому караулил, и тот глупый, молоденький — сынок... да и тот, кто клеенку изрезал... И наши там... Или еще где...

Бабка часто выходила во двор, будто дожидаясь кого-то, стояла у калитки. Всю ночь светились белые холмы, шли машины, поливая фарами дорогу. Коли так — пусть и в избе будет светло, и старуха растворила все ставни, а невестка ей не мешала — пусть делает, что хочет, не спится в такую ночь...

Ночью мороз стал набирать силу. На стекле окна он вывел пятнадцать серебряных витков, старуха пересчитала их, сидя у окна. Давно уже не было так тихо и одиноко в избе, и печь дышала мирным теплом.

И снова с чувством тревоги и радостного ожидания старуха вышла во двор. Так высоко она стояла на косогоре над опустевшей дорогой у порога избы, что, казалось ей, крикни — и голос полетит по всей земле, до Кимр, до казахской жены, до каменного дома черкеса в горах, и отзовутся все женщины в домах, и птицы в гнездах, и, может быть, станет слышно ее в тех неведомых, закоптелых и рябых сугробах, где воют ее сыновья.

1943 г.

Рисунки Е. М. Васильевой

Архимандрит Дионисий (Шишигин)

Старший лейтенант Извеков*

О военном периоде жизни Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Пимена
(в миру Сергей Михайлович Извеков. 1910–1990).
Отрывок из книги о Святейшем «Былое пролетает...»

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен.
Фотография 1977 года*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

От редакции

Вышеназванная книга, которая сейчас готовится к печати и отрывок из которой мы предлагаем вниманию читателей в составе блока материалов, посвященных 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, писалась архимандритом Дионисием двадцать лет. Вот что сам он говорит о своем труде, о том, что его на этот труд вдохновляло:

«Пимен. В нем все было величественно — и имя, и рост, и осанка, и голос, и глаза, которые видели насквозь и от которых никуда не укрыться. <...> В шестнадцать лет дрожащими руками за архиерейским богослужением владыки Пимена я первый раз держал рипиду. А с 1970 года почти пятнадцать лет был патриаршим книгодержателем. Примерно в то же время Святейший Патриарх Пимен взял меня к себе в Патриархию, да там и оставил.

Не могу сказать, что я был очень близок к Святейшему. Святейший никого к себе не приближал. <...> Тем более не откровенничал. Время было такое. Особенно то, через которое он прошел. Но беседовать с ним было очень интересно. Вернее, не беседовать, а слушать. Сколько людей, сколько событий всплывало в этих неторопливых вечерних разговорах. Иногда проскальзывали имена, названия мест, которые не упоминались в официальной биографии. Захотелось знать больше. Еще были живы его родные, близкие, знакомые. Ранние фотографии, первые воспоминания современников, которые потом легли в основу юбилейных публикаций. <...> Прошло уже много лет со дня блаженной кончины Святейшего Патриарха Пимена, и многое изменилось. Хочется верить, что Святейший не осудит мою вторую попытку прикоснуться к богатой и славной сокровищнице его жизненного пути. Задуманное не будет в прямом смысле биографией. Ее еще напишут»...

Мы не станем здесь излагать весь непростой, зачастую трагический жизненный путь Святейшего Патриарха Пимена — ограничимся лишь необходимой краткой преамбулой к публикуемому тексту. Прежде всего скажем, что пастырское, а затем и первосвященническое служение Патриарха Пимена пришлось на период не прекращавшегося — то открытого, то подспудного — гонения власти на Церковь, когда от ее служителей требовалось сугубое терпение, смирение, мудрость, но в то же время негибкая твердость. На долю Патриарха выпали аресты, ссылки, участие в Великой Отечественной войне, вновь аресты... Жизнь Святейшего оказалась неразрывно связана с судьбами страны, «торжествами и бедами народными». В суровую годину народ сражался с врагом — пошел сражаться и будущий Патриарх всея Руси. Уже рукоположенный в иеромонаха (1930), Пимен до войны трижды подвергался арестам. Первый раз — 15 апреля 1932 года, а 4 мая 1932-го ему вручили постановление коллегии ОГПУ об освобождении из-под стражи: «Виновность в предъявленном обвинении <...> в а/советской агитации в процессе следствия не подтвердилась, а посему <...> Извекова Сергея Михайловича <...> из-под стражи освободить, дело следствием прекратить». «Обстоятельства второго ареста иеромонаха Пимена, — пишет архимандрит Дионисий, — неизвестны: видимо, это случилось в начале декабря 1936 года. Сохранилось свидетельство, что в октябре 1932 года он был призван в ряды РККА и направлен в 55-й отдельный кавалерийский полк в городе Лепеле Витебской области БССР, где прослужил до декабря 1934 года. За время службы в армии получил образование фельдшера и ветеринара. После демобилизации иеромонах Пимен вернулся в Москву, в Богоявленский Дорогомиловский собор, где стал регентовать архиерейским хором». Однако в начале 1937 года вновь следует арест. Лубянка, Бутырская тюрьма, следствие, допросы... Приговор: принудительные работы на строительстве канала Москва—Волга. Далее — ссылка в Узбекистан. В 1939 году иеромонах Пимен назначается заведующим областным Домом санитарного просвещения в городе Андижане. В 1940 году поступает в Андижанский государственный учительский институт на факультет русского языка и литературы. В конце октября 1940-го следует его назначение заведующим учебной частью и преподавателем русского языка в школе повышенного типа. После успешной сдачи экзаменов за первый курс студент и преподаватель С. М. Извеков с 1 июля 1941 года получает отпуск, но отдохнуть ему так и не пришлось...

*Журнальный вариант; название дано редакцией.

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

1941-й год стал началом долгого процесса освобождения и возрождения Русской Православной Церкви. «В те тяжелые годы, на грани жизни и смерти, — говорил в Пасхальном послании 2005 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, — в душе народной с новой силой пробудилась святая православная вера. Для многих наших соотечественников это стало началом новой жизни — жизни во Христе»¹.

Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) в 1942 году писал: «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику»².

Мобилизованные властью священники, подавляющее большинство которых побывали в лагерях и ссылках, шли в ряды действующей армии. История знает немало примеров, когда священнослужители вынуждены были брать в руки оружие. Оставаться в стороне было недопустимо. Многие из них прославились подвигами, были отмечены наградами.

...14 декабря 1940 года студента первого курса Андижанского учительского института С. М. Извекова вызвали в городской военкомат. Выверяли документы. Повторно его вызвали уже за пять дней до начала войны. Тогда директор института сообщил в военкомат, что «тов. Извеков С. М. с 5/VI по 30/VI—41 г. держит годовые экзамены». Нахождение студента «в летнем каникулярном отпуске с 1-го июля 1941 г. по 30 августа («августа» в удостоверении было зачеркнуто и сверху написано — «июля». — *Авт.*) 1941 г.» внезапно прервалось. Каникулы досрочно завершились, а от должности преподавателя средней школы повышенного типа и завуча он был освобожден с 9 августа 1941 года «в связи с уходом в РККА»³.

С небольшим чемоданчиком вместе с другими призывниками ссыльный иеромонах Пимен оказался на вокзале, где ожидал отправки во Фрунзенское пехотное училище. «Кругом толпы стриженных мальчиков, провожающих, гулкие объявления из огромных динамиков, — вспоминал свой призыв священник Владимир Красноцветов, — понять, что объявляют, очень трудно. Появился наш сопровождающий лейтенант, выстроил нас в две шеренги, произвел переключку по списку, указал наши вагоны. Минут пять ждем, и команда: «Занять вагоны!» Состав тронулся, и перрон остался позади. В теплушке у потолка раскачивается фонарь, бросая скудный свет на совсем еще молоденькие лица призывников. Посередине вагона желез-

ная печка и куча угля, на табуретке большой цинковый бак с водой и жестяной кружкой на цепочке, справа и слева двухэтажные нары, на них солома. Везли нас очень медленно... Приехали. Начальство торопится нас пересчитать, и шагом марш в баню за полтора километра от вокзала. После бани, одевшись, мы не узнаем друг друга — все стали на одно лицо, только одни выше, другие ниже. Вместе стали серо-зеленой массой, состоящей не из людей, а из красноармейцев.

Месячный карантин. Готовят к принятию присяги. Изучение уставов караульной, строевой и боевой службы. Четыре часа строевой на плацу: повороты, шагистика, движение строем. Расписание плотное, личного времени очень мало, на койке не поваляешься. После карантина — общее построение. У портрета «дорогого вождя» стол, покрытый красной скатертью, за ним сидит начальство. Перед столом развернутое знамя части. Вызывают по списку, подхожу строевым шагом к столу, беру текст присяги и громко перед строем, перед лицом командования читаю: «Я, гражданин Советского Союза, вступая в ряды Красной Армии... Если же я по злему умыслу... то пусть меня... суровая кара... всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Волнуюсь ужасно: а вдруг выяснят, что я скрыл свою принадлежность к «служителям культа», неужели меня вновь покарает суровый советский закон? Ложь во спасение»⁴.

В начале 1942 года новобранец Извеков окончил пехотное училище и в звании младшего комвзвода был направлен в Полевое управление Северной группы Закавказского фронта, откуда через некоторое время вернулся в распоряжение Военного совета Среднеазиатского военного округа (САВО). 18 января 1942 года приказом № 0105 он был назначен командиром пулеметного взвода, входящего в 462-ю стрелковую дивизию (СД), которая после отправки большей части бойцов на фронт стала 102-й СД. 20 марта 1942 года командир взвода получил новое назначение — помощника начальника штаба по тылу 519-го стрелкового полка. Являясь резервом Ставки ВГК, дивизия перемещалась в границах САВО (Фрунзе, Ленгеруголь, Ворошиловград, Сентяновка, Ростовна-Дону, Кавказская, Армавир, Прохладное, Нальчик, Орджоникидзе, Баку, Красноводск, Ташкент).

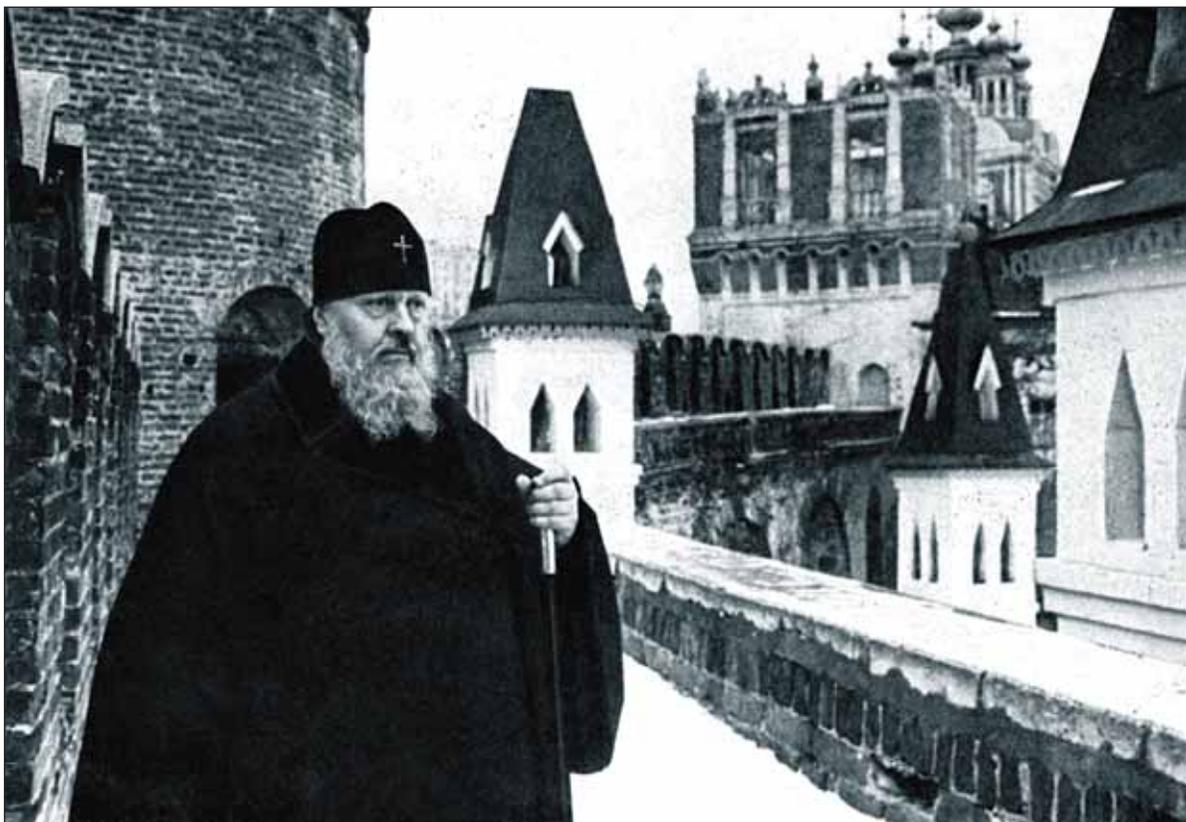
В мае месяце полк в составе Южного фронта принял участие в ожесточенных боях на харьковском направлении. 29 июля младший лейтенант Извеков был контужен.

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Город Богородск Московской губернии —
родина Святейшего Патриарха Пимена.
Фотография начала XX века*

*Сереза Извеков (слева)
с матерью Пелагеей Афанасьевной
и сыном брата отца
Юрой Казанским.
Фотография 1917–1918 годов*

*Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен
в Новодевичьем монастыре.
Фотография 1970 года*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Долгое лечение в военном госпитале № 292 — и 26 ноября 1942 года он уже в 702-м стрелковом полку САВО в должности заместителя командира роты. Полк готовил людские резервы для действующих частей фронта. С конца 1941 по начало 1943 года были сформированы и отправлены на фронт 20 маршевых рот.

23 февраля 1943 года по приказу командования САВО полк в составе 213-й стрелковой дивизии убыл на фронт. 13 марта 1943-го полк выгрузился на станции Валуйки и вошел в состав 7-й Гвардейской армии Воронежского фронта (командующий — генерал-полковник М. С. Шумилов), а 2 апреля принял бой в предместье Белгорода. Так продолжился боевой путь заместителя командира 6-й роты по строевой части С. М. Извекова. В течение последующих месяцев полк вел кровопролитные, с большими потерями, сражения на Курско-Орловской дуге в районе реки Северный Донец. Только к началу августа полк сумел закрепиться на правом берегу Северного Донца и затем перешел в решительное наступление. Преследование противника продолжалось до города Харькова. Ожесточенные бои у поселка Индивидуальный шли почти неделю, и только 28 августа поселок был освобожден. Потери были столь значительны, что полк отвели во второй эшелон дивизии для пополнения.

16 апреля 1943 года старший лейтенант Извеков, к тому времени уже адъютант командира дивизии генерал-майора Шевченко⁵, был вновь контужен, но в госпиталь, по-видимому, не попал и вместе со своим командиром успел побывать на Южном и Степном фронтах. 23 августа был взят Харьков. Готовилось мощное наступление войск Южного, Западного и других фронтов. Необходимо было сломить мощную, глубоко эшелонированную оборону противника на берегу реки Уда в районе города Меревы Харьковской области.

В отчете командования говорилось: «Рассматривая город Мереву как важный опорный пункт в своей системе обороны, немцы обороняли его с большим упорством и яростью. Ожесточенный бой на подступах <...> продолжался пять суток. Ни днем, ни ночью не затихала артиллерийско-минометная канонада. Густо ложились в наших боевых порядках вражеские снаряды и мины. Наши артиллеристы и минометчики платили врагу ударом за удар. С их стороны было введено в бой большое количество авиации»⁶.

В полковой красноармейской газете «За победу» от 26 августа в передовице писалось: «Противник, укрепившись на заранее подготовленных рубежах, сильным огнем пытается сдержать наше наступление. Несмотря на яростное сопротивление врага, бойцы переправились на западный берег реки и закрепились там. Идет ожесточенная борьба за населенный пункт. Немцы предприняли сильную контратаку. Наши воины отбили ее»⁷.

ЧЕТВЕРГ, 26 августа 1943 года № 118

СМЕРТЬ НЕВЕРЖИМЫМ СПОСОБЯМ!

ЗА ПОБЕДУ
Красноармейская газета

БИТЬ ВРАГА НЕЩАДНО, НЕ ДАВАТЬ ЕМУ ЗАКРЕПЛЯТЬСЯ!

Внезапный удар
Вражеские и немецкие самолеты в ночь на 26 августа нанесли массовый удар по нашим позициям в районе с. Индивидуальный. Убиты и ранены 15 человек. Противник отбит.

Засада уничтожена
В районе с. Индивидуальный вражеская засада была уничтожена нашими бойцами.

Меткие выстрелы
Полк артиллерии нанес удар по вражеским позициям в районе с. Индивидуальный. Противник отбит.

Скелетный вынос
Красноармейцы выносили скелеты вражеских солдат с поля боя.

Вручение правительственных наград
Вручение правительственных наград бойцам, участвующим в освобождении Харькова.

Вчера на переднем крае
Противник, укрепившись на заранее подготовленных рубежах, сильным огнем пытается сдержать наше наступление.

За эти бои командир дивизии гвардии генерал-майор И. Е. Буслаев⁸ и 13 офицеров и бойцов получили звание Героя Советского Союза.

...Еще одну тяжелую контузию старший лейтенант Извеков получил, скорее всего, 26 августа 1943 года. Все случилось в какие-то секунды. От самолета отделились черные капли и, стремительно увеличиваясь, летели прямо на те кирпичные развалины, в которых укрывался старший лейтенант с остатками своей роты. Когда открыл глаза, поразила пробовая тишина. Только где-то далеко-далеко звенел звонок. Головой шевельнуть невозможно, лежал наполовину засыпанный кирпичами. Под ним его бойцы. Захотел встать и не смог. Страшное головокружение, боль в ушах, из которых идет кровь. И опять забыть. На третий день санитары их обнаружили. «Солдатики мои были щуплые, маленькие. А у меня спина широкая, я и прикрыл их собой», — рассказывал потом Святейший Пат-

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Генерал-майор Иван Ефимович Буслаев.
Фотография 1943 года*

риарх Пимен А. А. Егорову, когда боли в спине давали о себе знать.

Тот, кто воевал на полях сражений той страшной войны, знает, какие потери несла стрелковая рота. Отсюда и контузии, от которых Святейший страдал всю жизнь, и неизбежные госпитали.

Чудеса Божии по молитвам чад Церкви Христовой во множестве совершались над русской ратью. «Однажды, — рассказывает А. А. Егоров, — ему (будущему Патриарху Пимену. — *Авт.*) поручили доставить командованию пакет с донесением. Помолился, перекрестился и сел в седло. Лошадь звали Судьба. Как рассказывал потом Патриарх Пимен, опустил он поводья и тронулся в путь. Дорога лежала через лес. Благополучно прибыл в часть и вручил пакет. Его спрашивают: «Откуда прибыл?» — и он в ответ показывает рукой направление. «Нет, — говорят ему, — оттуда невозможно приехать, там все заминировано»⁹.

В другой раз, как говорится в некоторых изданиях, полк, где служил Святейший, попал в окружение. Чудесным образом Господь спас своего избранника и его однополчан от неминуемой гибели¹⁰.

Попадал ли полк, в котором он защищал Родину, в окружение, мне не удалось выяснить или найти подтверждение в военных архивах. Но с конца 1950-х годов и почти

до самой смерти Святейший Патриарх Пимен совершал благодарное акафистное пение перед чудотворным образом иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в московском храме во имя пророка Илии, что в Обыденском переулке. Тогда никто не сомневался, что Патриарх молился в благодарность за спасение на войне.

На фронтах — исторические победы, земля медленно очищается от фашистской нечисти. Дивизия, в которой воевал старший лейтенант Извеков, в ожесточенных боях с противником с большими потерями стремительно продвигалась к Днепру. Армия, пополняясь новыми людскими ресурсами, ставила перед собой все новые и новые задачи. 30 сентября полковой писарь вписал в штатно-должностную книгу офицерского состава полка, что «старший лейтенант Извеков Сергей Михайлович пропал без вести 26.8.43 Меревск. р-н Харьк. обл. № 0198 30.09.43 г. по СД».

Санитары, подбирая убитых бойцов, нашли под грудой кирпичей разрушенного дома адъютанта Извекова. Контузия была тяжелой, и из полевой санчасти военфельдшер направил его в госпиталь, который находился в Москве, в Чернышевских казармах. После госпиталя иеромонах Пимен проживал в небольшом деревянном двухэтажном домике в одном из переулков около Сушевского вала у двух монахинь. 29 ноября 1944 года он был арестован и препровожден в 9-е отделение милиции города Москвы. Задержание было произведено за нарушение паспортного режима. Его обвинили в том, что он жил по фиктивным документам и «скрывался от ответственности под видом служителя религиозного культа»¹¹. <...> Суд был скорым. 15 января 1945 года военный трибунал Мосгарнизона, «не усматривая необходимости применения ВМН», «приговорил Извекова Сергея Михайловича по совокупности совершенных им преступлений на основании ст. 193-7 п «д» УК РСФСР лишить свободы в ИТЛ сроком на десять (10) лет без поражения в правах и без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного, лишив его в/звания «ст. лейтенант»¹².

Иеромонах Пимен прибыл в Воркуто-Печорский лагерь 4 марта 1945 года московским этапом¹³. Воркутлаг был крупнейшей лагерной системой не только Коми АССР, но и всего СССР. В 1940-е годы там было около 100 лагерных подразделений с лимитом наполнения около 100 тысяч заключенных. Время от времени происходило переформирование, менялись названия, границы, но суть оставалась та же. Голод, тяжелая

работа. Вокруг тундра, вечная мерзлота и долгая полярная ночь. «На 10–15 человек была одна ложка, а вместо мисок — консервные банки. На многих лагпунтах не было ни бань, ни дезинфекционных камер. Вследствие обморожений и заболеваний множество заключенных умирало. На 26 тысяч заключенных приходилось всего 188 медицинских работников, причем в большинстве своем это были фельдшеры и медицинские сестры»¹⁴.

В одном из таких лагерных поселений с иеромонахом Пименом встретился протоиерей Тихон Стрелецкий, который отбывал свой срок в районе Сольвычегодска по рекам Вычегде и Локчим, недалеко от Котласа. «На 102 квартале в Коми, — рассказывал отец Тихон, — на одном участке иду я с кладбища. Смотрю, на конюшне из трубы дым идет, значит, думаю, кто-то есть внутри. Захожу в конюшню. На постели лежит жеребенок, покрыт одеялом, только голова выглядывает. Я подошел, погладил. Осмотрел я келью, думаю: здесь живет не простой человек. Обогрелся я у печки. Через некоторое время входит молодой человек высокого роста. Я ему

говорю: «Почему у тебя жеребенок на постели лежит?». А он отвечает: «Это сиротинка. Его мама сломала ногу на вывозе леса, и ее по лагерному обычаю зарезали. <...> Та же участь ожидала жеребенка. Я пожалел его и взял на воспитание». — «Вижу, вы не простой человек, — говорю ему. «Да, я — иеромонах. В лагерях уже во второй раз»¹⁵.

18 сентября 1945 года на основании Указа Президиума ВС СССР от 7 июня 1945 года иеромонах Пимен был освобожден от принудительных работ в лагере. В справке № 82402 от 13 сентября 1945 года, выдаваемой выходящему на волю, значилось, что работал он санитаром.

Конечно, освобождение иеромонаха Пимена по амнистии вызывает больше вопросов, чем ответов. То ли действительно, как утверждается некоторыми, следствие разоблачило в невинности осужденного и использовало амнистию для исправления своей ошибки, то ли была другая причина или ее вовсе не было — документально подтвердить или опровергнуть любое из этих предположений на сегодняшний день невозможно...

¹Журнал Московской Патриархии. 2005. № 4. С. 6.

²Архив Свято-Данилова монастыря.

³Там же.

⁴В руку Твоею жребий мой. Воспоминания членов семьи священника М. Г. Красноцветова. СПб., 2004. С. 98–117.

⁵Прасковье Тихоновне Кориной Патриарх Пимен рассказывал: «Командир у меня был добрый. Под пули меня не посылал. Но однажды пришлось переправляться через реку...» Записано Вадимом Валентиновичем Нарцисовым.

⁶ЦАМО РФ. Ф. 1480, оп. 1, д. 3, л. 10 об.

⁷Вчера на переднем крае // За победу. Красноармейская газета. 1943. № 118. Четверг, 26 августа.

⁸Буслаев Иван Ефимович (1903–1967) — в описываемое время генерал-майор, Герой Советского Союза, командир 213-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии.

⁹Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев. М., 2006. С. 181.

¹⁰«Во время войны полк, где воевал будущий Патриарх, попал в окружение и в такое кольцо огня, где люди были обречены. В полку знали, что среди солдат есть иеромонах, и не боясь уже ничего, кроме смерти, бухнулись в ноги: «Батя, молись. Куда нам идти?». У иеромонаха была потаенно запрятанная икона Божией Матери, и теперь под огнем он слезно

молился перед ней. И сжалилась Пречистая над гибнущим воинством — все увидели, как ожила вдруг икона и Божия Мать протянула руку, указав путь на прорыв. Полк спасся». (Павлова Н. Кто на Голгофе // Москва. 1995. № 3. С. 200). «Подразделение, к которому он принадлежал, попало в окружение. Спасение пришло, по словам будущего Патриарха, от Самой Божией Матери: он увидел на тропе неожиданно появившуюся плачущую женщину, подошел спросить о причине слез и услышал: «Идите прямо по этой тропе и спасетесь». Войсковой командир, которому отец Пимен передал сказанное, внял совету, и воины действительно вышли из окружения». (Миллер Т. Святейший Патриарх Пимен // Альфа и Омега. 2003. № 3 (37). С. 250).

¹¹Протоиерей Виктор Шиповальников объясняет арест иеромонаха Пимена в 1944 г. «работой СМЕРШа» (Журнал Московской Патриархии. 1991. № 9. С. 29).

¹²ЦАМО. Оп. 758053, д. 169, л. 97.

¹³ГУИН МЮ РФ по РК в городе Воркуте. Справка УФСБ РФ по Республике Коми от 04.08.2006 г. № 10/2-565.

¹⁴Шеренас А. Локчимлаг // Российский независимый исторический и правозащитный журнал. (<http://www.hro.org/editions/Karta/pg 22-23>).

¹⁵Протоиерей Александр Дубровский. Стрелецкий Н. Т. Воспоминания (рукопись).

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен на Всесоюзной конференции за мир и разоружение в Москве 17 июня 1965 года

Местоблюститель Московского Патриаршего престола Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен накануне патриаршей интронизации. 1971 год

Святейший Патриарх Пимен, постоянные члены Священного Синода, викарии Московской епархии и благочинные города Москвы во время возложения венка к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены по случаю 30-летия Великой Победы. 7 мая 1975 года

Фотографии из книги «Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1957–1977». М., 1977

Елена Викторовна Харитонова

Лица победителей (из собрания Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы)

В нынешнем году мы отмечаем 65-ю годовщину Победы. На протяжении нескольких десятилетий это — самый трогательный, самый душевный праздник в нашей стране. Никакие другие праздники не могут сравниться с ним. Его история, как известно, ведется с 9 мая 1945 года — с момента подписания в пригороде Берлина акта о безоговорочной капитуляции Германии. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР день 9 мая стал государственным праздником — Днем Победы, его объявили выходным. Первый День Победы праздновался так, как, наверное, ни одна дата в истории СССР. Люди на улицах поздравляли друг друга, обнимались, целовались, плакали. Вечером в Москве прогремел салют — тридцать залпов из тысячи орудий.

В последующие годы этот день отмечали не столь пышно. Он перестал считаться выходным; торжества ограничивались военным парадом на Красной площади.

В эпоху Брежнева празднику был возвращен прежний статус. Праздничные мероприятия приобрели грандиозный размах. По всей стране стали открываться новые музеи и мемориалы воинской славы; воспоминания, посвященные Великой Отечественной войне, публиковались многотысячными тиражами. Чествование ветеранов стало повсеместным: телевидение, кино, пресса оказывали повышенное внимание «рядовым труженикам войны», благодаря усилиям которых была завоевана Победа. Ветеран в орденах, ведущий внуков за руки, становится главным символом силы отечества, нерушимой связи поколений...

В последнее время предпринимается немало попыток ревизии итогов Великой Отечественной войны, смысл и значение Победы ставятся под сомнение. В этих условиях людям особенно нужны надежные свидетельства правоты дела, за которое воевали их отцы и деды. Вглядываясь в лица ветеранов на публикуемых ниже фотографиях, выполненных разными авторами в разные годы, можно сказать: вот самое непреложное свидетельство!

От редакции

Подборку архивных снимков дополняют работы на ту же тему современного фотохудожника Элины Михайловны Шелудько.

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Ветераны Великой Отечественной войны.
Москва. 9 мая 1969 года.
Авторы Н. Ситников, В. Созинов. 1-4869*

*Ветераны авиационного полка «Нормандия-Неман» И. Эйхенбаум и П. Лорион среди москвичей
в сквере у Большого театра. Москва. 9 мая 1970 года. Автор Н. Ситников. 0-9762*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Ветераны Великой Отечественной войны
у Могилы Неизвестного солдата
в Александровском саду в День Победы.
Москва. 1970-е годы. Автор А. Князев. 0-130926*

*Во время встречи ветеранов
Великой Отечественной войны
в ЦПКиО им. Горького.
Москва. 9 мая 1977 года.
Автор В. Загуменов. 0-130404*

*Ветераны Великой Отечественной войны в ЦПКиО им. Горького.
Москва. 9 мая 1977 года.
Автор В. Загуменов. 0-130401*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Ветеран Великой Отечественной войны
в сквере у Большого театра. Москва. 9 мая
1977 года. Автор В. Загуменов. 0-130399*

*Ветераны Великой Отечественной войны
на Красной площади во время празднования
40-летия Победы. Москва. 9 мая 1985 года.
Автор В. Ахломов. 0-116651*

*Ветеран Великой Отечественной войны
в сквере у Большого театра.
Москва. 9 мая 1983 года.
Автор В. Ахломов. 0-116424*

*Трижды Герой Советского Союза И.Н. Кожедуб
(второй справа) и фотокорреспондент газеты
«Красная звезда» Р. Дианов (третий справа)
во время встречи ветеранов
Великой Отечественной войны
в Александровском саду.
Москва. 22 июня 1991 года.
Автор В. Мариньо. 0-72997*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Ветераны Великой Отечественной войны во время встречи в сквере у Большого театра.
Москва. 9 мая 1982 года. Автор В. Ахломов. 0-141120*

*Встреча боевых друзей в ЦПКиО им. Горького.
Москва. 9 мая 1984 года. Автор С. Войков. 0-82181*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Колонна ветеранов
во время военного парада
на Красной площади,
посвященного
40-летию победы
в Великой Отечественной
войне.*

*Москва. 9 мая 1985 года.
Автор В. Егоров. 0-111358*

*Участники
народных
гуляний
в ЦПКиО
им. Горького
в День Победы.
Москва. 1987 год.
Автор В. Соболев.
0-2305 цв.*

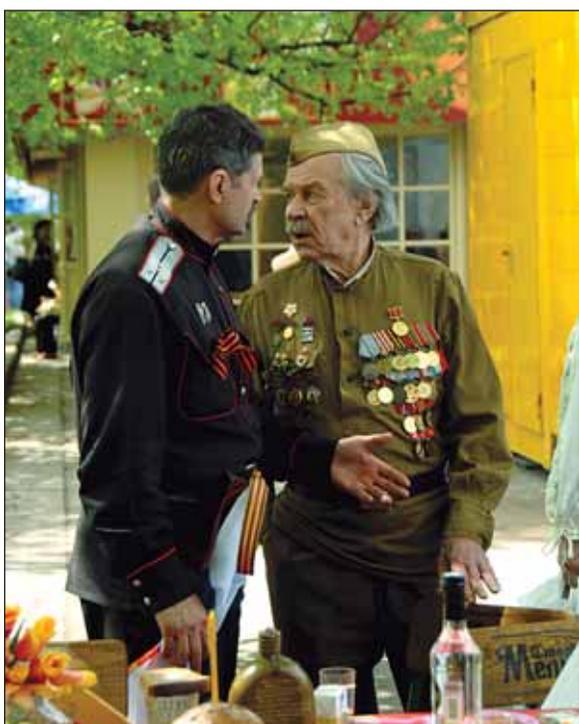
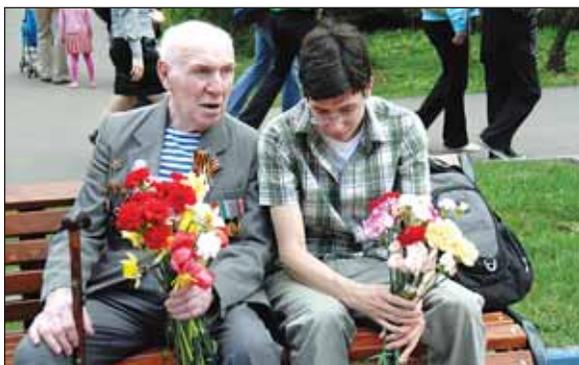

*Участники
народных
гуляний
в ЦПКиО
им. Горького
в День
Победы.
Москва.
1987 год.
Автор
В. Соболев.
0-2304 цв.*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Фотографии Э. М. Шелудько

Юрий Александрович Григорьев

Воины и труженики

О людях, победивших в Великой Отечественной войне

На исходе двадцатого столетия Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II говорил: «Благословляю тех, кто возьмет на себя труд писать воспоминания о наших отцах и дедах. Ибо предки наши есть нить, связующая нас с нашим Отечеством». Опираясь, как на посох, на патриаршее благословение, я и решил поведать то, что помню из рассказов своих отца и матери, — не мудрствуя, попросту...

Дед Гриша

Родился в конце XIX века в деревне Орешки Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Умер, будучи девяноста лет, в Клину, где жил последние годы у младшей дочери своей Таисии. Было мне тогда совсем мало лет, но я хорошо помню его. Сидит, бывало, в уголке на кухне под иконою и потихонечку посасывает пустую трубочку — в тапочках на босу ногу и в ста-

рой выцветшей солдатской гимнастерке. Сидел он так подолгу, сам похожий на икону. Большой, тихий и спокойный, с неизменной улыбкой в огромной седой бороде. Один глаз у него был выбит немцами в 1915 году. А другой мудро шурился и видел, казалось, все насквозь.

Кстати, о бороде. Отец мой рассказывал, что когда мы были маленькими, дед любил нас баюкать на руках, завернувши предварительно в свою большую белоснежную бороду. В бороде было тепло и покойно. Мы засыпали и, конечно же, писались от удовольствия.

— Ну вот, опять весь форс испортили, — ворчал дед Гриша и шел полоскать свое седое сокровище.

Первое ранение мой дед Григорий Константинович Константинов получил на Русско-японской войне 1905 года. Контузию и другие раны заработал в войне 1914–1917 годов, которую окончил кавалером Георгиевского креста в чине унтер-офицера.

После революции пришлось накрепко забыть о пожизненном пенсионе и унтер-офицерском звании. Остались только награды, ранения да солдатская гимнастерка.

В 1918 году у него родился первенец Александр — мой отец. Потом моя бабушка Матрена родила деду еще четверых детей.

*Дед Гриша с родней.
Фотография 1950-х годов*

Мой отец Александр Григорьевич

— Осьми лет начал я ходить в школу, — рассказывал он, — за четыре километра от нашей деревни. Отец строго наказал мне называться Григорьевым. Фамилию деда — Константинов — не говорить, а то могут прознать про унтер-офицерство...

Окончив школу, отец возмечтал стать художником. О том, что у него имелся к тому явный талант, свидетельствует следующий случай.

Еще будучи школяром навострился мой отец рисовать денежные купюры на простой бумаге простыми цветными карандашами. Потопчет, потрет бумажку — и бежит за пятнадцать верст на базар. У какой-нибудь бабки купит стакан семечек, а на сдачу наберет полные карманы конфет. Прибежит домой, попрячет конфеты в кустах крыжовника и ходит потом всю неделю гоголем да угощает девок-соплюшек. А те и рады стараться — ходят за ним стайкой и просят: «Санька, а Санька. Дай конфетку!»

— А вы мне че?

— А че надо?

— В щечку поцеловать.

— Да больно хотелось-то...

— Ну и конфет не будет.

— Иди уж, поцелуем.

— Обойдусь, небось, без сопливых. Так насыплю вам конфет полный сарафан.

По деревне мгновенно слава пошла: Григорьевы побогатели, всем конфеты запросто раздают. Дед призвал отца моего к ответу: «Доложи по чину, где конфет набрал?»

— В город за тетрадами ходил, бумажку цветную нашел. Вот и закупил...

Тогда обошлось. Но вот однажды послали младших в сад по крыжовник, а они вместо крыжовника принесли в корзине конфеты.

— Что такое? Как так? — вскинулся дед. — Не крыжовник, а елка новогодняя!

Тут-то отцу и пришлось сознаться в своих махинациях.

Ох, и пороли его тогда! Потом неделю держали под домашним арестом в сарае. Матрена,

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

бабка моя, носила ему хлеб и воду. Идет и плачет: и Сашеньку жалко, так ведь и в Сибирь-то всем семейством не хочется!

* * *

Хоть и порол дед Гриша отца моего, да без толку. Окончив школу, тот ушел в Вышний Волочек и поступил там в художественное училище. По всей родне собрали денег, купили ему костюм-тройку, белое кашне и шляпу. Оплатили вступительный взнос за первое полугодие — обучение было платное, тридцать рублей в месяц. Снарядили подводку, кинули в телегу два мешка с картошкой и под гармошку проводили всей деревней за околицу.

Доучиться отцу не довелось. Не было денег. Рисовать свои «бумажки» он зарекся. Поехал в Москву счастья пытаться. Работал в фотоателье ретушером. Вскоре его призвали на военную службу.

Окончив школу младших командиров, отец подал рапорт на поступление в Ряжскую летную школу. Однажды всех курсантов построили на плацу и объявили, что СССР вынужден вступить в боевые действия в районе Финляндии и в Бессарабии. Добровольцы — выйти из строя. Шагнули вперед все.

Отца направили в Бессарабию.

— Шли без боев, — рассказывал он. — И, доложу я вам, интересный народ эти румыны. Вышли к нам навстречу из одного села всем мужским составом. Спрашивают: «А правда, что вы все коммунисты и что у вас рога на голове растут?»

— Среди нас есть коммунисты, но рогов ни у кого нет.

— Не верим.

Я приказал всему отделению снять головные уборы. Рогов на наших головах не было обнаружено. Тогда старейшина опять спрашивает: «А правда, что у вас броневики из фанеры?». Я подошел к броневнику и пальнул в него из револьвера. Только пулька свистнула в рикошете да гул пошел по железу.

— Значит, нам все наврали про вас, — заключил старик и пригласил в село «за добрый братский стол».

— Всяко разное было.... — вздыхал отец. — А из Финляндии из наших никто не вернулся.

* * *

Вообще о войне отец рассказывал очень скупно. Тем не менее, когда были какие-то праздники и мы всей родней собирались за столом, он (всегда скромный и сдержанный) как бы оттаивал и позволял себе вернуться в прошлое. Как правило, это проис-

*Отец Александр Григорьевич.
Начало войны*

ходило на балконе, в подъезде или в туалете, где мы перекуривали. Обычное дело: пропустив рюмочку-другую, мы удалялись из комнаты и устраивались покурить. Мать последние десять лет была прикована из-за болезни к постели. Чтобы не огорчать ее нашими мужскими чудачествами, мы прятали под ванной или в бачке от унитаза пару бутылок портвейна. Курили, пили портвейн, говорили. Отец по своей старой армейской привычке втыкал в кончик сигареты «Дымок» без фильтра обломанную спичку. Это позволяло ему выкуривать сигарету до конца. Я пробовал

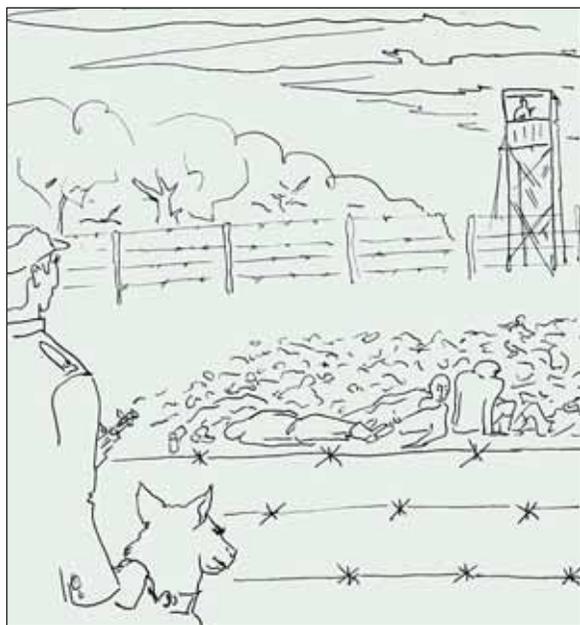
К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

— у меня не получалось. Когда отец закурил так, я знал: будет рассказ о войне. Война наступила отца под Киевом в первые же дни. Служил он тогда командиром взвода охраны аэродрома.

— На рассвете я выскочил из блиндажа оттого, что загудела вся земля. Небо на востоке чернело от огромного количества самолетов, которые тучей напоздали на нас. Рев, гул — и в мгновение ока земля вздыбилась и залилась огнем. Я потерял сознание. Когда очнулся и, как полевая мышь, вытащился из земли, аэродрома не было. Осталось только распаханное дымящееся поле. Кто-то истошно орал сбоку. Это был рядовой Силкин. Я увидел выкатившиеся глаза, раскрытый рот и кишки, размотанные по земле перед ним. Рядом кто-то молча сворачивался калачиком и разворачивался. Потом опять рокот — уже по земле: немцы на мотоциклах объезжали то, что осталось от наших окопов, и добивали раненых. Заметив, что я офицер, не стали стрелять, а бросили в кузов машины.

Очнулся я в лагере для военнопленных офицеров. Квадрат из колючей проволоки примерно двести метров на двести. По углам вышки. У перелеска хуторок, где находились наши «сторожа». По периметру лениво гуляют два фрица с овчаркой. И все это — во чистом поле. Мы лежали вповалку, грудями. Как скидывали с машин, так и валялись. Сами же себя и растаскивали. Похоронная команда из наших же ежедневно утром забирала трупы и увозила на край поля. Я мог лежать только

на животе. Спина моя была как решето в кровавой корочке.

Воды едва хватало, еды вообще не было. Мы просто подышали.

Лето на Украине всегда жаркое. Очень скоро мы стали все вонять, как живые трупы. По лагерю пошел тиф. Надо было бежать.

Наша команда состояла из семи полуживых человек. Решили бежать на рассвете по росе, чтобы собакам было трудней взять след. Под утро подсунули один из свежих трупов под колючку и поползли, кто куда мог. Сколько я полз — не знаю. Ел траву, ягоды, пил из луж. Спасли меня... сливы. Заполз я в огромный сливовый сад и несколько дней прятался в нем, собирая упавшие ягоды ртом. Тем питался и тем счастлив был. И хотелось мне, чтобы так было всегда, потому что думал я, что уже помер... А потом услышал канонаду. Фронт рядом. И пополз к линии фронта. И что ты думаешь? Мать дорогая! — Отец весело подмигивал мне и кивал на бутылку. — Выполз! С передовой меня вытянули наши санитары, голубчики. И вот нака тебе, какая незадача. Когда меня уже несли к санитарной машине, тут как тут нарисовался наш полковой комиссар.

— Григорьев! — заорал как сумасшедший. — Живой?

А я лежу на пузе и только улыбаюсь — мне же спиртика дали попить.

— Да как ты смеешь? Перебежчик! Мы тебя посмертно к чину представили. «Героя» на тебя хотел в рапорте писать. А ты жив, шкура продажная!

Вытащил свою пукалку, машет ею и вопит: «Расстрелять! Расстрелять!»

Санитар сдернул с меня плащ-палатку, а под ней мясо трепещется... Комиссар аж

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

плюнул с досады, а меня загрузили в санитарную машину. Вот так, брат мой дорогой, — отец заплакал. — После операции, когда я прочухался, ко мне пришел хирург и поставил на табуретку у меня под носом солдатскую кружку, полную всяких железяк.

— Это что? — спрашиваю.

— А это, голубчик, мы по твоей спине бороной прошлись и вона сколько накопили. Ровно сто осколков.

Подлечили меня и отправили на дознание. Все Колымой пугали, а потом комиссовали из рядов вооруженных сил по ранению и командировали в Москву на тыловые работы.

Так в начале войны я оказался в Москве — городе, в котором судьба свела меня с Нюшей, матерью твоей.

*Мама Анна Андреевна.
Фотография 1943 года*

* * *

В 1985 году, через сорок лет после войны, отец умер в больнице. Шел по коридору и вдруг упал. Вскрытие показало, что смерть наступила вследствие перекрытия легочной артерии инородным мелким металлическим предметом. Это был «немецкий гость», который сорок лет подбирался по венам и артериям к сердцу солдата, — не замеченный когда-то первый осколок.

Незадолго до смерти отца вызвали в военкомат и объявили, что в ответ на его запрос были подняты документы в архивах, из которых следует, что он имеет военные награды и состоит в офицерском звании. Вручили юбилейные медали и орден Отечественной

войны. А когда он умер, вызвали снова. Поехал я вместо него. Мне вручили еще один орден и памятные наручные командирские часы.

Помню, приехал я домой, наполнил две рюмки водкой, накрыл одну ломтиком черного хлеба и потом долго сидел и плакал...

Дед Андрей

Дед Андрей Брагин — отец моей матери Анны. Родился, проживал и хозяйствовал в деревне Рыченки Перемышльского уезда Калужской губернии. Имел семерых детей. Старший родился в 1908 году, младшая — в 1926-м. Моя мать родилась в 1921 году. Вот что она рассказывала:

— Папа наш на всю округу славился усердием, трудолюбием, широтой и добротой. Хозяйство у нас было преогромное. Одни только яблоневые сады простирались по двум холмам за домом. Опять же, и землепашные уделы, и поля покосные свои. Пасека на пятьдесят

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ульев. Амбары, гумна, скирды... пока все-то оббегаешь, так день на исходе. Лошадок своих только четверка была. Нечего уж говорить о коровках, козочках, овцах. А птицы всякой и не перечесать.

Были, конечно, и работники. А как же? Иначе ведь не управиться с таким хозяйством. А на лето еще и нанимали из пришлых. Но, как правило, брали только из своих, богобоязненных. Жили-то, почитай, как одна большая семья. Ежели в поле, так кушали все вместе, и все делалось только с молитвой. Дружно жили, весело.

На всякий церковный праздник загодя ставили пиво свое, ячменное. Вино по осени тоже делали свое, а вот водка была не в милости. Табак тоже не приветствовался.

Пруд был у нас посередине деревни — ох, и большущий. Вот забава-то нам была бултыхаться в нем. Больше всех чудила Катька — младшая. Ой, забияка была. Как идет путник какой по запруде иль подвода едет, так она уж тут как тут. «Дяденька, — кричит, — хошь поплавок покажу?» Кувырк головой под воду, а попой голой кверху. Как ни ругались папка с мамкой, все без толку...

По осени папа всегда собирал обоз на ярмарку в Перемышль, а то и в Калугу.хлопот очень много, но зато и ждали мы его с нетерпением — какие-то он нам подарки привезет?

* * *

После революции год от года обозы таяли, хозяйство истощалось. Приходили разные комиссии и всякий раз что-нибудь отнимали, урезали, изымали. Под конец двадцатых годов и вовсе ничего не осталось. В колхоз папа категорически отказывался вступать. Однажды примчался из района на взмыленной нашей старой и последней лошадке. Кинулся обнимать ее и целовать: «Спасибо, милая! Вынесла». Рассказал, что стреляли в него. Кто — не знает. Вечером пришли комиссары и увезли нашего папу в ночь. Мама поставила нас всех под образа, запалила свечи и сказала: «Молитесь, деточки. Молитесь за тятеньку нашего».

А вечером другого дня прибежал пастух и сказал маме, чтобы запрягала лошадь и ехала скорее за околицу. «Андрейка ваш в роще березовой лежит, расстрелянный. Попону возьми. Раздетый он, в одних кальсонах».

Потом нас отселили в старую избушку на краю деревни, и стали мы трудиться в колхозе в меру своего возраста. В нашем большом отеческом доме устроили сельсовет. Зимой бегали за несколько километров в школу.

А потом умерла мама. Погоревали-погоревали и решили уйти из деревни.

Я с Катей уехала в Москву. Катя устроилась прачкой в Мытищах, а меня через бюро по трудоустройству пригласили нянечкой к малышке — дочке одного чиновника. Вскоре познакомилась с Иваном. Он был военный летчик. Мы поженились, и когда я вошла в положение, он увез меня к родителям в Тамбов. В 1939 году я родила Виктора. Иван служил при московском гарнизоне. Когда летом сорок первого я приехала к нему, грянула война.

Москва сразу стала закрытым городом, а меня определили на гражданские работы по обороне Москвы. Копали рвы и ставили противотанковые «ежи». Потом сидели на крышах и гасили фугасные бомбы. А еще сдавала кровь для раненых. После войны мне вручили медаль «За оборону Москвы» и знак Почетного донора СССР.

Иван еще в самом начале войны пропал без вести. И все. Так и сгинул. А перед самой победой я познакомилась с Сашей, твоим отцом, и мы поженились. Забрали из Тамбова Виктора. Нам дали комнатку в бараке общего жительствова в Марьиной роще.

*Отец и мать с подругой.
Фотография 1946—1947 года*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Барак, коммуналка, квартира

Я помню этот барак. Фанерные перегородки. Общие коридор, туалет, кухня. Летом жарко, зимой на стенах — корка льда. Окна выходили на полуразрушенное кладбище. В комнатке ютились мать, отец и Витька — старший брат. Вовочка родился в 1946 году, но полутора лет сильно простудился и помер в больнице у матери на руках. В 1952 году родился мальчик, и его опять назвали Володей. В 1957-м родился я.

Наконец мы получили две комнатки в коммуналке. Пятый этаж в кирпичном доме с отоплением и горячей водой. Дом стоял на Трифоновской улице недалеко от метро «Рижская». В 1962 году мы переехали на улицу Докукина. Это было настоящее счастье: отдельная двухкомнатная квартира с кладовочкой и балконом. Из этой квартиры и вылетали, как из гнезда, оперившиеся мальчишки Григорьевы.

Девятое мая

Шли годы, но война не забывалась, и весь народ от мала до велика воодушевленно и искренне чувствовал победителей, ежегодно отмечая 9 Мая как великий праздник весны, радости, надежды и гордости за свое Отечество. Было чем гордиться и мне — тогда еще совсем мальчишке, потому что мой отец воевал и имел награды, а мать беззаветно трудилась в тылу.

После коммуналки наша малогабаритная двухкомнатная квартира на пятерых казалась нам апартаментами. Посередине «большой» комнаты стоял круглый раздвижной стол. Вечером восьмого мая стол раздвигался, и на него стлали ослепительно белую скатерть. Мы ждали гостей, которые съезжались уже с утра девятого. С прибытием гостей все приходило в движение: женщины деловито суетились на кухоньке, мы, дети, носили к столу тарелки с яствами, а мужчины курили на балконе, неторопливо обсуждая события из области внешней и внутренней политики. Счастливо и неотвратимо пахло весной. Во всем чувствовалась торжественность и приподнятость; все ожидали девяти часов утра, когда по телевидению начиналась прямая трансляция военного парада на Красной площади.

За десять минут до парада расставлялись стулья и табуретки, все рассаживались. И вот наконец парад. Мужчины, доселе сидевшие напряженно и тихо, оживлялись и начинали восхищенно комментировать и обсуждать последние достижения в области танкостроения, тяжелой артиллерии и противоздушной

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

обороны. Больше всего поражали «колбаски» ракет дальнего действия. И дети, и взрослые чувствовали, что наша Родина закрыта надежным щитом. Не ходи на нас с мечом!

По окончании парада торжественно разливалась по рюмкам водка, и все весело чокались под неизменный тост: «За нашу победу!». Закусывали, еще выпивали и опять закусывали. Вскоре начинался шумный разговор о делах житейских — кто, где и как, кто помер, кто женился, у кого кто родился... Когда мужчины выходили из-за стола покурить, мы, мальчишки, спешили за ними на балкон, чтобы послушать, как наши папы воевали. Для нас эта минута была долгожданной. О! Как мы тогда гордились нашими отцами!

После чая все — раздобревшие, захмелевшие, покрасневшиеся — вновь рассаживались. Возле телевизора на табуреточке устраивался с гармошкой мой старший брат Витька. Выдав на пробу несколько залихватских пассажей, он начинал:

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...*

Здесь песню подхватывали женщины, и следом за ними вступали мужчины:

*До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.*

Дальше Витька ловко выходил на начало «Синего платочка». Кто-то смахивал слезу рукавом, а Витька уже заводил: «Темная ночь, только пули свистят по степи...» После этой песни все, наохавшись и наплакавшись, просили «Катюшу». И неслось сквозь открытую в весну балконную дверь: «Расцветали яблони и груши...»

Вволю напевшись и даже наплясавшись, все опять устраивались за столом — кто-то испить еще чаю, кто-то пропустить рюмочку «на посошок и на добрый ход ноги».

Потом мы провожали гостей.

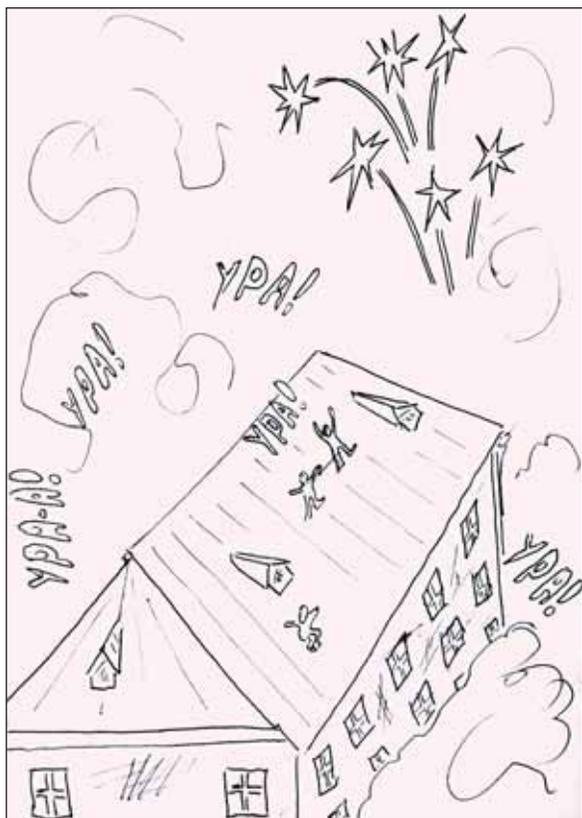
На улице между тем начиналось новое действо. Но здесь, пожалуй, не будет лишней маленькая прелюдия про наши милые старые московские улочки. Они хранили в себе тепло и уют обжитых дворики. Среди кустов и деревьев обязательно присутствовали клумбы и палисадники. Были устроены импровизированные детские площадки, «бабушкины» скамейки у каждого подъезда и неперенные столы для бабушек-лотошниц и мужиков-доминошников. С весны и по осень по вечерам во дворике кипела жизнь: галдели дети, бабушки за своими столами двигали копейки по лотошным карточкам, мужики — за своими — азартно резались в домино... Однако существовали дни, когда разделение двора на «мужскую» и «женскую» половины прекращалось — дни свадеб и праздников. Особенно девятое мая. В этот день все активные жители объединяли свои усилия для собирания большого праздничного стола. Несли из дома кто что мог: колбасу, селедку, вареную картошку, соленья, салаты, конфеты. Складывались на вино и водку. И звучали тосты: «За нашу победу!» «За нашу страну!» «За нашу армию!» «За Маньку!» «За Сашку!» «За Ваньку!»... Шумно говорили, спорили. Но все сразу смолкало при первом наигрыше гармони. Ей вторил на другом конце двора баян, а кто-то

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

уже выносил трофейный аккордеон. И были песни, танцы, хороводы... Мы, дети, с карманами, полными конфет, весело шмыгали от одной компании к другой и шалели, охваченные общим восторгом...

Но вот наконец в вечерних сумерках вспыхивали над городом первые залпы салюта. Повсюду распахивались окна, люди теснились на балконах, и при каждом новом залпе все дружно кричали «ура!». И мы, забравшись на чердак нашей пятиэтажки, где у нас была секретная голубятня, пищали оттуда свое горделивое мальчишеское «ура!»...

Уход

Моя мать Анна всегда была великой труженицей. В последние годы работала старшим бухгалтером на Ростокинском меховом комбинате и там же подрабатывала по вечерам уборщицей. Исключительная честность и порядочность, поразительная ясность ума сочетались в ней с сердечной добротой и готовностью к самопожертвованию.

Когда я в 1977 году ушел в армию, она после проводов устроила большую стирку. Распаренная, выскочила на балкон в тридцатиградусный мороз и принялась развешивать белье. На следующий день слегла: простуда дала осложнение на суставы, быстро прогрессирующий полиартрит с болью коверкал ее ноги и руки.

Вернувшись через два года из армии, я поначалу не признал в старушке с палочкой,

встретившей меня, свою всегда красивую маму. Она открыла мне дверь, обмерла, стала заваливаться на спину и с криком «Юрочка!» потеряла сознание.

Помню, как бегал по квартире, скидывал с себя форму, доставал подарки и тайком смахивал с глаз слезы. Хотелось плакать навзрыд, а я «геройски» лепетал: «Не волнуйся, ма, все наладится. Мы тебя обязательно вылечим».

Сколько было выстрадано за последующие годы — знает один Бог. Мама практически не ходила. Помню, как носил ее в ванную. А последний раз я взял ее на руки, чтобы положить на застеленный полиэтиленовой пленкой пол для обмывания. Обмывала и обряжала остывающее тело «церковная бабушка». Я помогал. Отец и брат спрятались в соседней комнате и плакали за дверью.

Умерла она 16 мая 1984 года, в день празднования Киево-Печерской иконы Божией Матери «Успение». После похорон ее сестра, моя тетя Катя, рассказывала мне, что за неделю до смерти к маме приходил ангел, показывал ей неопишимо красивую русскую землю, куда ей предстоит переселиться, и просил ее потерпеть здесь еще одну недельку...

Через год умер отец — всегда спокойный, сдержанный, очень скромный труженик и воин.

И мать, и отца уважали и любили все без исключения в нашем старом московском дворе; на вынос гроба собралась вся улица...

Возвращение

На девятый день после смерти отца, когда кончились все похоронные хлопоты, я остался в нашей старой квартире один. Печаль не оставляла меня. Было четыре часа утра, занимался рассвет. Я лежал без сна на своей постели в маленькой комнате и вдруг услышал за стенкой шепот:

— Тихо, Саша, тихо. А то Юрочку разбудишь.

Я мгновенно вскочил и кинулся в смежную комнату в счастливой надежде увидеть мать и отца. Конечно, я никого не увидел. Пошел обратно, лег. Вскоре опять:

— Ну, вот, разбудили...

— Да он и не спал вовсе...

Я подкрался на цыпочках к открытой двери, выглянул в большую комнату — никого!

«Это не могло мне просто причудиться, — думал я, закуривая на балконе. — Это были они. Точно они».

Покурив, я дошел до кровати, лег и заплакал. Но это уже не были слезы скорби, скорее

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

наоборот. Теперь я точно знал: они — мама и папа — есть. Не знаю, где и как, но они есть...

А через некоторое время случилось следующее. Я тогда был молод, горяч и самонадеян, потому и сломался — запил. Более месяца шлялся по друзьям-художникам, ночевал в мастерских. Домой идти не хотел — боялся одиночества.

Пришел-таки однажды домой и, не раздеваясь, упал на кровать.

...Сначала был сильный жар. Я знал: явилось то, чего я искал, — смерть. Из меня вышла душа и зависла под потолком. Это был настоящий я — усталый, измученный, отчаявшийся. Тело мое со стороны каза-

лось жалким и ничтожным. Оно уже больше не думало, не хотело, не дышало — просто коченело. И вдруг все исчезло. Было только ровное зеленое поле и бесконечное голубое небо. Посреди поля стояли три красавицы березки. Забегая вперед, расскажу, как спустя несколько лет я однажды ехал на коне в чистом русском поле, остановился любоваться видом вокруг себя и обомлел: это ведь то самое поле... А тогда я увидел вдруг, как ко мне над полем идут мои родители. Юные и красивые, плыли они по воздуху. Мама в тонком ситцевом платье, отец в солдатской гимнастерке.

— Юрочка! Ты не бойся. Мы с тобой и будем ходатайствовать за тебя перед Ним.

Мне сразу стало нестерпимо стыдно — не смотря на непомерное счастье вновь видеть своих маму и папу.

— Простите меня! Простите за все!..

— Хорошо, — улыбнулись они. — Теперь мы за тебя спокойны. Возвращайся с миром обратно.

Тело мое дернулось, и я вернулся.

Не один год еще минул, прежде чем я смог полностью осознать, что произошло той ночью. Жизнь моя радикально менялась, и однажды я понял: от родителей моих унаследовал я память предков, суть которой есть Бог, Любовь, Россия.

Конец и Богу слава.

Рисунки Ю. А. Григорьева

ИНФОРМНАУКА

INFORMNAUKA

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

*ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ*

*Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Грустные ивы

Стихи А. А. Жарова,
музыка М. И. Блантера

Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над водой.
Там у границы стоял на посту
Ночью боец молодой.
В грозную ночь он не спал, не дремал,
Землю родную стерег.
В чаще лесной он шаги услышал
И с автоматом залег.

Черные тени в тумане росли.
Туча на небе темна...
Первый снаряд разорвался вдали —
Так начиналась война.
Трудно держаться бойцу одному.
Трудно атаку отбить.
Вот и пришлось на рассвете ему
Голову честно сложить.

Грустные ивы стоят у пруда,
Месяц глядит с вышины...
Сонному берегу шепчет вода
Имя героя страны.
Вместе с победой спокойные дни
В эти вернулись края,
Ночью на тихой заставе огни
Вновь зажигают друзья.

**ПЬЕМ ВОДУ РОДНОГО ДНЕПРА,
БУДЕМ ПИТЬ ИЗ ПРУТА, НЕМАНА И БУГА!
ОЧИСТИМ СОВЕТСКУЮ ЗЕМЛЮ
ОТ ФАШИСТСКОЙ НЕЧИСТИ!**

Солдаты идут

Стихи М. Г. Львовского,
музыка К. В. Молчанова

Вот солдаты идут
По степи опаленной,
Тихо песню поют
Про березки да клены,
Про задумчивый сад
И плакучую иву,
Про родные леса,
Про родные леса
Да широкую ниву.

Вот солдаты идут —
Звонче песня несется,
И про грозный редут
В этой песне поется,
Про отвагу в бою,
И про смерть ради жизни,
И про верность свою,
И про верность свою
Нашей славной Отчизне.

Вот солдаты идут
Стороной незнакомой,
Всех врагов разобьют
И вернуться до дому,
Где задумчивый сад
И плакучая ива,
Где родные леса,
Где родные леса
Да широкая нива.

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

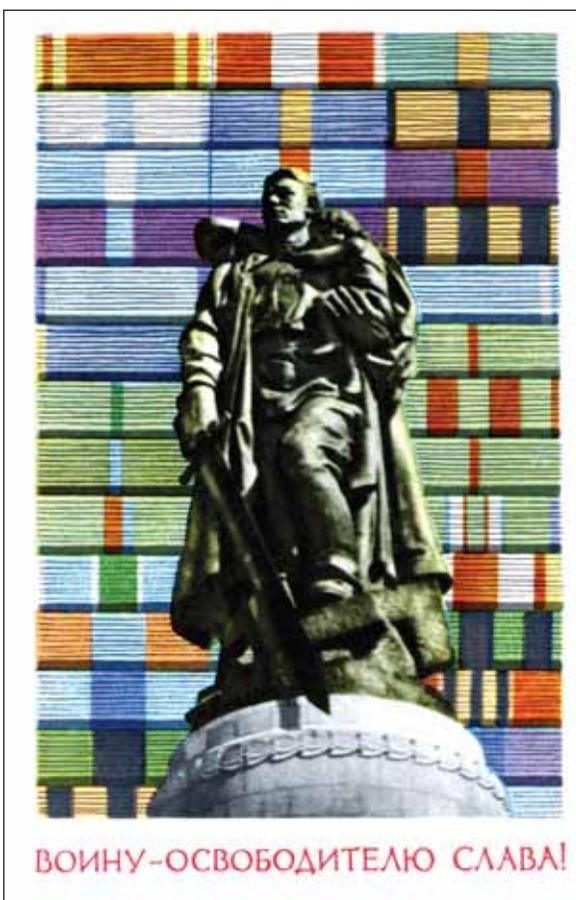

Баллада о солдате
(из кинофильма «Под Москвой»)
Стихи М. Л. Матусовского,
музыка В. П. Соловьева-Седого

Полям, вдоль берега крутого,
мимо хат
В серой шинели рядового
шел солдат.
Шел солдат, преград не зная,
Шел солдат, друзей теряя,
Часто, бывало,
Шел без привала,
Шел вперед солдат.
Шел он ночами грозowymi,
в дождь и в град.
Песню с друзьями фронтовыми
пел солдат,
Пел солдат, глотая слезы,
Пел про русские березы,
Про кари очи,
Про дом свой отчий
Пел в пути солдат.

Словно прирос к плечу солдата
автомат —
Всюду врагов своих заклятых
бил солдат.
Бил солдат их под Смоленском,
Бил солдат в поселке энском,
Пуль не считая,
Глаз не смыкая,
Бил врагов солдат.

Полям, вдоль берега крутого,
мимо хат
В серой шинели рядового
шел солдат.
Шел солдат, слуга Отчизны,
Шел солдат во имя жизни,
Землю спасая,
Землю защищая,
Шел вперед солдат!

Иван Иванович Магер

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ЖИВОПИСЬ

Тема Великой Отечественной войны в произведениях
современных российских художников

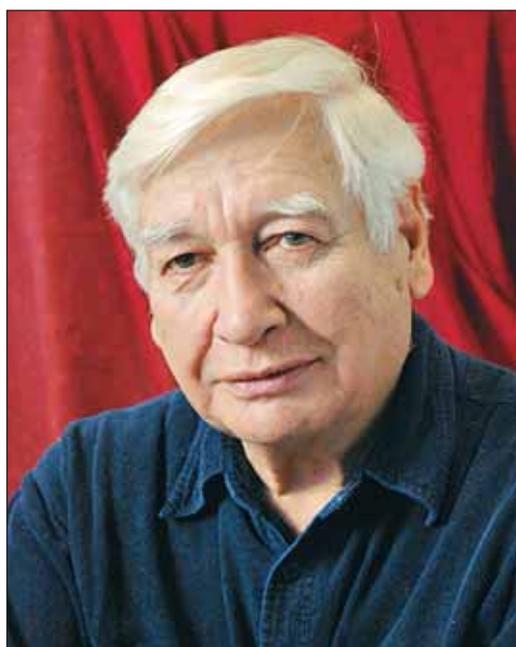
Владимир Дионисович Каленский

Яков Никифорович Скрипков

Владимир Васильевич Андреев

Андрей Николаевич Кузнецов

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Все представленные здесь художники — мастера достаточно именитые. Все знают войну не понаслышке. Все отдали ей в своем творчестве дань памяти...

Народный художник России, поченый академик Российской академии художеств **Владимир Дионисович Каленский** родился в 1920 году в Иркутске. В 1940-м был призван на действительную военную службу на флоте. В годы Великой Отечественной войны сражался в составе Северного флота старшим краснофлотцем (тогдашнее звание, соответствовавшее званию ефрейтора в сухопутных войсках). Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалями и многими другими правительственными наградами. В 1956 году ему присвоено воинское звание «инженер-лейтенант». Окончил МВХПУ (МВХ-ПУ, бывшее Строгановское; 1950). Был принят в Управление строительством высотного здания МГУ на должность художника-архитектора. В 1952–1957 годах преподавал в МВХ-ПУ. Автор многочисленных монументальных произведений на различных архитектурных объектах, в том числе в Московском метро (станция «Цветной бульвар»). Значительная часть его живописных работ посвящена Великой Отечественной войне.

Народный художник РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола, профессор Московского архитектурного института **Яков Никифорович Скрипков** родился в деревне Полуямки Михайловского района Алтайского края в 1919 году. В 1939-м был призван в Красную Армию. Служил на Дальнем Востоке, в Монголии. Будучи одаренным, сразу после Великой Отечественной войны (1946) поступил в Московский институт

прикладного и декоративного искусства на факультет монументальной живописи, где его учителем стал выдающийся художник А. А. Дейнека.

Я. Н. Скрипков — один из пионеров нового, послевоенного этапа развития советского монументального искусства. Им вместе с коллегами было осуществлено монументальное оформление ряда построенных сразу после войны театров — в Сталинграде, Калинин, Чебоксарах, Барнауле; Дворца пионеров и педагогического института имени И. Н. Ульянова в Ульяновске, создано огромное панно в читальном зале Государственной библиотеки имени В. И. Ленина; мозаика на фасаде Воронежской АЭС, цикл мозаик для Всесоюзного пионерлагеря «Артек». Ключевой же в его творчестве стала космическая тема. Все началось с задания решить монументальными мозаиками архитектурное пространство Звездного городка. Впоследствии Скрипков выполнил большую серию мозаичных портретов первопроходцев космоса: Ю. Гагарина, В. Терешковой, Г. Титова, А. Леонова и других. Не раз обращался он и к теме Великой Отечественной войны. На Алтае в райцентре Михайловке Яков Никифорович организовал картинную галерею, которой передал более 200 своих работ. Ныне галерея насчитывает свыше 2000 единиц хранения и носит имя своего основателя.

Владимир Васильевич Андреев родился в 1929 году в городе Воскресенске Московской области. Почти все военные годы он находился в Москве и в 1943 году поступил в вернувшуюся из эвакуации знаменитую Московскую среднюю художественную школу, которую окончил в 1949 году. В том же году был мобилизован, служил в ракетных войсках. После ар-

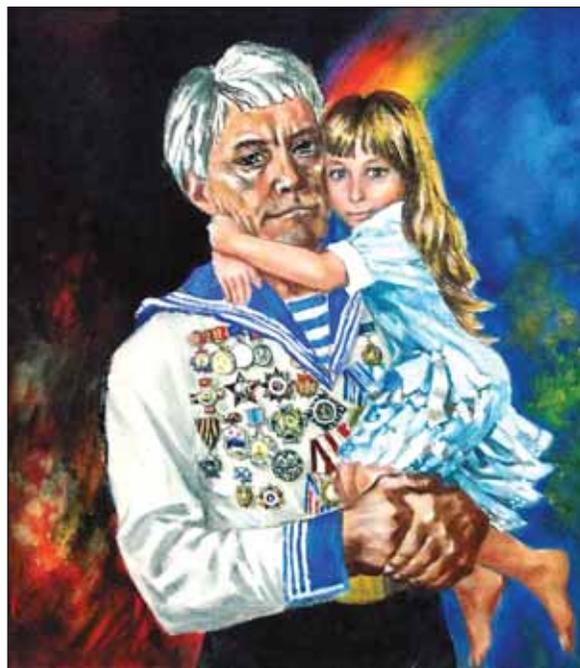
мии продолжил художественное образование на художественном факультете Московского государственного педагогического института имени В. П. Потемкина. Далее вместе с коллегами много потрудились по созданию мозаик на различных объектах (станции московского метро «Улица 1905 года» и «Проспект Мира»)-кольцевая, Московский международный торговый центр, Центр управления полетами в подмосковном Королеве и другие). Параллельно работал и как живописец, создавая, в частности, картины по воспоминаниям своего предвоенного и военного детства.

Заслуженный деятель искусств России, член-корреспондент Российской академии художеств, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Совета Министров СССР **Андрей Николаевич Кузнецов** родился в 1930 году в Москве. После краткой эвакуации в 1942 году вернулся в Москву, где находился до конца войны. Учился в Московской средней художественной школе (1943–1949), затем окончил факультет монументальной живописи ЛВХПУ имени В. И. Мухомовой в Ленинграде (1955). Им создано множество масштабных монументальных произведений на фасадах и в интерьерах общественных зданий в разных городах СССР и за рубежом (Ливия), в том числе на одиннадцати станциях метро в Москве, Минске, Самаре, Новосибирске. Его живописное творчество — это пейзажи России и других стран мира (Индия, Китай, Финляндия, Голландия, Франция и т. д.), портреты современников. В последние годы Андрей Николаевич создает картины из серии «Москва военная» — живое свидетельство современника о том героическом времени.

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*В. Д. Каленский. Война.
Холст, масло. 2004 год*

*В. Д. Каленский. Автопортрет с внучкой.
Холст, масло. 2003—2004 годы*

*В. Д. Каленский. Встреча победителей.
Холст, масло. 2005 год*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*В. Д. Каленский. 6 декабря 1941 года.
Первый день контрнаступления наших войск. Холст, масло. 2004 год*

*В. Д. Каленский. Салют Победы.
Холст, масло. 1980-е годы*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

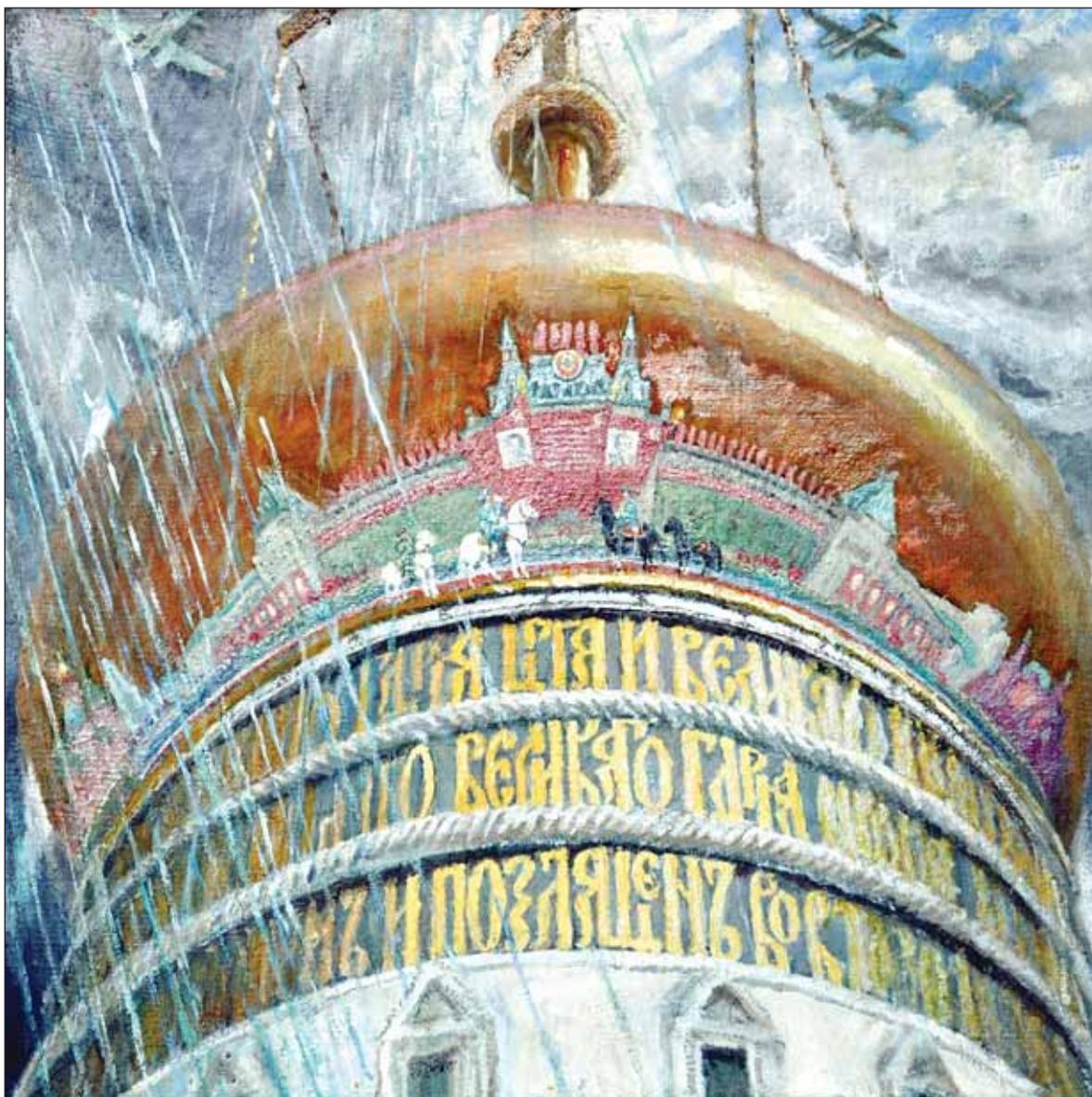
*Я. Н. Скрипков. Дважды Герой
Советского Союза
Степан Федорович Супрун.
Холст, масло. 1997 год*

*Я. Н. Скрипков. Солдат мира (фрагмент).
Мозаика. 1975 год*

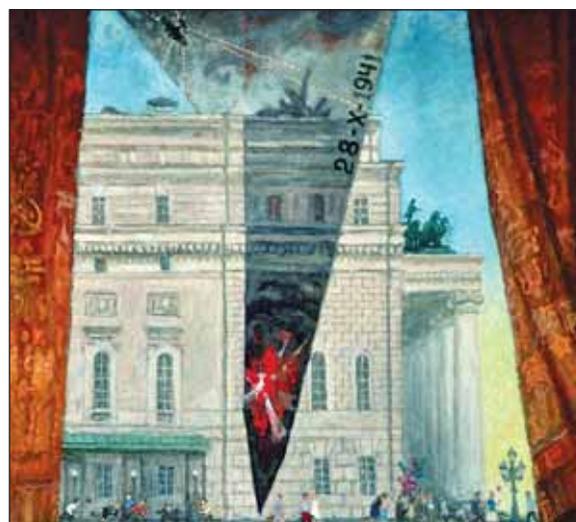
*Я. Н. Скрипков. Творцы сталинской авиации.
Холст, масло. 1950 год*

*В. В. Андреев. Парад Победы.
Холст, масло. 2000 год*

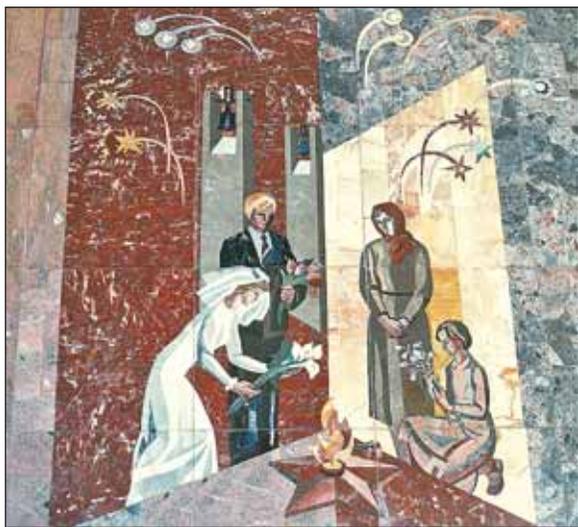

*В. В. Андреев. Лебедь и розы.
Оргалит, масло. 2005 год*

*В. В. Андреев. В Большой театр попала бомба.
Оргалит, масло. 2004—2005 годы*

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

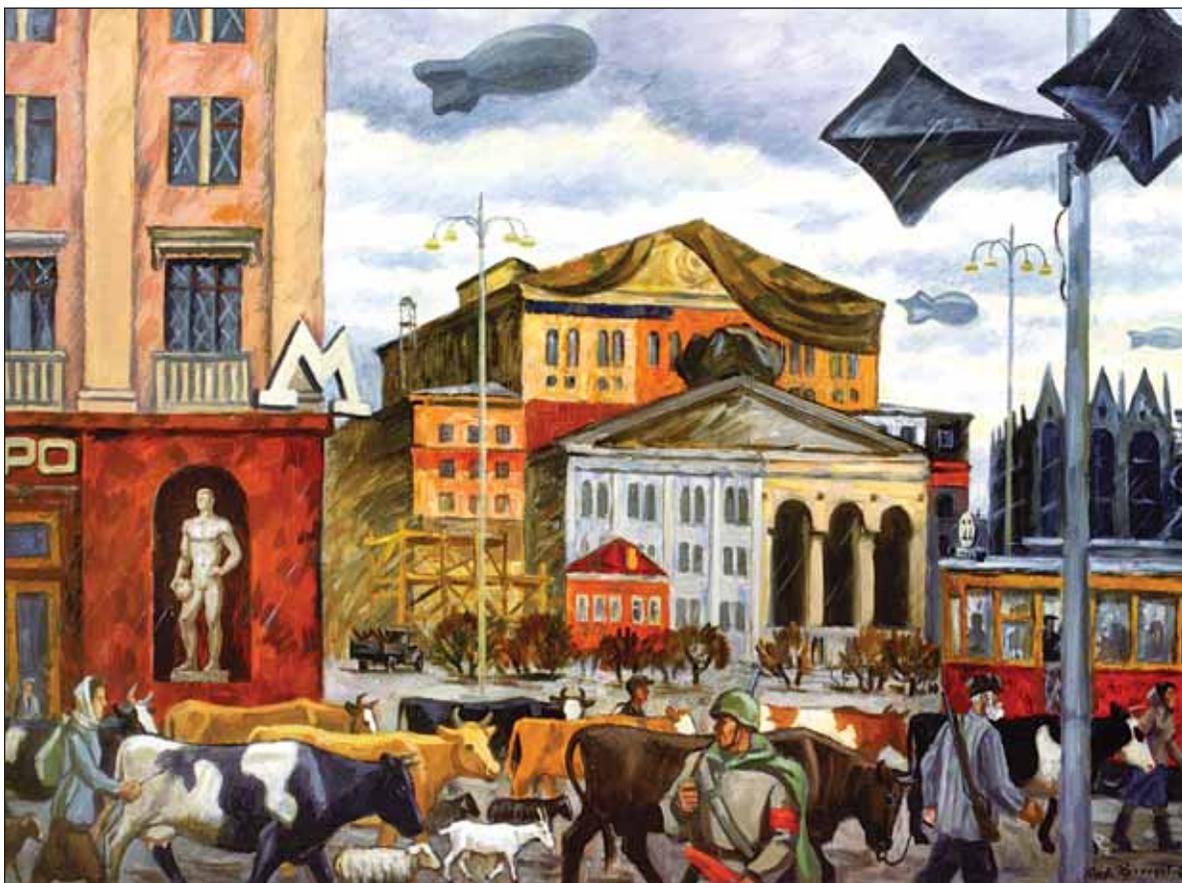
*А. Н. Кузнецов. Старый партизан.
Холст, масло. 1952 год*

*А. Н. Кузнецов. Фрагменты панно «Памяти героев»
и «Брестская крепость» (Минск, станция метро
«Октябрьская»). Мозаика. 1981—1986 годы*

А. Н. Кузнецов. Москва в июле 1941 года. Добровольцы. Холст, масло. 2005 год

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

А. Н. Кузнецов. Охотный ряд осенью 1941 года. Холст, масло. 2008 год

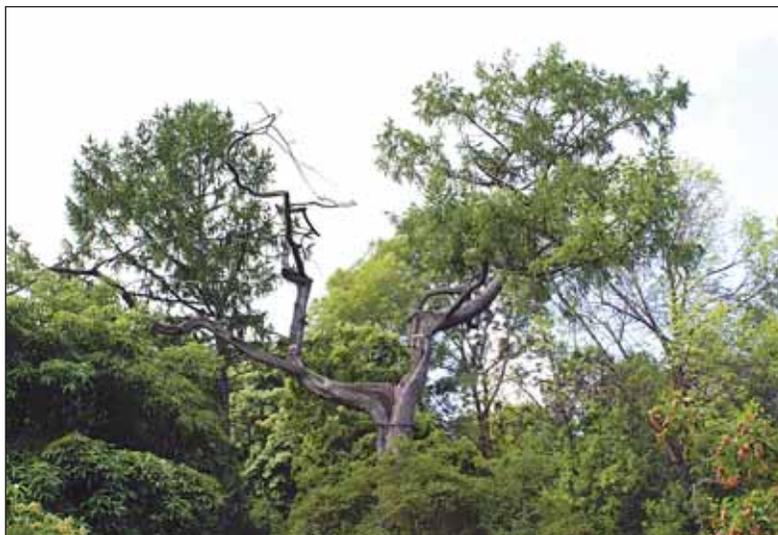

А. Н. Кузнецов. Москва военная. Возвращение из школы. Холст, масло. 2006 год

*Николай Борисович Коростелев,
Михаил Владимирович Кононов*

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

О знаменитых московских деревьях

*Ботанический сад.
Лиственница, посаженная, по преданию, Петром I*

В каждом городе, а прежде в каждой деревне были свои приметные, знаменитые деревья. Есть деревья-символы: у Ливана — кедр, у Канады — клен. У России, конечно, — береза. Сколько стихотворений, песен, картин посвящено этому дереву. А как любят у нас дуб, клен, рябину, ель...

В России еще сохранились старинные усадьбы и почти во всех — липовые аллеи. Давно уже нет барского дома, разрушились все здания вокруг, а вековые липы — молчаливые свидетели прошлого — остались.

Деревья сажали по поводам радостным. Довелось видеть ряд из пяти сосен: самая высокая — в честь рождения прадеда, следующая — деда,

третья — отца, четвертая — внука и совсем малое деревце — правнука.

Испокон веков сажали деревья на погостах.

На юге Москвы расположен Вознесенский сад — один из древнейших садов Первопрестольной. Он является частью большого «старого» Государева сада в Коломенском. В настоящее время сад занимает пять гектаров, и в нем растет около 880 разных деревьев. Здесь сохранились древние коломенские дубы, которые предания называют «Петровскими». По легенде, под сенью этих дубов обучался грамоте царевич Петр Алексеевич — будущий император Петр Великий.

В Вознесенском саду росли не только традиционные для средней полосы России деревья и кустарники, но прижились и кедры, пихты, грецкий орех, другие дикие растения из разных климатических зон. Неподалеку, также на территории музея-заповедника «Коломенское», высятся старейшие московские дубы. «Четырем дубам с мощными стволами — по 800 лет»¹. Они — современники Москвы и о многом могли бы рассказать. За дубами бережно ухаживают.

Теперь перенесемся на Проспект Мира. Здесь расположен старый Ботанический сад. Две главные его достопримечательности — сибирская лиственница и дуб.

По преданию, лиственницу посадил своими руками Петр I. В конце XIX века в нее ударила молния, поэтому крона имеет такую причудливую форму, а некоторые ветви высохли. Одну из ветвей, надломленных летним штормом 1998 года, работникам сада пришлось спилить для безопасности посетителей. Остальные было решено не трогать, так как они придают этому историческому дереву особый «древний» колорит.

Дуб черешчатый² с пирамидальной кроной, растущий недалеко от входа, посажен, вероятно, Георгом Францем Гофманом (1761–1826) — первым директором сада после приобретения его Московским университетом — в 1805 году. Пирамидальная садовая форма дуба происходит, как считается, от курьезного дерева, обнаруженного в конце XVIII века в лесу близ Бабенхаузена в Германии. Теперь эта форма — не редкость в европейских парках, но образцы столь солидного возраста встречаются нечасто. Данный экземпляр с его широкой, почти округлой кроной заметно отличается от типичного пирамидального дуба, хотя, судя по старым фотографиям, лет сто назад он выглядел куда стройнее и «располнел» сравнительно недавно.

Не повезло древним дубам и вязам в самом центре Москвы — в саду Ново-Екатерининской (ныне № 24) больницы. Один из авторов студентом пришел в Ново-Екатерининскую больницу в 1951 году³. И какое было удовольствие в перерыве между занятиями прогуляться по парку. Наш преподаватель оказался и отличным москвоведом. Он поведал, что дубы посадили еще во времена Василия Темного — а это первая половина XV века. В орнитологической научной ли-

*Коломенское.
Один из «Петровских» дубов*

Один из старейших московских дубов, растущих на территории музея-заповедника «Коломенское»

*«Дуб Гофмана»
в Ботаническом саду*

тературе и в городских газетах того времени отмечалось, что в больничном парке обитает стойкая популяция дятлов. И больные, и мы, студенты, любили наблюдать этих красивых птиц. Увы, за древними пятисотлетними гигантами не ухаживали, их не лечили, а просто спилили.

Самый первый и известный московский бульвар — Тверской. Напротив дома № 14 среди старых лип, вязов и кленов выделяется огражденный чугунным заборчиком черешчатый дуб высотой более 20 метров и обхватом в добрых 3 метра. Возраст великана давно перевалил за 200 лет. Тверской бульвар был разбит в 1796 году — значит, и дерево как минимум появилось тогда же. Но специалисты полагают, что дуб существовал раньше и в свое время «влился» в состав бульвара. Вот уж кто воочию видел представителей самых родовитых российских фамилий, многие из которых построили себе дома с обеих сторон бульвара, а также прогуливавшихся здесь литературных и иных знаменитостей того времени. Старина-дуб пережил и пожар 1812 года, и бои 1917-го — в его теле до сих пор сохранились осколки снарядов и пуль.

На Поварской улице — вяз-долгожитель, имеющий большую мемориальную ценность. Возраст вяза также более 200 лет, высота 20 метров, диаметр ствола 1,2 метра. Он — современник А. С. Пушкина. В 1987 году его собирались спилить, но жители соседних домов отстояли «старика», объявленного в конце концов заповедным. Под его кроной ныне проводится фестиваль «У старого вяза».

А теперь наш путь на Большую Пироговскую улицу. Здесь располагается Клинический городок — основная база Московской медицинской

РЕЛИКВИИ

академии имени И. М. Сеченова. Долгие годы существует традиция: студенты медико-профилактического (ранее — санитарно-гигиенический) факультета в начале или по окончании учебы, а также выпускники во время юбилейных встреч фотографируются около памятника Ф. Ф. Эрисману под «эрисмановским» дубом. Есть свидетельства, что дуб посажен в конце XIX века именно Федором Федоровичем Эрисманом — одним из основоположников отечественной гигиены.

В Клиническом городке на улице Россоломо имеется еще несколько приметных деревьев.

Около клиники имени выдающегося терапевта академика Е. М. Тареева — березка, которая так и называется — «тареевской». Ее в день своего восьмидесятилетия (1975) Евгений Михайлович посадил вместе с учениками.

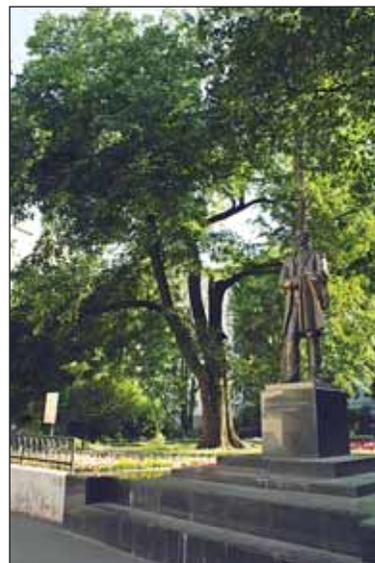
За клиникой Тареева — старейшая в городке психиатрическая. В 1899 году в Москву приехали крупнейшие иностранные психиатры — Ж.-Ж.-В. Маньян, Ф. Жолли, Ч. Ломброзо, Р. Крафт-Эбинг, Т. Питерс и другие. Их приветствовал наш выдающийся психиатр Сергей Сергеевич Корсаков. В честь высоких гостей 31 октября в ресторане «Эрмитаж» устроили обед. В числе присутствовавших был и Антон Павлович Чехов. На другой день, 1 ноября, гости посетили клинику. К ним обратился С. С. Корсаков: «Господа! Высокоуважаемые коллеги! Московская психиатрическая клиника счастлива навсегда сохранить память об этом. <...> Вот здесь несколько саженцев. Не будете ли вы так любезны посадить их? Когда-нибудь, когда нас не станет, аллея могучих тенистых деревьев, каждое из которых будет носить имя

Дуб на Тверском бульваре

посадившего коллеги, напомним нашим последователям и потомкам об этом дне; и в тени этих деревьев найдут отдых, лет через пятьдесят или через сто, те больные, лечению которых вы посвятили свою жизнь»⁴. В саду сохранились четыре дуба столетнего возраста, посаженные Корсаковым, Крафт-Эбингом, Питерсом и Маньяном. По порядковому номеру в реестре среди этих дубов можно определить «корсаковский».

26 ноября 1925 года в клинику поступил поэт Сергей Есенин. Здесь он написал пятнадцать стихотворений, среди них — «Клен ты мой опавший...». Стихотворение датировано 28 ноября. Анализируя его, исследователь Э. А. Хлысталов пишет: «Возможно, Есенин в этот день только написал стихотворение, а сочинил его раньше? У него была такая практика. В этом стихотворении — ни строчки о городском пейзаже, все о зимней деревне. <...> Но это только кажется, Сергей Александрович последние несколько лет не был в деревне зимой, и потом, слово «словно» (в строчке «словно за деревню погулять ты вышел». — *Авт.*) не утверждает деревенского пейзажа». Хлысталов

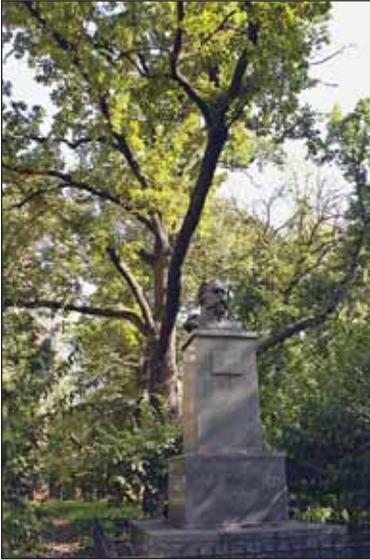
Вяз на Поварской улице

Один из сохранившихся мемориальных дубов в саду психиатрической клиники имени С. С. Корсакова

цитирует справку из Гидрометцентра: «28 ноября (1925 г. — *Авт.*) снега выпало 9,4 миллиметра, ветер юго-западный, 8 метров в секунду, температура один градус мороза, дула низовая метель». И далее пишет: «Из широченного окна в коридоре я увидел столетний клен. Сомнений не было. Это он, скромно отступивший с тропы в больничном парке. Он — ровесник Есенина»⁵.

В 1997 году, семь лет спустя после Э. А. Хлысталова, мы с историком психиатри-

«Эрисмановский» дуб

«Тареевская» березка

Возможно, этот клен —
«герой» есенинского
стихотворения
«Клен ты мой опавший...»

ческой клиники доктором А. Г. Выгоном отыскиали в саду старый клен. Однако утверждать, что это именно тот самый есенинский клен, нужно с осторожностью.

Совсем недалеко — «ласковая Остоженка», как называл эту улицу художник В. И. Су-

риков. Улица примечательна прекрасными строениями разных эпох и стилей, и все же своеобразным «гербом» Остоженки служит сохранившийся до наших дней деревянный особнячок, где жил И. С. Тургенев. Из окон комнаты, где, по легенде, писался рассказ «Муму», он любовался огромным вязом. Сейчас в особнячке открылся музей. К счастью, сохранился и вяз.

Есть приметные мемориальные посадки на московских кладбищах. На Новодевичьем, где похоронены артисты Художественного театра, высажены вишни («Вишневый сад»). Около могилы Сергея Есенина на Ваганьковском — березка.

Недалеко от Москвы в усадьбе Поречье погребен известный русский лесовод К. Ф. Тюрмер. На могильном камне начертаны слова: «Ты памятник себе воздвиг в лесах великих». И действительно, именно в Поречье, возможно, растут «чемпио-

ны по размерам» Москвы и Московской области — ели и лиственницы высотой свыше 40 метров. Среди могучих деревьев Тимирязевского парка — могила другого знаменитого лесовода М. К. Турского.

Писатель Владимир Чивилихин рассказывал: Юрий Гагарин, когда вырвался в космос, подал свои позывные: «Я — «Кедр!»! «Уже после его смерти мои земляки — лесники <...> привезли в Звездный живой груз — шестьдесят десятилетних сибирских кедров, и мы с группой космонавтов посадили их в Звездном городке по берегу пруда, где любил гулять с дочками Юрий Гагарин». А при жизни Гагарина в честь его легендарного полета 14 апреля 1961 года в Кремле были высажены 5 дубков.

В дни Московского Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1957) сотни его участников заложили на Ленинградском шоссе парк Дружбы, занявший несколько десятков гектаров.

* * *

В свое время в Киеве издали отличную книгу — «Охрана вековых деревьев»⁶, в которую, в частности, вошел «Кадастр выдающихся вековых, мемориальных и других деревьев» столицы Украины. Приходится признать: Москва в этом отношении от Киева непростительно отстала. Составление подобного кадастра для Москвы — задача давно назревшая...

Фотографии М. В. Кононова.
2009 год

¹Гра М. А. Коломенское. М., 1963. С. 17.

²Дуб черешчатый (летний, обыкновенный, английский) — наиболее распространенный в Европейской части России представитель этого рода деревьев.

³См.: Московский журнал. 2002. № 12. С. 21–25.

⁴Банищikov В. М. С. С. Корсаков. М., 1967.

⁵Хлысталов Э. А. Тайна гостиницы «Англетер». М., 1991.

⁶Борейко В. Е. Охрана вековых деревьев. Киев, 1996.

Владимир Амосович Табурин

Мукденский бой

Из репортажей специального корреспондента
журнала «Нива» (1905. № 14–23)

От редакции

105 лет назад состоялось Мукденское сражение — последнее и наиболее масштабное в русско-японской войне (1904–1905). Оно происходило 6 (19) февраля — 25 февраля (10 марта) 1905 года близ города Мукден (Шеньян) в Северо-Восточном Китае. Как сказано в Большой Советской энциклопедии, «после капитуляции русского гарнизона Порт-Артура (декабрь 1904) и неудачи январского наступления русских войск на Сандепу (селение в Маньчжурии в 36 километрах юго-западнее Мукдена. — Ред.) стратегическая обстановка в Маньчжурии стала неблагоприятной для русской армии. Японские войска (главнокомандующий маршал И. Ояма) были усилены 3-й армией, переброшенной из-под Порт-Артура, и их силы составили 271 тыс. штыков и сабель, 1062 орудия, 200 пулеметов. Три русские Маньчжурские армии (главнокомандующий генерал А. Н. Куропаткин) имели 293 тыс. штыков и сабель, 1475 орудий, 56 пулеметов; русские войска равномерно располагались на 140-километровом фронте. Японское командование планировало наступлением 5-й и 1-й армий на правом крыле фронта (восточнее Мукдена) отвлечь резервы русских войск, а затем нанести главный удар юго-западнее Мукдена силами 3-й армии с целью охвата правого фланга русских войск. Русское командование также готовило новое наступление на Сандепу силами 2-й армии. Японцы упредили наступление русских войск: в ночь на 6 (19) февраля 5-я японская армия генерала К. Кавамуры перешла в наступление и 11 (24) февраля оттеснила русский Цинхэчэнский отряд к Далинскому перешейку, а затем далее на север. 11 (24) февраля в наступление перешла 1-я японская армия генерала Т. Куроки, но до 18 февраля (3 марта) не смогла прорвать оборону 1-й русской армии генерала Н. П. Линевица. Куропаткин, считая, что здесь противник наносит главный удар, уже 12 (25) февраля направил почти все резервы на поддержку 1-й армии и Цинхэчэнского отряда. 13 (26) февраля начала наступление 3-я японская армия генерала М. Ноги. Ее движение было обнаружено русской кавалерией 14 (27) февраля, но Куропаткин 15 (28) февраля направил в район северо-западного Мукдена только одну бригаду. Лишь 16 февраля (1 марта), когда выяснилась угроза обхода правого крыла

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

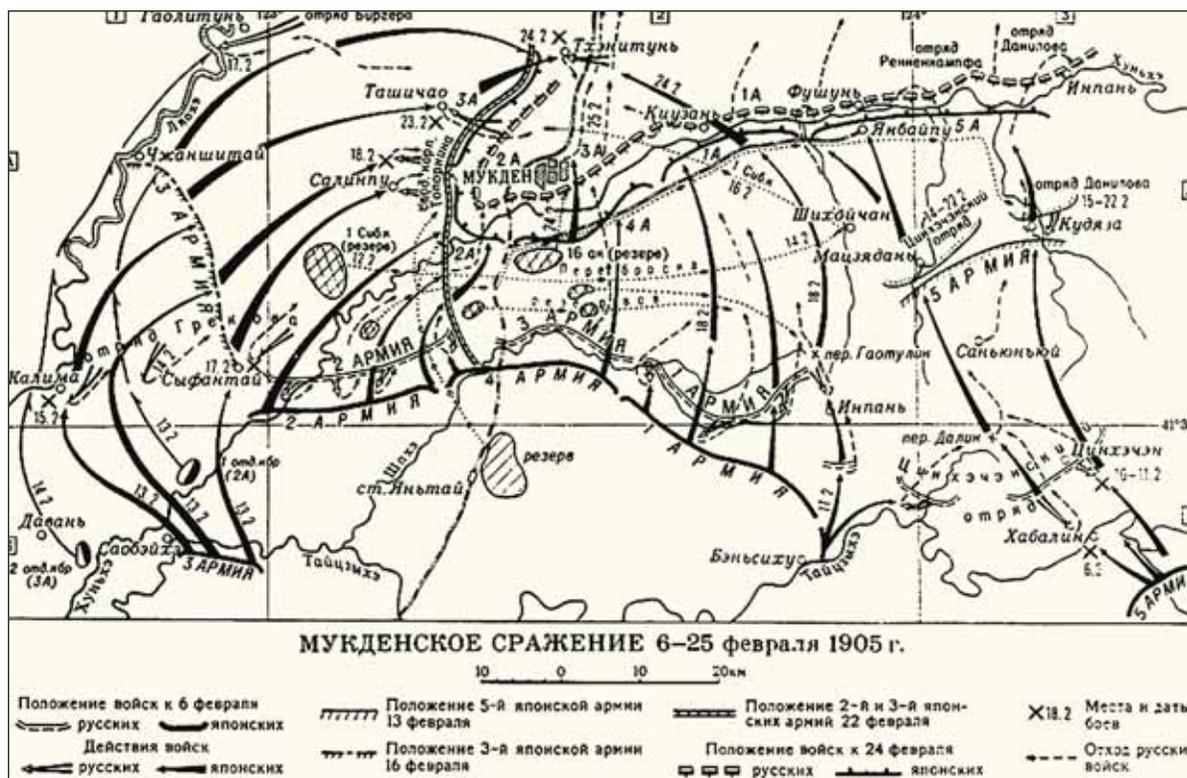
русского фронта, он приказал 1-й армии вернуть направленные ей подкрепления: для прикрытия Мукдена с запада был образован сводный корпус генерала Топорнина, 2-й армии генерала А. В. Каульбарса было приказано нанести контрудар, но ее силы оказались скованными атаками 2-й японской армии генерала Я. Оку, которые начались 16 февраля (1 марта). Обходящие колонны 3-й японской армии 17 февраля (2 марта) повернули на Мукден, но встретили упорное сопротивление войск Топорнина. Тогда Ояма продвинул 3-ю армию дальше на север, усилив ее частями с пассивных участков и резервами. Контрудары 2-й русской армии 20—21 февраля (5—6 марта) <...> проводились разрозненно, недостаточными силами и окончились неудачей. 3-я японская армия продолжала марш на север. 22 февраля (7 марта) вечером Куропаткин начал отвод армий <...> с целью сокращения фронта; управление войсками было дезорганизовано, и начатое 24 февраля (9 марта) наступление против 3-й японской армии успеха не имело. В тот же день японцы прорвали фронт 1-й русской армии, <...> и над русскими войсками нависла угроза окружения. В ночь на 25 февраля (10 марта) они начали общий отход на Телин. Несмотря на трудную обстановку, основным силам русских войск удалось отойти к Телину, а затем на [заранее подготовленные] Сыпингайские позиции». В результате сражения, отличавшегося редкой ожесточенностью и в целом считающегося проигранным русскими, японцам, однако, не удалось осуществить свой главный стратегический замысел — окружить и уничтожить нашу Маньчжурскую армию. Напротив, понеся огромные потери, они в значительной мере утратили свой боевой потенциал. Причина тому — небывалое мужество и героизм русских солдат и офицеров...

О боях под Мукденом подробно рассказано в серии репортажей специального корреспондента «Нивы» В. А. Табурина (1880—1954) — впоследствии довольно известного художника (в качестве иллюстраций к текстам наряду с многочисленными фотографиями он приложил и свои зарисовки). Вниманию читателей «Московского журнала» предлагаются выдержки из табуриных репортажей, посвященные ключевым эпизодам описываемого события, а также значительная часть вышеупомянутых иллюстраций, существенно дополняющих повествование. Все фотографии, кроме оговоренных, выполнены автором; подписи к ним приводятся по оригиналу. Примечания сделаны редакцией.

В таких условиях приходилось работать военным корреспондентам
(на переднем плане — В. А. Табурин)

Карта сражения

1. Полковник Леш¹

Началом мукденских операций можно считать тот момент, когда 1-й Восточно-Сибирский корпус был переброшен с крайнего правого фланга на левый — из состава Второй армии — в Первую. [Однако] из восьми полков лишь один 2-й полк был пущен в дело, а остальные семь полков, проводив своего соратника, были немедленно возвращены обратно. Тем временем Ноги со своей армией, пользуясь ослаблением нашего правого фланга, сделал рискованное, но весьма решительное обходное движение, что и было причиной мукденской развязки. <...>

1-й и 2-й полк, отойдя к северу, стали резервом в деревне Падьянтай. <...>

8-го февраля вечером мы прибыли в Падьянтай. Это громадная деревня, в которой свободно разместились два полка с артиллерией и обозами. Она, как и все деревни в районе военных действий, приведена в оборонительное положение — ее стены зияют рядами бойниц, но не в виде зубцов, как делалось прежде, а в виде отверстий, что много предохраняет от огня голову стрелка. <...>

Имя полковника Леша, несмотря на его невысокий чин, известно всем. Номинально он командир 1-го Его Величества Восточно-Сибирского стрелкового полка, но на деле он уже с Айсандзына командует то бригадой, то отрядом в несколько полков. Все знающие

его как боевого начальника признают за ним крупное военное дарование, и товарищи искренно желают поскорее видеть его командиром дивизии и корпуса, но устав чиновничества держит его в узких рамках, потому что он... молод...

Леш — высокого роста, плотного сложения. Его портреты не могут дать о нем понятия, потому что для этого пришлось бы снимать его в бою. В мирной обстановке это скромный и даже застенчивый человек. На собеседника он смотрит голубыми глазками, в которых светится нежная доброта прямодушного и честного человека. При такой обстановке трудно поверить, что этот тяжеловатый на вид добряк обладает громадной силой воли, неутомимой энергией и умеет повелевать как истый боевой начальник.

Но стоит заговорить с ним о военном деле, и он преображается. Он хватает карту, разбирает позиции, решает тактические задачи, горячится, увлекается, и вы видите в нем глубокую страсть, которая владеет всем его существом и для которой он готов жить и помереть. <...>

С этого дня я в течение пятнадцати дней не расстался с Лешем и его полком. Вместе сделали поход на восток и вместе были в боях под Мукденом.

Впечатления этих ужасных дней я мог начать описывать лишь неделю спустя после отступления от Мукдена. <...> В оправдание запоздалости моей корреспонденции² заме-

Полковник Леш встречает прибывших в деревню (Падьянтай. — Ред.) генерала Гернгросса и генерала Бринкена

Полковник Леш в Падьянтае

Деревня Падьянтай. Денежный ящик 1-го полка

Артиллерия в горах

чу, что я был настолько потрясен физически и нравственно, что неделю пролежал в полусознательном состоянии. Слова: «надо видеть своими глазами, чтобы иметь понятие», — более всего применимы к минувшим событиям.

Постараюсь, насколько хватит сил, описать все то, что мы здесь видели и испытали...

II. В ожидании

10-го февраля в Падьянтай приехал Куропаткин³. Об этом было объявлено накануне, и солдаты целый день занимались чисткой улиц и площадей деревни. Два полка и артиллерия были построены на большой площади. Раньше приехало в колясках духовенство с отцом Голубевым во главе, и было отслужено молебствие. Когда эта половина торжества окончилась, <...> прибыл в коляске Куропаткин. Он расцеловал Леша, который командовал парадом, обошел войска, здоровался с ними, благодарил за службу и затем, выйдя на середину площади, собрал кругом себя офицеров и сказал речь. Он говорил о деле при Сандепу. По его словам, операция неудачна по вине частных начальников. «Мало одной храбрости — нужно и искусство», — заметил он поучительно. Офицеры молча внимали, но вопрос о том, кто, собственно, должен быть первым искусником, остался открытым. «Дело у Сандепу, — заключил главнокомандующий, — было разыграно против моего желания».

Этим закончилась официальная часть торжества. Затем в одном из лучших домов был приготовлен завтрак кухней главнокомандующего, которая прибыла рано утром. Завтрак, на который были приглашены начальники отдельных частей, продолжался недолго. Куропаткин уехал, ни словом не намекнув на причину своего приезда, но среди офицерства чувствовалось, что и молебствие, и приезд Куропаткина имели значение напутствия к наступлению. <...> Настроение среди офицеров было самое радостное. Неподвижное стояние и отсутствие давно ожидаемых успехов заставляло всех радоваться наступлению, в близости которого никто не сомневался.

Леш был в восторге. После отъезда Куропаткина у него в фанзе собрались офицеры для того, чтобы, как он говорил, «докончить завтрак». <...> Появилось шампанское, полились речи, полные уверенности и стремления вперед. <...> Нам приготовили лошадей. Появился оркестр музыки, и мы поехали по деревне. Солдаты выскакивали из фанз, влезали на заборы и криками «ура» встречали своего любимого командира. Кто бы мог думать, что из этого бравого сплоченного полка через двенадцать дней останется сто шестьдесят человек. <...>

VI. Горящие деревни

<...> В два перехода, т. е. 18-го числа, часов в 5 пополудни, полки прибыли в Мукден. С западной стороны слышалась сильная канонада.

1-ю дивизию поставили на площадях южнее станции. Палаток разбивать было нельзя в виду ожидаемого движения дальше. Офицерам приказано было не отлучаться от своих частей. <...>

О делах на правом фланге говорили вполголоса. Известно было, что Матуран⁴, где стоит штаб 2-й армии, Даваньганьпу, где находились громадные склады 2-й армии, и наша мирная стоянка Падьянтай уже в руках японцев.

— Это хорошо, — говорили некоторые. — Армии выйдут из пассивного состояния и произойдет генеральное сражение. <...>

Из главной квартиры получено приказание двинуться 1-му полку для занятия фортвов у деревни Янсытунь, в 6-ти верстах к западу от Мукдена. С этой минуты события стали быстро следовать одно за другим...

Когда мы подъехали к полку, он уже был построен. Леш и Дашкин⁵ пересели на лошадей, и полк двинулся вперед. <...> Впереди в вечернем тумане светятся по крайней мере в двенадцати пунктах громадные костры. Это горят окрестные деревни и... интендантские склады. Кто их зажег, наши или японцы — пока неизвестно. В то же время по дороге навстречу нам длинной вереницей тянутся раненые пешком и в повозках. Они медленно дефилируют мимо нас, а вслед за ними так же медленно движутся усталые, разрозненные группами, вперемешку с ранеными, с повозками, взводы пехоты. Это отступающие полки 9-й и 31-й дивизии. <...>

Нам навстречу продолжали идти группы солдат. Мы их останавливали и задавали им вопросы. Но их сообщения были самые разноречивые. Одни говорили, что деревни зажжены японцами, другие — нашими.

Угол стены, окружающей Мукден

— За нами по пятам идут, — заявил один из солдат.

— Врешь, — оборвал его Леш. — Тебе от страху мерещится.

Наконец мы встретили офицера. По его словам, японцы должны находиться во второй горящей деревне, по крайней мере их кавалерия там уже была. Ближайшие деревни зажжены нашими, а дальние, возможно, что и японцами. В ближайшей деревне Янсытунь горят какие-склады.

Мы поблагодарили его и пошли дальше. <...>

IX. Утро 21 февраля

Мороз, стоявший в фанзе, не дал нам уснуть ни на минуту. <...> Рядом со мной оказался лежащим поручик Дашкин. Мы вместе вышли из фанзы, чтобы искать палатку Леша.

В громадном биваке под холмом <...> догорали костры, около которых сидели съезжившиеся фигуры солдат. Люди уже проснулись, можно было бы сказать по первому взгляду, но на самом деле они еще не спали, а так и просидели всю ночь кругом костров. Мимо серых кучек солдат и рядов винтовок, составленных в козлы, мы дошли наконец до 1-го полка. Тут, однако, картина была другая. Люди ночевали в палатках.

У первого батальона мы нашли маленькую палатку полковника Леша. Около нее денщики согревали на костре воду для чая. Дул резкий морозный ветер, и о кружке горячего чая приятно было подумать. Я подсел у костра на скатанную шинель, пока Дашкин будил полковника.

— Собирать палатки! — раздался его голос, и голова в мохнатой папахе выглянула из-за полотнища.

Я спросил его о причине такого контраста: люди одного полка ночуют в палатках, а другие — всю ночь мерзнут на ветру.

— А зачем я буду изнурять людей перед боем? На случай тревоги у меня везде караулы.

Артиллеристы на отдыхе

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

*Мукденский бой. Наступление правого фланга
от башии Хауха 21 февраля. Атака деревни через засеки*

Почему другие командиры рассуждают иначе — это не мое дело...

Мы наскоро напилье чаю. Денщик нашел в повозке командира десяток баранок, торжественно заявив, что это «московские». Их пришлось разбивать рукояткой револьвера.

Сборы полка были недолги. Через полчаса походная колонна <...> уже вытягивалась на дорогу. Впереди — пустынная равнина с таинственной далью, закрытой от нас утренним туманом. За этой завесой должен был начаться первый акт трагедии⁶. <...>

Впереди, как горох, рассыпанный по полю, барабанила ружейная трескотня. Колонна остановилась. Леш собрал кругом себя офицеров и стал давать указания к предстоящему бою. Вперед была выслана пластунская команда, затем был двинут головной батальон. Полковник поздоровался с людьми и сказал:

— Стрелки! Вы идете в бой и будете такими же молодцами, какими, несмотря на тяжелые времена, вы были с начала кампании! Поддержите славу 1-го полка! Не забывайте, чье имя вы носите!⁷ С Богом!..

Батальон был пущен уже не колонной, а цепями. Части быстро разбились по всему полю, и одиночные фигуры на расстоянии трех-четырёх шагов одна от другой двинулись

вперед. Первая линия цепи скоро исчезла в тумане. Тогда пошли остальные батальоны уже походной колонной, прикрывая собой артиллерию и пулеметы. Полковник Леш сел верхом, объехал солдат, поздоровался с ними и поскакал вперед. <...>

Я пошел вместе с колонной. Солдаты шли бодро и говорили о вещах, не имеющих никакого отношения к предстоящему бою, несмотря на то, что трескотня все усиливалась. Если кто-нибудь как бы вскользь говорил: «Ишь, как жаривает», — ему замечали: «А ты, видно, не слышал еще. погоди, еще наслышишься. Подойдем ближе — тебе не так нажарит». <...>

По диспозиции мы должны были в этот день дойти до деревни Ташичао <...> и там заночевать. Путь невелик, но с первых же шагов стало ясно, что дойти в этот день до деревни Ташичао более чем трудно. Для этого нужно было в один день взять с боя три укрепленных деревни. Первую мы взяли, вторую видели только издали, но не дошли до нее, а Ташичао так и не видали...

Когда потом подводились итоги мукденского боя, то уже задним числом соображали. Если бы мы на 19-е февраля не ночевали в горячей деревне Янсытунь, если бы следующие сутки не потеряли в стоянии у линии

дороги под Мукденом, <...> а прямо бы двинулись на Ташичао, то успели бы занять этот важный пункт на пути японских обходных войск.

К 8 часам туман рассеялся, и перед нами обрисовалась деревня Фансытунь. <...> Не доходя до деревни, стоял в резерве какой-то российский полк. Наша колонна прибавила шагу. Я поспешил вперед и, чтобы обогнать ее, сошел с дороги и зашагал полем. Навстречу нам из деревни спешили китайцы, выносившие и вывозившие свое имущество. По торопливости их видно было, что беда застигла их врасплох. Растерянные женщины уходили почти бегом, таща за собой и на себе плачущих ребятишек. «В чужом пиру похмелье», — подумал я.

На ближнем краю деревни у дороги <...> уже хлопочет старший врач 1-го полка Вигелев и наскоро устраивает перевязочный пункт. <...> Я слышу протяжный, нежный свист пролетевшей японской пули. Этот звук для того, кто его услышит, сразу дает новый тон и настроение всей окружающей обстановке. Все становится значительным — и скачущий навстречу ординарец с донесением на листке бумажки, которую он торопливо прячет за рукав, и голоса команд, в которых слышится волнение, и движение людей, в которых заметна необычная нервность и торопливость... Все чувства напрягаются, и сердце начинает биться быстрее...

Еще такой же свист — и шелчок в глиняную ограду, куда ударила пуля. Третья шлепается на дорогу и подымает легкое облачко пыли. Какой-то солдат, держа в поводу лошадь одного из офицеров, садится за изгородь с тыльной стороны и с простодушной улыбкой поглядывает на других солдат, которые с лошадьми стоят тут же, причем из приличия даже зевают, как бы говоря этим: «Вот, устал, присяду и отдохну».

— Прячься, прячься, — замечает ему сосед.
— Небось, найдет пуля того самого, которого ей надо...

Впереди на небольшом бугорке стоит Леш и громко отдает приказания подходящим сзади ротам, которые, минуя его, сейчас же рассыпаются цепью и идут вперед. Он горячится и ему кажется, что все его приказания исполняются медленно.

— Господин полковник, — говорит ему кто-то из офицеров. — Вы напрасно стоите здесь: кругом летают пули. Вон там за фанзой гораздо безопаснее...

— А идите вы... если вам самим не нравится здесь. Я желаю, чтобы весь полк прошел мимо меня и видел меня именно здесь, где ле-

тают пули. Впрочем, господа, вы можете разойтись, они, кажется, стали стрелять именно по нас.

Несколько офицеров отошли в сторону, но опять остановились группой. Пульки стали посвистывать кругом все чаще и чаще, но, как казалось, никто этого не замечает или не хочет замечать, и внимание всех сосредоточивается на том, что делается впереди. А там, освещенный утренним солнцем, разместился унылый маньчжурский пейзаж. Серое поле, изрезанное грядками и пересеченное замершей речкой, заканчивалось серой деревенькой, справа окруженной рощей. Ничего интересного на вид не представляла из себя эта деревушка, ни одной человеческой фигуры не было видно около нее, но в настоящую минуту она казалась грозной и таинственной. Из наружных глиняных оград, как сотни черных глаз, глядели вперед отверстия — бойницы для японских стрелков.

По полю навстречу этим зорким глазам медленно подвигались цепью редкие ряды серых фигур, окраской своей сливающихся с окружающей местностью. Они шли медленно, точно на прогулке, шаг за шагом приближаясь к роковым стенам, но в этом движении чувствовалась торжественность и сила. Дальние цепи постепенно терялись из вида, скрываясь за складкой местности или залегая на земле, точно таяли, и минута за минутой проходили в томительном и нервном ожидании.

Слева показалась фигура солдата, бегущего навстречу цепям. Он направлялся в нашу сторону. Долгий бег из передового поста утомил его. Он спотыкался, начинал идти шагом и сейчас же опять пускался бежать. Добежав до полковника и переведя дыхание, он сказал:

— Ваше высородие... там он батарею устанавливает за углом деревни, по ту сторону...

Он указал рукой налево.

— Хорошо, обожди здесь... Поручик Никитин!..

*Полковник Леш впереди своего полка
и его адъютант поручик Никитин*

Полковой адъютант Никитин на белой китайской лошадке сразу появляется откуда-то, как из земли вырастает.

— Пускай 1-я батарея откроет огонь по деревне и слева. Прикажете немедленно!

Поручик Никитин уже скачет назад к батарее. <...>

Проходит несколько минут, но, кроме ружейной трескотни, ничего не слышно. Полковник начинает горячиться и посылает к батарее поручика Дашкина. Но не успел тот скрыться за фанзами, как треснул удар, от которого стоящие тут лошади рванулись со своих мест. Над нами прошипел снаряд и, постепенно затихая, разорвался над самой деревней. Еще три снаряда дали такие же меткие разрывы. Вторая полубатарея обстреляла левую окраину деревни. Сразу был найден верный прицел.

Леш был в восторге.

— Молодцы! — повторял он при каждом удачном разрыве и потом вдруг закричал: — Беглый огонь! Ординарец, скажи капитану Ратькову — хорошо. Пускай беглым огнем по той же цели. Три очереди — беглый!

Батарея Ратькова стояла сейчас же за деревней саженьях в пятидесяти от нас. Когда загрохотал беглый огонь, то, казалось, вся деревня разрушится в прах. Ружейный огонь наших цепей затрещал чаще. Задние линии стали быстрее двигаться вперед.

Но вот некоторые серые фигурки стали присаживаться, точно они устали, другие ложились на землю, но медленно и просто, точно для отдыха, без эффектных движений тела, как обыкновенно изображают раненых на картинах. Некоторые поворачивались и шли обратно, точно им надоела прогулка под пулями. К одному из вернувшихся, когда он проходил мимо нас, Леш обратился с вопросом:

— Куда ранен?

Но солдат ничего не ответил и только показал пальцем на свой рот и раскрыл его. Оттуда хлынула кровь.

— Ну, ничего, скоро поправишься... это пуля. Иди на перевязочный...

Солдат растерянно глядел на полковника, точно не понимал, что тот ему говорит. И медленно прошел мимо. За ним солдаты-санитары пронесли раненого на носилках, а там еще и еще... У всех был вид смущенный, как бы виноватый. Они точно извинялись пред начальством, что их ранили и они уходят с поля. Тяжело раненные стонали. Мы перестали смотреть в их сторону.

На правом фланге между тем происходило что-то неладное. Там стоял цепями Велико-

луцкий полк. Когда 1-й полк пошел в наступление, то великолутцы стали постепенно отходить, потому что 1-й полк якобы пришел им на смену. Выходило такое положение вещей: в то время, когда одни наступают, другие рядом отступают.

— Что они там делают? — кричал Леш, выходя из себя от негодования. — Остановите их!

Адъютант и все наличные ординарцы поскакали отыскивать командира полка, чтобы передать ему желание полковника Леша. Его не нашли. На позиции уже оставался один батальон, и командир его велел передать, что «он не подчинен полковнику Лешу». Леш немедленно послал об этом донесение командиру отряда генералу Де-Витте, и тот приказал Великолуцкому полку подчиниться полковнику Лешу. Но это приказание пришло уже после, а пока наступление шло своим порядком.

Солдаты 1-го полка сумели не обратить внимания на отступающих и продолжали свое дело. Цепи, дойдя на 400 шагов до стенки, залегли и стали обстреливать амбразуры и переулки. Наша батарея после трех очередей продолжала еще стрелять... но вот впереди произошло что-то такое, что заставило всех насторожиться. Стрельба из наших цепей прекратилась, из орудий тоже. Далекие незаметные цепи вдруг выросли в группы людей, бежали вперед и толпились в проходах между стен деревни. Японские пули еще продолжали свистать около нас, но уже никто не обратил на это внимания. Все устремились вперед к деревне, которая прежде казалась угрюмой и неприступной, а теперь всех манила к себе. Дорога у того места, где мы стояли, сразу наполнилась движущейся толпой конных и пеших.

Проскакал казачий разъезд, которого раньше не было видно, проехали пограничники, торопились группы каких-то солдат, прокатила артиллерия, и во всем и на всех выразалось одно общее чувство и стремление: «вперед». Колорит картины сразу изменился. Стало будто светлее, люди оживились, туманное угрюмое утро стало ясным и праздничным.

Солдаты-санитары, несшие тяжело раненого, остановились на краю занятой движением дороги и поставили носилки на землю. Раненый приподнялся, через силу закричал слабым голосом «ура!» и опять упал на носилки.

Наши ворвались в деревню. Она была взята.

XI. Переменно

На равнину перед деревней Людзякуан, в которой укрепились японцы, сыпался свинцовый дождь. Цепи стрелков ползком и перебежками продвигались вперед и залегали. Каждый бугорок, каждая ямка служили укрытием от свинцового дождя, но мало спасали от него.

Прильнувший всем телом к земле стрелок, приподняв над винтовкой голову, посылал бесполезные выстрелы в далекую глиняную стену, в невидимого врага, покуда сам, раненный в голову, не опускал ее на землю. Другие раненые отползали назад несколько шагов и опять ложились, отдыхали и опять ползли.

Цепи таяли... В подкрепление им шли новые, и живые ложились рядом с мертвыми.

Среди этих лежащих тел поднялась какая-то фигура, махавшая руками и переходившая с места на место. Несколько солдат группировалось около нее, но они двигались согнувшись и принакали к земле. Стрелки задней цепи перебежками приближались к ним, и все двигались вперед за фигурой, шедшей во весь рост.

Человек этот если и был начальством, то самым маленьким. Это был зауряд-прапорщик Сильвестрюк. Хоть он и носил офицерские погоны, но лишь временно, потому что зауряд-прапорщики их носят только в течение кампании, а потом они становятся такими же фельдфебелями, какими были и раньше, солдатами же в лучшем значении этого слова, для которых служба и храбрость есть долг, а не средство для отличия, они остаются все время независимо от офицерских или солдатских погон.

Сильвестрюк был в 1-м полку заведующим столовой. <...> В середине января Сильвестрюк был послан в Харбин с какими-то поручениями, и когда там узнал о деле при Сандепу, то заплакал от горькой досады, что не мог принять в нем участия. Теперь он попросил дать под его команду около взвода и пошел со стрелками вперед. Вдали он заметил ровик и решил его занять со своими людьми. Каждого солдата он знал по имени и подгонял тех, которые отставали. Пули носились кругом, как рой комаров, но Сильвестрюк поставил себе задачей зайти вперед всех цепей и занять намеченный ровик. Когда японцы стали явно стрелять по его приближающейся фигуре, он на несколько секунд ложился на землю. И затем вставал, окликал своих и опять шел вперед. Несколько человек уже были ранены и остались позади.

Кругом лежало много японских трупов. Это были те, которые пали при отступлении из первой деревни. Из-под широко раскину-

тых халатов виднелись белые гамашы и низкие светлые башмаки. Один японец, еще живой, дико стонал и, лежа на боку, в страхе протягивал руку, боясь, что наши солдаты его приколуют. Он лежал на пригорке, и свои же пули легко могли его задеть. Два солдата, кравишиеся мимо него, взяли его за ноги и оттащили к задней стороне пригорка. Через минуту один из них побежал, нагнувшись, за своими, а другой был ранен в живот и остался лежать рядом с японцем.

Разведчики

Наконец Сильвестрюк со своими людьми добегал до ровика и засел в нем. Каждый примостился поудобнее, у кого были лопаты, стали вырубать в земле углубление для винтовок. Деревня находилась в 400 шагах впереди. На этом расстоянии можно было легко раз-

личить желтые околыши, мелькавшие из-за каждой фанзы, из-за каждого забора. За развалинами, выступающими впереди деревни, японцы засели большой группой, некоторые едва прикрытые глыбами обвалившейся глиняной стены. А другие, пренебрегая защитой, открыто выступали вперед и стреляли с колена, но скоро, как бы ослабев, опускали винтовку и склонялись к земле или уползали обратно. Тяжело раненных японцы сейчас же оттаскивали назад.

У Сильвестрюка, покуда он добежал до ровика, была поранена почти половина людей, так что он занял его одним полувзводом. Теперь они были отчасти защищены от огня. Раненых стало меньше, но зато все тяжело или смертельно — в голову. Другим ротам пришлось лежать на совершенно ровной местности. В четвертой роте не осталось ни одного офицера. Тогда зауряд-прапорщик Михайлов с остатками роты перебежал и занял ровик вместе с Сильвестрюком.

Цепи таяли... За невозможностью выносить раненых под огнем из передних цепей их оставляли на месте до наступления сумерек. Кто мог, тот уползал сам. Среди непрерывной ружейной трескотни изредка слышался свисток команды офицера к залпу, и вслед за раскатом по долине проносился тяжелый глухой вздох от полета пуль. В массе звуков от ружейного огня, носящихся в воздухе снарядов, лопающихся шрапнелей, механической трескотни пулеметов, выстрелов орудий, от которых сотрясался воздух, слышались слабые просьбы и жалобы раненых, которых санитары укладывали на носилки и, не поднимая на плечи, торопились выносить из огня.

— Братцы! Не оставьте, замерзаю... — говорил отдельно лежащий на ходу раненый солдат.

Несмотря на яркое солнце, дул резкий морозный ветер. У всех солдат на руках были рукавицы, потому что иначе пальцы замерзали от стальной скобы винтовки. Вообще же целым и здоровым холодно не было. Их согревало внутреннее волнение. Но раненые, в особенности при потере крови, застывали очень быстро. <...>

В едва заметном углублении в земле залегли три стрелка. Прикрытие было слишком ничтожное, и один из них уже был тяжело ранен в грудь. Он неловко лежал на боку и хрипел. Двое других хотели отнести его назад к деревне, но он отказался. Через силу выполз он вперед и лег перед ними.

— Валяй, братцы... обо мне не думайте. Все равно мне уж не жить... Буду же я вам бруствером...

Стрелки положили на него винтовки и продолжали свое дело. В живой бруствер удари-

лось еще несколько пуль, и он стал остывать. <...>

Цепи таяли... <...> Начинало темнеть. Артиллерийский огонь прекратился, но ружейная трескотня не умолкала. Между рядами стрелков ходил <...> поручик Ставицкий и распоряжался уборкой раненых. Он нагибался над лежащими, сразу отличая между ними мертвых, и приказывал забирать винтовки, патронные сумки и разбросанные кругом патроны. Трупы оставляли на месте. Носилок не хватало, и солдаты выносили раненых на палатках и на шинелях.

<...> Поредевшие роты собирались у деревни. Вереницы раненых потянулись по дороге к перевязочному пункту на пути к Мукдену.

Когда Сильвестрюк заметил отступление, он приказал своим стрелкам напоследок усилить огонь. В это время он сам был ранен, но не дал заметить этого солдатам. В своем ровике они продержались до 10 часов вечера и ушли последними.

После раненых успели вынести несколько убитых. Четыре солдата принесли на шинели в деревню тело какого-то офицера и положили его на землю, спрашивая у полкового адъютанта Никитина, где его похоронить. Я взгляделся в лицо убитого. Это был поручик 4-й роты Карлстедт. На лице не заметно было выражения страдания. Чуть открытые глаза смотрели не прямо, а несколько вбок, точно он искал кого-то. Рот был полуоткрыт и, казалось, он хотел, но не успел договорить:

— Я чувствовал, что это должно случиться...

XIV. Ураган

Морозное утро 24 февраля. Канонада уже началась. Выстрелы слышны с юга, с запада, с севера и даже с северо-востока, со стороны линии железной дороги. Отличить наши выстрелы от японских уже нет возможности. Неприятель стреляет и фронтальным, и фланговым огнем. Полеты снарядов встречаются, пересекаются, шрапнели сыплются дождем, в боевой суматохе поражая и врагов, и своих.

Северный отряд был окружен с трех сторон, и, казалось, оставался единственный путь отступления — к Мукдену.

Несмотря на это, наступила минута, когда генерал Ноги со своей армией уже считал дело проигранным. Если после мукденского боя считали наши потери больше японских, то до 24-го числа потери японцев были гораздо значительнее. На южном фронте ими сделано было все, чтобы отвлечь внимание русского главнокомандующего от запада. Это удалось, но наш северный отряд, <...> хотя и не получал подкреплений, но держался

стойко. Армия Ноги несла громадные потери и, увлекаясь окружением с севера, сама могла быть ежеминутно отрезана от юга. В виду этого генерал Ноги просил <...> дать ему дивизию в подкрепление. К 24-му числу дивизия подошла, и армия Ноги бросилась в наступление с новой силой.

Утром к нам приехал из Мукдена какой-то офицер с радостным известием, что главнокомандующий сформировал отряд и лично ударит на левый фланг японцев. Все мы ожили духом. Наконец должно было совершиться то, чего каждый из нас трепетно ждал. Армия Ноги, слишком зарвавшегося в своей смелой операции, получит удар в самое уязвимое место. Этот фланговый удар должен отразиться на всем его фронте. Пользуясь замешательством неприятеля от этого удара, наш отряд перейдет в наступление, японцы не выдержат натиска и начнут отходить. <...> Тогда кавалерия правого фланга, неизвестно где находившаяся до сих пор, появится на поле сражения, ударит на отступающих, и мы покажем японцам, как нужно преследовать... Если же они будут отступать к югу для соединения с общим фронтом, мы будем бить их во фланг. Южная же армия, пользуясь замешательством неприятеля вследствие неудачи, также перейдет в наступление — и долгожданное слово «вперед» наконец огласит ряды наших войск. От одного удачного удара шансы и отношения сил сразу изменятся. Не будет слабых, не будет трусов, сидящих в тылу, подавленных неудачами, не будет притворно-раненых. Успех воодушевляет. Не нужно будет подбирать раненых и отделять для этого четвертую часть здоровых строевых, потому что поле битвы при наступлении будет оставаться в тылу, где этим может заняться медицинский персонал при помощи китайцев. <...>

Через четверть часа мне оседлали лошадь, и я <...> поехал к линии железной дороги, где по восточной стороне должна была следовать обходная колонна.

Поезд за поездом двигались на север, и ни одного с севера⁸. Очевидно, станция эвакуировалась. <...> В окнах вагонов и на площадках, битком набитых людьми, заметно было, что пассажиры чувствуют себя весьма неприятно.

Я переехал через железнодорожную насыпь и сразу наткнулся на скрытые за ней пехотные части. Надо было полагать, что это и есть обходная колонна, остановившаяся для отдыха, но оказалось, что это были резервы. <...> Высокая насыпь служила хорошим прикрытием [от артобстрела], но зато по дорогам двигались другие части, и это движение наводило на тревожные догадки. Шли обозы четырьмя

Генерал Линевиц встречает прибывший 15 февраля на левый фланг 1-й стрелковый Его Величества полк. Прохождение пулеметов

колоннами. Все они шли на север, и движение их было, выражаясь деликатно, довольно торопливое и бестолковое. <...> В общей суматохе повозки, спеша вперед, сцеплялись, опрокидывались... Какие-то пехотные части, обходя занятую обозами дорогу, бредут на север. Без расспросов видно, что это отступающие. Сторонкой идет, сохраняя строй, рота пограничников. Я приближаюсь к ним и слышу, что кто-то меня окликает. Впереди строя идет в своем солдатском полушубке ротмистр Лохов. Он со своей ротой раньше охранял Фушунскую [железнодорожную] ветку. <...>

— Значит, ветка уже очищена? — спрашиваю я.

— Сегодня ночью.

На ротмистре, как на охранявшем линию, лежала обязанность ее и очистить. Это значило, проходя по всей линии (ни одного поезда на ветке уже не было), постепенно снимать все посты его роты. В это время в районе линии уже появились японские разъезды. Второй и третий корпуса утром 23-го, пересекая линию, уже отошли по направлению к Фушуну. Об этом последнем обстоятельстве в нашем западном отряде еще не было известно. Хотя это и было частичное отступление «для выравнивания фронта», но на самом деле это уже было началом отступления, и плоды его уже были видны: в тылу начиналась паника. <...>

По рассказу ротмистра, подвижной состав был увезен с ветки ночью на 23-е число. Утром 23-го на ветке оставался только он со своими людьми и несколько телеграфистов. Начальником военных сообщений генералом Забелиным было приказано по телеграфу оставаться до тех пор, покуда работает телеграф. Получались телеграммы в 1-ю армию и со станции передавались летучей почтой из трех казаков в город Фушун, где находился штаб Линевица⁹. Наконец телеграф стал шалить. Получались сообщения на незнакомом ключе. На вопросы телеграфиста ответы были непонятны. Тогда он заявил ротмистру, что телеграфное сообщение с Мукденом прервано. Оставалось уходить. Но напоследок опять нашим ключом

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

было передано: «Уходите отсюда, покада целы. Поручик такой-то». Следовала японская фамилия — что-то вроде «Микрококи». Тогда ротмистр Лохов собрал своих людей, и все пошли по линии, снимая охрану. На последнем разъезде стояли груженные и оставленные платформы. Еще далее они наткнулись на паровоз, собиравшийся уходить. Ротмистр предложил машинисту забрать все платформы. Своих людей он посадил на них же, и поезд бешеным аллюром помчался к Мукдену. Это был последний поезд. Дело происходило уже ночью на 24-е число. <...>

Покуда мы с ротмистром разговаривали, мимо нас поспешно продолжали двигаться отступающие пехотные части — обозы и артиллерийские резервы. Вот скажут ездые на лошадях с обрубленными построками... Ротмистр приказывает им остановиться, угрожая револьвером. Из их расспросов узнаем, что они 6-го корпуса, что на рассвете они были окружены и вся артиллерия пропала вместе с парками. Все эти рассказы были сильно преувеличены и являлись последствием развившейся паники. На самом деле весь южный фронт медленно отходил — или, вернее, должен был в порядке отходить на новые позиции — без натиска неприятеля. Японцы в этот день совершенно прекратили атаки на южный фронт. <...>

Ездовым и повозкам ротмистр приказывает ехать шагом и не производить суматохи.

Между тем падающие вблизи снаряды заставляют нас самих отойти в деревню, лежащую к востоку. Рота пограничников следует за нами. Здесь уже сидят группы солдат. С левого края деревни большая группа пленных

японцев охраняется конвойными. Между ними есть и китайцы — хунхузы. Но странно, что среди группы сидят какие-то кавказцы. Конвойные объявляют, что это тоже пленные. На наши вопросы они отвечают только, что они осетины и служили у японцев. На дальнейшие вопросы, откуда они, как и почему попали к японцам, отвечать отказываются. <...> Вернее всего, что они из тех кавказцев, бывших ссыльных, которым после отбытия наказания разрешено жить в Маньчжурии. Их было много в Ляояне, Мукдене, и теперь ими кишит Харбин. Это самый ненадежный и неприятный элемент населения. <...>

Отдохнув с полчаса, рота пограничников со своим командиром двинулась к станции Хушитай. Я проехал еще версты две на север. Картина все та же: бесконечные колонны отступающих и резервы, расположенные у насыпи полотна. Ни о каком обходном отряде здесь никто не знал и прохождения такового никто не видел. Оставалось предположить, что он прошел западной стороной дороги к деревне Синтайцзы.

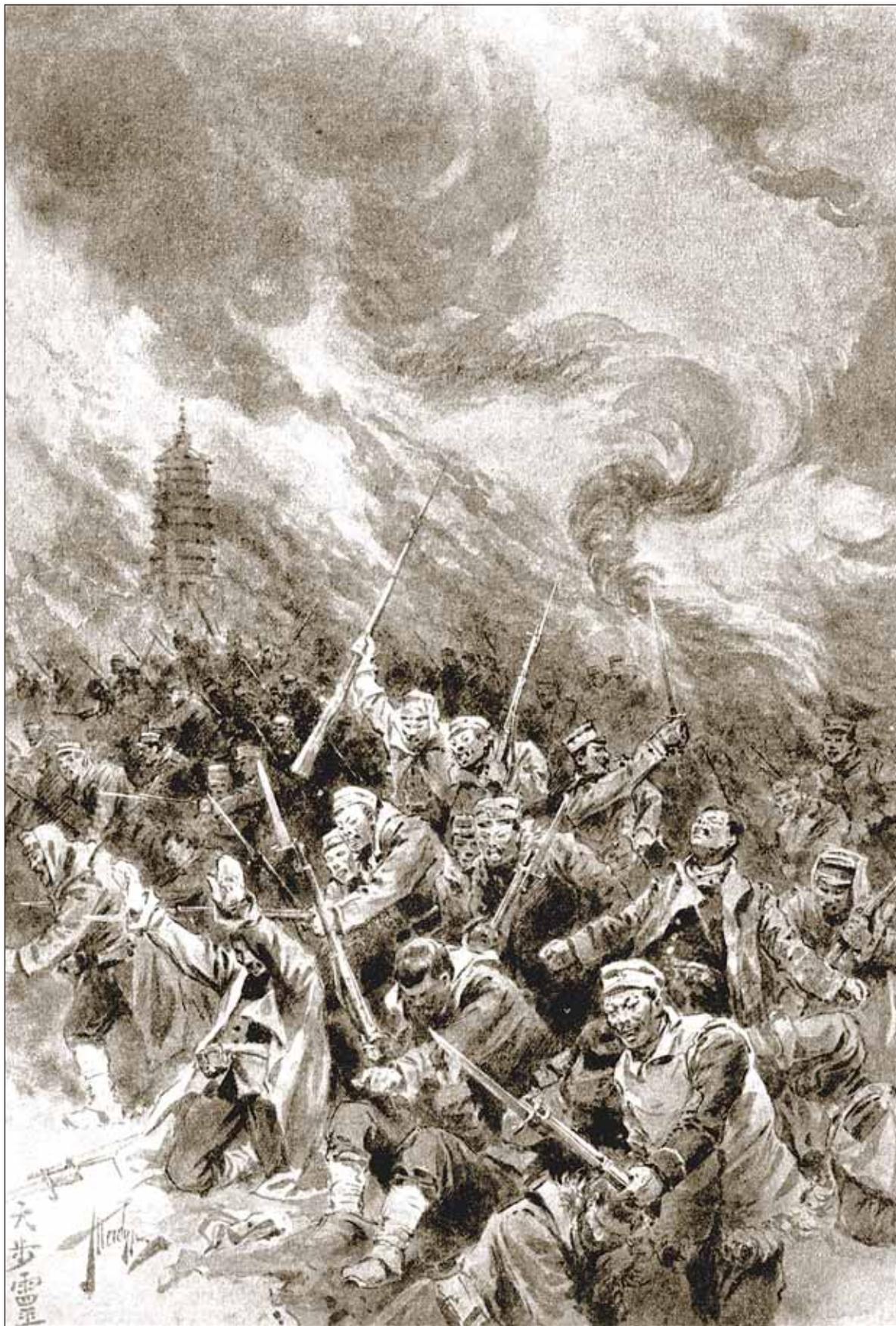
Между тем время было уже за полдень. Начинался ураган¹⁰. Я решил вернуться к своему отряду.

Это был ужасный день. После полудня поднялся страшный ветер. Южный тайфун подымал к чистому безоблачному небу бурные тучи песка, которые закрывали солнце.

Светлый день стал темнеть. Но это не было похоже на вечер или на ненастье. Это даже не была гроза, которая освежает. Это была желтая, непроницаемая для взора удушливая пелена, которая, закрыв солнце, окутала собой все поля, окружающие старый Мукден.

*Осадная
мортирная
батарея
перед боем.
Фотография
В. Буллы*

*Мукденский бой 25 февраля. Башня Хауха.
Атака колонн армии Ноги*

На расстоянии двух шагов уже нельзя было видеть человека. Временами дикий ураган приостанавливался на месте, собирал тучи песку и пыли, солнце открывалось, и на равнине показывались крутящиеся и несущиеся к северу смерчи...

В эти часы решалась участь десятидневного мукденского боя. Армия Ноги, получив подкрепления, с новой силой обрушилась на северный отряд. Но все их бешеные атаки на деревню Синтайцзы <...> были отбиты. В Сяохетуни держался полковник Леш. Под его начальство, кроме 1-го полка, поступили полки Великолуцкий и Самарский с тремя батареями. Командир Самарского полка князь Макаев был убит.

Отряд полковника Леша занимал правым флангом — Великолуцким полком и артиллерией — деревню Сяохетунь, а левым флангом — 1-м полком и самарцами — деревню Фансытунь и Безымянную, общим фронтом на северо-запад. С утра японцы артиллерийским огнем подготовили атаку. После полудня, когда начался тайфун, густые цепи желтых халатов, как живой ураган, в тучах песку бросились в атаку, стараясь пробиться между деревнями Сяохетунь и Фансытунь. Но из правой деревни 1-я батарея капитана Рятькова засыпала их дождем шрапнели. А за ними новые цепи, как неудержимый тайфун, неслись вперед, падали и засыпались песком урагана. Из трупов и раненых японцы делали брустверы и держались за ними под ружейным и артиллерийским огнем, покуда сами своими телами не увеличивали груды павших.

Все последние силы утомленных бойцов были напряжены в эти часы. Храбрость, решительность и самопожертвование — все эти качества войны обнаружили в той высшей степени, на которую только способен человек. Все остальные чувства, присущие человеку: страдание, жалость, самосохранение, были забыты в эти минуты. Не было даже остервенения, не было даже воли: человек превратился в механическую силу, и движение «вперед» стало таким же стихийным, как и тайфун.

В первом полку из двух тысяч ста тридцати человек нижних чинов осталось триста. Из семидесяти офицеров — десять. У полкового знамени была пробита пулей верхушка копия. Знаменщик был убит, но полк держался, нанося неприятелю втрое большие потери. Стянувшаяся линия японского охвата от Синтайцзы до Юхуантуня не в силах была двинуться дальше. Все атаки к вечеру были отбиты. Последние нечеловеческие усилия [неприятеля] были сломлены на этих позициях.

Между тем в деревне Синтайцзы только удержали позицию, а об обходе левого фланга японцев не было ничего известно. Это дело не удалось. Благоприятное время было потеряно. Энергичный генерал Ноги к утру мог получить новые подкрепления и отбросить наконец растаявший северный отряд к Мукдену.

К вечеру в штабе главнокомандующего были получены известия, что японцы теснят наш южный фронт в районе селения Киузань и что значительно севернее Синтайцзы появилась с востока неприятельская кавалерия и артиллерия. На самом деле на север успел проникнуть лишь один эскадрон с горной батареей, а сведения с юга были преувеличены. Кроме того, у японцев уже был недостаток в снарядах.

Но все это оказалось только потом, а в эти моменты перед глазами офицеров штаба стоял все тот же грозный призрак, который с Вафангоу¹¹ преследовал русскую армию, — призрак обхода.

К вечеру на северо-западном фронте неприятельские атаки прекратились. Ураган затих. Позиции были удержаны, но положение северного отряда становилось тяжелым. Ждали подкреплений, но их не было. О продолжении операций в штабе уже никто не думал.

Исход мукденского боя был уже решен приказом главнокомандующего.

В 10 часов вечера было назначено общее отступление...

XV. Два слова о русском солдате

Так кончился мукденский бой, беспримерный в истории современных войн.

В тех людях, которые были близкими участниками и свидетелями его, он оставит на всю жизнь неизгладимое впечатление. Время стирает испытания горя, смерть близких, жизненные удары, но не в состоянии изгладить потрясающих впечатлений грандиозной исторической драмы у тех, которые были в ней действующими лицами. <...>

Последний бой, завершивший год войны, многим открыл глаза на причины ряда неудач, на прошлые ошибки. Но все это может быть исправлено, и для этого уже многое сделано. Есть вопрос гораздо более важный, который никогда прежде не подымался, и в первый раз о нем заговорили в эту кампанию. А именно: может ли русская армия как массовая сила, как часть своего народа, бороться с серьезным противником? Или, проще говоря, высок ли по своим личным качествам русский солдат? Об этом в печати проскользнули заметки и мысли как бы мимоходом. Между тем вопрос этот <...> в то время, когда кругом нации вооружаются, как говорится, до зубов, является весьма существенным.

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

*У Императорских могил,
близ Мукдена*

*Что осталось от 1-го полка
после Мукденского боя*

*Отступившие из Мукдена войска
на железнодорожной линии в Телине*

*После Мукденского боя. Весь состав офицеров
1-го полка (4 человека) и командир полка
Леш со знаменем, у которого вершина в копьё
пробита пулей*

Типы пленных японцев

*После Мукденского боя.
На Мандаринской дороге 25 февраля*

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

*Группа 1-го стрелкового Его Величества полка,
пробившегося со знаменем из Мукдена*

Какой-то обозреватель в иностранной газете коротко и ясно объявил, что теперь нет сомнения, что русский солдат ниже по качествам японского солдата. Подобные же мнения проскользнули даже в русской печати. Ничего нет легче, конечно, чем взять чистый лист бумаги и беглым почерком изобразить на нем то, что придет в голову. Но гораздо труднее идти под пули и посмотреть, как солдатики идут вперед, как и отчего они идут назад, да хорошенько присмотреться к ним в этой обстановке. Помимо подобных опытов, судить о боевом качестве солдата, мне кажется, не только трудно, но положительно невозможно.

Я позволю себе высказать свое убежденное и решительное мнение.

Я не буду говорить, что русский солдат по своим боевым качествам равен японскому солдату, а прямо скажу, что он гораздо выше его в этом отношении. Начнем с того, что в периоды затиший между большими боями, <...> когда действовали небольшие охотничьи команды, он в своих малых операциях был всегда выше таких же японских команд. Поиски наших охотников были всегда смелее, отличались инициативой, и результаты их были всегда блестящие.

Служба пограничников по охране дороги — это ряд единичных подвигов русского солдата. Кто мешал японцам провести через Монголию небольшие команды для разрушения наших колоссальных мостов? Взорвать мост или поджечь склад — дело нескольких минут, и это мы блистательно доказали при наших

отступлениях. И японцы проводили такие отряды, переодевали солдат бонзами, снабжали их пироксилиновыми шашками, посылали для этих целей специалистов — офицеров генерального штаба, а в результате — ни одного серьезного повреждения пути, потому что единичная инициатива и отвага японца сталкивалась с теми же качествами русского солдата-пограничника. Охрана бесконечной линии железной дороги, от порчи которой мы могли бы иметь очень большие затруднения, является хотя и незаметной, но громадной задачей пограничной стражи.

Под Мукденом я видел сотни солдат, ушедших из боя под разными предлогами и сидевших за заборами. Иначе и не может быть в армии, целый год воспитанной на отступлениях. Положим, это было стратегическое отступление, обдуманное и предусмотренное по всем правилам кабинетной науки, но в конце концов обнаружились и отрицательные его результаты. Как ни стремятся превратить солдата в машину, он все-таки остается человеком. Для солдата слово «стратегическое» не существовало, и он знал только одно слово — «отступление». В последних боях между солдатами в своем кругу все чаще и чаще разбирался вопрос: «Куда будем отступать?».

Под Вафангоу (вторым)¹² артиллеристы теряли орудия, но кто ж виноват, что батареи ставились на гребнях сопки в виде мишеней? Под Ташичао¹³ артиллерия была поставлена толково и работала так, как никогда не работала японская. Тогда не было ни сомневающихся,

ни трусов, и когда приказано было по стратегическим соображениям отступать, солдаты оставляли позиции с большой неохотой.

В первом бою под Вафангоу 17-го мая, где не было ни стратегии, ни тактики, а просто была драка русских солдат с японскими, наши казачки искрошили два японских эскадрона и нагнали на них такого страха, что в японских газетах совершенно серьезно говорили, что такими большими пиками нельзя драться. У них сабли коротенькие, а казаки, «эти нахалы», наскочили на них со своими полуторасаженными пиками и всех перекололи. <...>

Японские начальники сделали японского солдата героем. Они восприняли у нашего же военного учителя Суворова основные принципы: «смелость, быстрота и натиск», которые, к сожалению, у нас оказались забытыми, и сделали свою армию страшной и победоносной. Тех же японцев, которых в начале кампании называли япошками и макаками с оттенком презрительной иронии, в последнее время уже перестали так называть.

[В какой-то момент] полки 54-й дивизии навлекли на себя всеобщие нарекания. Говорили, что эти полки никуда не годятся, а когда один из этих же полков получил дружного начальника, то стал образцовым и в боях был впереди. Наш солдат тем и хорош, что он всецело предан своему начальнику, если тот, конечно, умеет внушить к себе доверие и любовь. Его не нужно подогревать ни патристическими идеями, ни ханшином¹⁴, как японского солдата, а достаточно, чтобы он верил в своего начальника. Но так как начальники бывают разные, то и полки у нас разные. <...>

Как ни возводят военное дело в науку, но война все-таки остается и навсегда останется колоссальной дракой, и победителями будут всегда те полководцы, у которых больше «смелости, быстроты и натиска». А одной стратегией можно будет побеждать тогда, когда поля битвы разграфят, наподобие шахматных досок, а солдат превратят в пешки.

В 19-м полку на Путиловской сопке¹⁵ не было ни одного плохого солдата, ни одного плохого офицера. Смелые отчаянные выходы стали у них чем-то вроде спорта. Во время адской канонады солдаты с котелками выходили на гребень сопки и, сидя там, обедали. На мои вопросы они отвечали, что делают это для того, «чтобы доказать». Каждый день вызывались охотники идти за передовую линию и перед неприятельскими окопами набрать соломы или просто прогуляться под выстре-

лами. И сделавший это бесконечно доволен был, что он «доказал на практике». <...>

Пословица «на миру и смерть красна» нигде не применима так, как в бою. До русского солдата не коснулись понятия о чувстве самосохранения, о болезнях воли и т. п. Он если и подчиняется, то, согласно своим несложным взглядам, или строгости начальника, или его обаянию. Это второе подчинение гораздо прочнее первого. Наконец, третий вид подчинения — это чувство честолюбия, и таких очень много. Их девиз: «Либо георгиевский крест — либо деревянный». И каждый русский солдат, идущий в бой, готов к смерти. Это не дикий фанатизм японцев, а покорное ожидание своего конца. <...> У нас много пленных, что всегда бывает при отступлениях и неудачах, но у нас не было добровольных перебежчиков, каких очень много попало к нам со стороны японцев. Побег японских пленнх весьма редки, но побег наших из японского плена очень часты. <...>

Но можно бесконечно собирать наблюдения, и они все-таки будут неполны, если не послушать мнения того же самого русского солдата, которого сравнивают с японским солдатом. <...> При всей своей простоте, [русский солдат] отлично понимает, что сила японцев в обходных движениях, связи между частями, взаимной поддержке, быстроте передвижений, в умении в данном месте быть всегда сильнее нас. Он отлично знает, что все эти действия зависят не от него. <...> Но там, где дело зависит от самих солдат — в мелких поисках, разъездах, у них оценка японского солдата определилась очень точно. При равных силах в этих случаях охотники действуют с полной уверенностью на успех и никогда не ошибаются.

— Кто же их и научил-то воевать? Мы же научили... — говорили мне часто солдаты.

Действительно, японцы, прекрасно подготовленные в отношении военной администрации и имея талантливых и восприимчивых начальников, многое переняли от нас: волчьи ямы, проволочные заграждения, окопы большой профили, землянки, штыковые атаки. <...> Это не первый пример в истории, если вспомнить нашу войну со шведами. Разница только в том, что император Мутсухито¹⁶ не Петр Великий, а Мукден не Полтава.

Будем же верить в русского солдата, покуда он сам в себя верит, и вместе с лучшими начальниками, близко к нему стоящими и знающими его, скажем, что с ним можно воевать и можно и должно победить.

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

¹Леш Леонид Вильгельмович (1862–1934) — генерал от инфантерии (1914), в русско-японскую войну, куда отправился добровольцем, в чине полковника командовал 1-м Восточно-Сибирским полком.

²Указанные номера «Нивы» выходили в апреле—июне 1905 г.

³Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии (1901), в русско-японскую войну командовал войсками в Маньчжурии.

⁴Здесь и далее оставлено авторское написание географических названий.

⁵Один из полковых офицеров.

⁶Именно как трагедию восприняли в российском обществе исход Мукденского сражения.

⁷Леш напоминает название полка — Его Величества Восточно-Сибирский.

⁸То есть движение шло не навстречу японцам, а в противоположном направлении.

⁹Линевич Николай Петрович (1838–1908) — генерал от инфантерии (1903), в русско-японскую войну сначала временно командовал маньчжурской группировкой до прибытия А. Н. Куропаткина, затем возглавлял 1-ю Маньчжурскую армию, после отставки Куропаткина занял его место.

¹⁰«Ураган» здесь и в названии главы — еще и метафора близящейся развязки.

¹¹Имеется в виду проигранный нами бой между 1-м Восточно-Сибирским корпусом и японской 2-й армией, состоявшийся 1–2 (14–15) июня 1904 г. около железнодорожной станции Вафангоу на Ляодунском полуострове.

¹²Ниже автор пишет: «Как известно, под Вафангоу было два боя: первый удачный, а второй неудачный».

¹³Станция на железнодорожной ветке Харбин–Порт-Артур, где 10–11 (23–24) июня 1904 г. произошло сражение между русским южным отрядом и 2-й японской армией.

¹⁴Китайская хлебная водка.

¹⁵Речь идет об одном из наиболее успешных для нашей армии боев русско-японской войны — за Путиловскую сопку 3–4 (16–17) октября 1904 г.

¹⁶Муцухито (1852–1912) — император Японии с 1867 г. Период его правления позже получил официальное наименование «Мэйдзи» (букв. — просвещенное правление).

Вера Леонидовна Кошелева

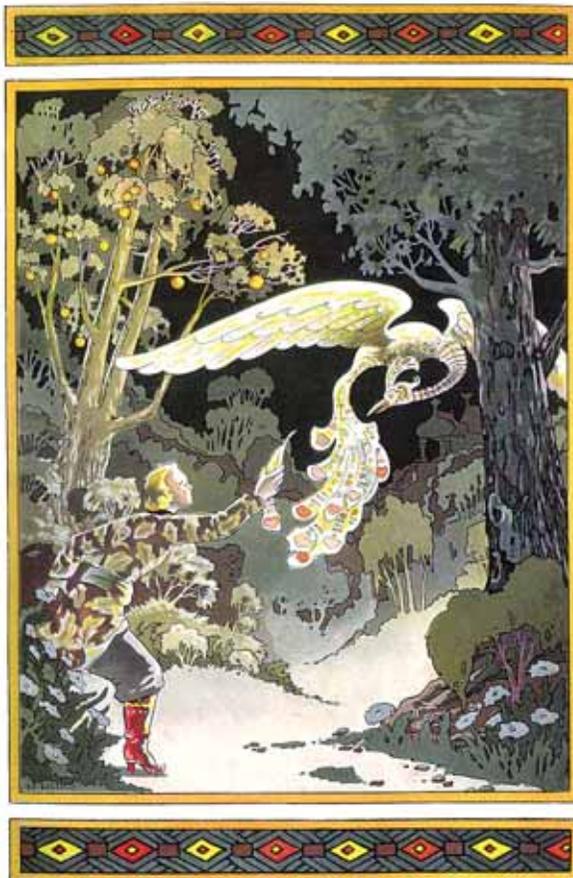
Русская Жар-птица: от лубка до синема

О воплощениях этого сказочного образа в русской культуре

В 1881 году в Санкт-Петербурге известный историк, собиратель и исследователь гравюры и лубка Д. А. Ровинский издал «Русские народные картинки» — 4 тома атласа и 5 томов описаний и комментариев. Под номером 40 там помещена «Сказка об Иване-царевиче,

Жар-птице и о сером волке» с 16 картинками и текстом под каждой из них¹. Она была известна Ровинскому в двух наиболее ранних вариантах. Оба варианта составитель датировал началом XVIII века². Эта датировка позволяет решить, на наш взгляд, две взаимосвязанные и до сих пор дискутируемые проблемы — происхождения сюжета о Жар-птице и времени его появления в русском фольклоре.

Уже Ровинский в своих комментариях по первому вопросу приводил разные существовавшие на тот момент точки зрения: одни искали источники сюжета в немецких народных сказках, другие, например, В. В. Стасов, усматривали различные его элементы в фольклоре народов стран Азии. О восточных корнях сказки о Жар-птице писал и В. Г. Белинский. Современные исследования подтверждают: сказочная история о трех братьях, что отправились искать невиданную чудо-птицу, повадившуюся лакомиться яблоками из сада их отца, в той или иной модификации встречается в фольклоре разных стран и континентов, а это значит, что отсутствует некий изначальный первоисточник сюжета сказки о Жар-птице: каждый народ приходил к нему самостоятельно, строя фабулу согласно особенностям своего национального характера и мирозерцания. Вместе с тем только у русского народа образ фантастической и загадочной чудо-птицы, названной им «Жар», оказался столь глубоко укорененным в культурной традиции и нашел столь разностороннее воплощение во всех видах искусства: поэзии и живописи, декоративном и прикладном искусстве, книжной графике, опере и балете, наконец, на киноэкране...

Николай Нико. Иллюстрация к «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке». 1946 год

Из фольклора — в книгу

Трудно определить, с какого века существовала эта сказка в русском фольклоре. Несколько поколений передавало ее из уст в уста. В конце концов «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» запечатлелась в лубочных картинках.

Первые лубочные сказки стали появляться в XVII веке. Четырехлистную с шестнадцатью картинками «Сказку о Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке», как уже сказано, Д. А. Ровинский обнаружил в двух вариантах, относящихся к началу XVIII столетия. Это значит, что в народе сказка бытовала еще до ее типографского издания, поскольку книжка, где она была впервые опубликована³, вышла лишь в 1786 году. Иными словами, в лубочной сказке закреплён первоначальный сюжет, созданный народной фантазией, книга же просто дословно воспроизводит лубочный вариант сказки — именно так, а не наоборот, что, вопреки фактам, пытаются доказать сегодня некоторые исследователи. Дескать, в «Дедушкиных прогулках...» некий анонимный автор напечатал заимствованный с Запада сказочный сюжет, оттуда он попал в лубочные книжки и только затем вошел в русский фольклор. Между тем сами создатели сборника подчеркивали укорененность составивших его сказок в русской фольклорной традиции.

В конце XVIII и первой трети XIX века «Дедушкины прогулки...» многократно переиздавались. Параллельно офени по всей стране разносили лубочные книжки с 16-ю картинками: Иван-царевич караулит Жар-птицу, далее, торжествующий и счастливый, показывает перо Жар-птицы своему отцу-царю... Продолжала передаваться сказка о Жар-птице и из уст в уста.

В середине XIX века А. Н. Афанасьев включил лубочный вариант «Сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» в свое знаменитое многотомное собрание, окончательно закрепив в качестве «канонического» первоначальный, восходящий к русской фольклорной традиции сюжет этой сказки, который современный литературовед и историк В. Я. Пропп назвал «истинным перлом»⁴.

Однако популярность сказки о Жар-птице обусловлена не столько ее сюжетной увлекательностью, сколько глубоким смыслом, кроющимся в содержании. Издавна русский народ выражал в сказках свои представления о правде и справедливости, о дружбе и любви, красоте и духовном благородстве. Сказка о Жар-птице в данном смысле — особая. Выражаясь современным научным языком, она является метасказкой, поскольку здесь

Лубочная «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» с шестнадцатью картинками.

Начало XVIII века (из собрания Д. А. Ровинского)

говорится о смыслообразующем значении мечты в жизни человека. «Жар-птица» — это символ прекрасной, высокой и светлой мечты, горячей влюбленности в нее и преданность ей, готовность к подвигу во имя ее исполнения. Поймав перо Жар-птицы, Иван-царевич обрел жизненную цель, которая стала ему дороже золотых яблок и даваемого статусом царского сына земного благополучия. Ради этой цели-мечты он готов преодолеть любые трудности и опасности.

В XIX веке сказка о Жар-птице выходила в России многотысячными тиражами. Появились и разнообразные ее стилизованные обработки и переделки. Они способствовали росту популярности сказки во всех слоях русского общества, но чаще всего акцентировали внимание на «приключенческой» стороне содержания. Гораздо больше для постижения глубинного смысла и неисчерпаемого символизма этого фольклорного шедевра сделали русские поэты.

Жар-птица в русской поэзии

В 1836—1838 годах Николай Михайлович Языков — один из самых ярких поэтов «золотого века», отличавшийся горячей любовью ко всему русскому, «обилием кипучих мыслей» и «сильным и оригинальным» слогом, — написал драматическую сказку «Жар-птица», где масштабно эксплицировал и обогатил главный смысл фольклорного первоис-

Портрет Николая Михайловича Языкова.
Около 1820 года

точника. Впервые же к волшебному образу Н. М. Языков обратился в 1822 году, когда работал над либретто оперы «Жар-птица» (композитор К. А. Кавос), явившейся первой попыткой сценического воплощения этого сказочного персонажа.

...Когда царь Выслав посылает двух старших сыновей отыскивать Жар-птицу, Иван-царевич, оставшийся с отцом, горюет:

<...> Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что же им широкая дорога
Добыть себе геройских светлых дел?
А я сиди прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-птицу.

Восхищаясь «отважной душой» младшего сына, царь Выслав удерживает его: ведь он еще так молод! На что Иван-царевич отвечает:

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука
Не пламенно хватается за меч
При имени опасности и славы?

Уговаривая отца «пустить его отыскивать Жар-птицу», Иван-царевич говорит:

<...> В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней
Везде, везде, во сне и наяву
Я думаю и брежу день и ночь.

Окончательно убеждают Выслава слова сына о том, что тот стремится не только к личному подвигу во имя своей мечты, но и к прославлению их царства-государства:

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее (пойманной Жар-птицы. — В. К.)
на самом видном месте
Построим дом, каких немного в мире:
Просторные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом.
.....
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты
В такой-то год правленья твоего
Соорудил такие-то палаты!⁵

Заканчивается все словами: «Да здравствует Жар-птица!». И это означает: «Да здравствует Мечта!».

Иную интерпретацию получил фольклорный сюжет о Жар-птице в «Сказке об Иван-царевиче и Сером Волке», в 1845 году написанной белым ямбическим стихом Василием Андреевичем Жуковским. В русской народной сказке Иван-царевич, отправляясь на поиски Жар-птицы, находит преданного друга — серого волка, суженую — Елену Прекрасную и побеждает злое коварство своих старших братьев. У В. А. Жуковского герой в погоне за Жар-птицей одолевает вселенское зло, олицетворенное Кошмеем Бессмертным⁶. Забегая вперед, скажем, что данная интерпретация получит свое дальнейшее развитие полвека спустя в балете «Жар-птица».

*Василий Андреевич Жуковский.
С рисунка Райта. 1835 год*

В 1907 году К. Д. Бальмонт назвал свой стихотворный сборник «Жар-птица». Здесь он дает свою трактовку значения этого образа в русской народной культуре:

*Народные поверья —
Неполные страницы,
Разрозненные перья
От улетевшей птицы, —*

а также утверждает его аллегорический смысл как «заветной» и «смелой» мечты о крае,

*Где светов зароженье,
Где завершенье мраков,
Где видит ум сплетенье
Всего как вещей знаков.*

*И. Я. Билибин. Обложка к сборнику
К. Д. Бальмонта «Птицы в воздухе» (СПб., 1908)*

Жар-птица в русском изобразительном искусстве

Всемирно известная картина В. М. Васнецова «Иван-царевич на сером волке» создана по мотивам русской народной сказки о Жар-птице, однако Жар-птица на ней не изображена.

Первой из профессиональных художников непосредственно к этому образу обратилась Елена Дмитриевна Поленова, о жизни и творчестве которой подробно рассказано в мартовском номере «Московского журнала»⁷. Она поставила перед собой «заманчивую» и «дерзкую» цель: «Подметить и выразить те художественно-вымышленные образы, которыми живет и питается воображение русского народного человека»⁸. А оно ярче всего воплощено в сказках. Иллюстрированию русских народных сказок Е. Д. Поленова посвятила двенадцать лет своей творческой жизни. В многочисленных поездках по России она записала услышанные от жителей глухих деревень такие варианты сказок, которые отсутствуют в сборниках А. Н. Афанасьева и других собирателей фольклора, и впервые в истории русского искусства создала к ним целый ряд цветных акварельных иллюстраций.

В письме к критику В. В. Стасову от 29 января 1896 года Елена Дмитриевна сообщала, что ей предложили исполнить эскиз большого панно для вышивки на русскую тему. Сюжетом художница выбрала Жар-птицу. Она изобразила ночь и дерево с золотыми плодами, на вершине которого дремлет огненная птица. «Работа эта меня ужасно заинтересовала», — признавалась Поленова в конце письма⁹. Панно было выполнено в вышивальных мастерских М. Ф. Якунчиковой и экспонировалось на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде летом 1896 года.

В декабре 1896 года Е. Д. Поленова начала серию иллюстраций к сказке о Жар-птице и с готовностью откликнулась на просьбу В. В. Стасова выслать поздравительный адрес к юбилею М. М. Антокольского с рисунком «Иван-царевич с пером Жар-птицы в руках»¹⁰. Летом 1897-го она выслала на редактирование Стасову текст сказки «Иванушка-дурачок и Жар-птица»¹¹. Местонахождение текста (судя по названию, отличного от текста известной «Сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке») неизвестно,

Е. Д. Поленова. *Поздравительный адрес М. М. Антокольскому. 1896 год*

Е. Д. Поленова. *Эскиз панно «Жар-птица и заповедные яблоки». 1896–1898 годы*

а вот две иллюстрации к нему сохранились и вместе с адресом М. М. Антокольскому увидели свет в журнале «Искусство и художественная промышленность». На одной из них Иванушка сидит под деревом с золотыми яблоками, а по ночному небосклону пролетает огненная Жар-птица¹².

Осенью 1897 года Елена Дмитриевна вместе со своим младшим товарищем по искусству и будущим сценографом балета «Жар-птица» А. Я. Головиным поехала во Францию и Испанию. Зимой 1897–1898 годов они провели в Париже, вместе работая над проектом «Русская столовая», одну из стен которой занимало панно Поленовой «Жар-птица», выполненное по новому эскизу. Тогда же художница получила от С. П. Дягилева приглашение сотрудничать с будущим журналом «Мир искусства» и сразу же обещала ему ряд своих произведений¹³.

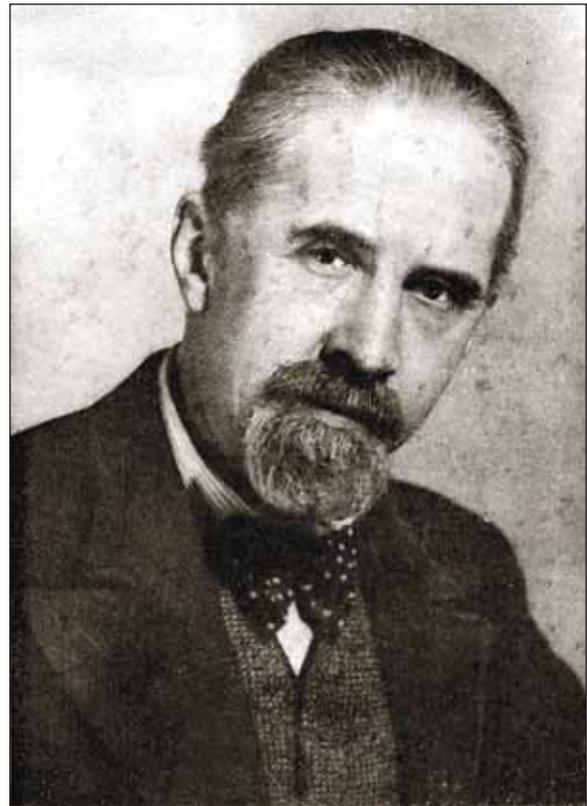
Е. Д. Поленова скончалась 7(20) ноября 1898 года за три дня до выхода первого номера «Мира искусства». В номере 18–19 журнала за 1899 год, посвященном памяти Елены Дмитриевны, были помещены ее работы, в том числе эскизы двух разных настенных панно «Жар-птица»¹⁴. О третьем

панно — аппликации «Иванушка-дурачок и Жар-птица» — А. Н. Бенуа восторженно рассказывал в «Письмах со Всемирной выставки» в 1900 году¹⁵. Эскиз этого панно выполнила ученица и соратница Поленовой Мария Васильевна Якунчикова по одной из иллюстраций Елены Дмитриевны к сказке о Жар-птице и посвятила его памяти своей безвременно ушедшей подруги. Якунчикова сама подбирала цвета ткани для аппликации и наблюдала за работой вышивальщиц, но на Всемирной выставке в Париже в 1900 году панно-аппликация «Иванушка-дурачок и Жар-птица» экспонировалось как произведение Елены Поленовой¹⁶.

Таким образом (опять же забегаая вперед), три человека из кружка «Мир искусства», участвовавших позже в создании балета «Жар-птица» творчески или организационно — Бенуа, Головин и Дягилев, — задолго до знакомства с балетмейстером М. М. Фокиным и композитором И. Ф. Стравинским были увлечены возрожденным Е. Д. Поленовой чарующим сказочным образом чудо-птицы. И неудивительно, что когда для Русских балетных сезонов в Париже потребовалось нечто национально-самобытное, образ сразу же возник в их воображении.

Опыт Е. Д. Поленовой в иллюстрировании русских народных сказок и оформлении книги как художественного целого был воспринят известным впоследствии графиком и театральным художником Иваном Яковлевичем Билибиным. Впервые он уви-

*Иван Яковлевич Билибин.
Фотография 1930-х годов*

дел поленовские акварельные иллюстрации к русским народным сказкам на посмертной выставке произведений Елены Дмитриевны, организованной С. П. Дягилевым в 1899 году. Билибин с воодушевлением последовал по стопам Поленовой. Первые акварельные иллюстрации он выполнил к «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке». Жар-птица помогла обрести свое подлинное призвание молодому художнику, посвятившему книжной графике более сорока лет жизни.

В конце XIX века Экспедиция заготовления государственных бумаг — лучшее российское полиграфическое учреждение того времени — предприняла издание целой серии русских народных сказок. Билибин удостоился чести украсить их своими акварелями. Работа над этим циклом длилась четыре года. Первой вышла нарядная книжка-альбом «Сказка

И. Я. Билибин. Обложка и три иллюстрации к «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке». (СПб., 1901)

В. А. Панин. Иллюстрации
к «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице
и о сером волке» (Иваново, 1962)

об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке»¹⁷. С образом Жар-птицы Н. Я. Билибин не расставался и в дальнейшем. Ее силуэт легко угадывается на выполненных им журнальных заставках, книжных знаках, обложках поэтических сборников, титульных листах монографий.

Традиции Е. Д. Поленовой и И. Я. Билибина в оформлении сказки о Жар-птице творчески развивали многие отечественные художники. Так, у В. А. Панина Жар-птица на одной из иллюстраций — красно-желто-зеленая на черном фоне, яркая, трепещущая, будоражащая воображение, на другой — спокойная, величественная, грациозная, сидящая на протянутой руке Ивана-царевича как воплощенная мечта, обретенный смысл жизни...

Всемирный триумф балета «Жар-птица»

25 июня 1910 года на сцене парижского театра «Гранд-Опера» состоялась премьера балета-сказки «Жар-птица». «Быстрая, золотокрылая, чистая и огненная»¹⁸, впорхнула чудо-птица русской сказки в глубокую полночь западного балетного искусства и ярко осветила ее, опровергнув выводы Всемирного хореографического конгресса 1908 года о «гибели европейского балетного театра». «Жар-птица» облетела весь мир и повсюду имела сенсационный успех. «В этой сказке действительно поймал свет-золото-перо»¹⁹ не только молодой композитор И. Ф. Стравинский, но и балетмейстер-новатор М. М. Фокин, театральные художники А. Я. Головин и А. С. Бакст, первая исполнительница партии воздушной волшебницы, «феи-летуньи», Т. П. Карсавина, назвавшая Жар-птицу «посланной мне небесами ролью»²⁰.

Как же рождался балет? Как популярный образ русских народных сказок и лубочных картинок начала XVIII столетия покорила мировую балетную сцену? Эта история (и сопутствовавшие ей перипетии) до сих пор привлекает внимание исследователей²¹. В частности, не перестает дебатироваться вопрос: кому принадлежал изначальный замысел?²².

Т. П. Карсавина в балете «Жар-птица». 1910 год

А. Н. Бенуа совершенно определенно называет процесс создания балета «Жар-птица» «коллективной работой», которой «зажглись» все ее участники. Кто именно? Фокин и Бенуа говорят разное. Фокин: «Мы (Дягилев, группа художников и я) стали искать сюжет. <...> Я взялся соединить различные народные сказки в одну»²³. Бенуа утверждает, что, помимо него самого, разработкой основных элементов сюжета занимались литератор П. П. Потемкин, «великий знаток всего исконно-русского» писатель А. М. Ремизов, композитор Н. Н. Черепнин, балетмейстер М. М. Фокин, художники А. Я. Головин и Д. С. Стеллецкий²⁴.

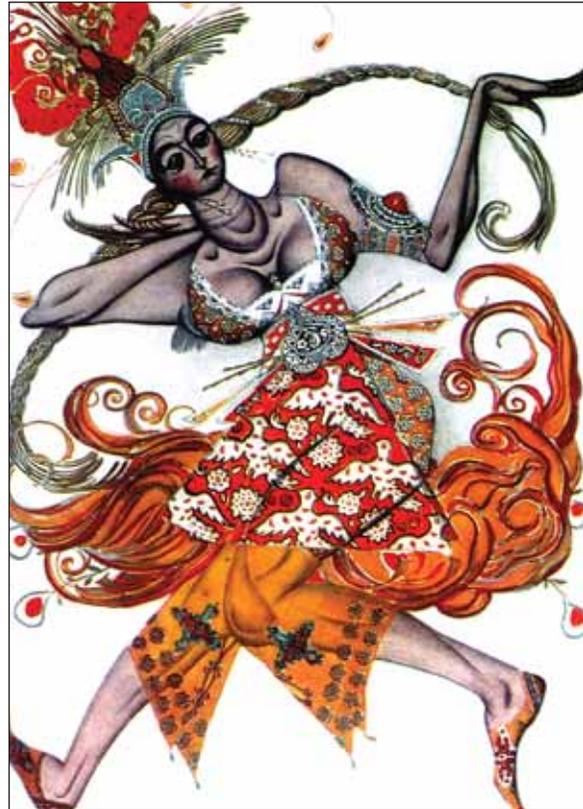
Фокин, как видим, исключил из числа «соавторов» всех писателей. Исследователи единодушно отмечают, что он несколько преувеличивает свою роль в создании литературного сценария балета «Жар-птица». Между тем А. М. Ремизов подтверждает свидетельство А. Н. Бенуа о коллективности работы над либретто, говоря и о своем заинтересованном участии в ней: «При обсуждении постановки «Жар-птицы» я показал всю мою «Посолонь» с лешими, травяниками и водьяльниками»²⁵.

Но оставим вопрос о вкладе каждого творца сюжета «Жар-птицы» в общее дело. Уже родилось либретто, и Фокин записал его окончательный, многократно обсужденный вариант, а композитор все не находился. Сначала предполагалось, что музыке будет писать Н. Н. Черепнин, но он остановился только на первой части, создав симфоническую картину «Зачарованное царство». Тогда С. П. Дягилев решил обратиться к «самому русскому из русских композиторов» — А. К. Лядову, автору «Бабы Яги» и «Кикиморы». 4 сентября 1909 года он послал Лядову письмо с предложением написать музыку к «Жар-птице», однако тот работал чрезвычайно медленно, а через три месяца и вовсе вернул либретто, опасаясь не справиться в срок.

И Дягилев в конце концов принял смелое решение: услышав на одном из концертов молодого композитора Игоря Стравинского, пригласил его. И не ошибся.

Ученик Н. А. Римского-Корсакова И. Ф. Стравинский создал музыку, пронизанную духом подлинной народности.

Л. С. Бакст выполнил эскиз костюма Жар-птицы, в корне отличного от обычного одеяния балерины, что соответствовало замыслу Фокина, не желавшего видеть чудо-птицу в шаблонной балетной «пачке». Бакст «нарядил» танцовщицу в узенькие шаровары,

*Л. С. Бакст. Эскизы костюма
Жар-птицы к одноименному балету.
1910—1913 годы*

поверх которых надевалась прозрачная, в перьях, юбочка. Венчал этот огненный красно-желто-оранжевый наряд фантастический головной убор. Длинные золотые косы, нити жемчуга, браслеты и другие украшения создавали впечатление сияния — «жара».

Блистательный хореографический образ Жар-птицы, созданный Т. П. Карсавиной, многие годы вдохновлял отечественных и зарубежных художников, которые посвятили ей свои рисунки, акварели, скульптуры.

Что же касается Бакста и Стравинского, к образу Жар-птицы в своем творчестве они впоследствии обращались неоднократно.

История русской Жар-птицы продолжается...

Много притч, пословиц и поговорок, крылатых выражений и нарицательных имен дали нашей культуре народные сказки. Прилетело из незапамятных времен и чудесное имя «Жар-птица» — символ высокой и прекрасной мечты, дарующей жизни — смысл, творчеству — вдохновение, героизму — силу духа. XX век сберег этот образ и передал его XXI столетию. «Жар-птицей» называют сборники своих произведений поэты и писатели, свои выставки — живописцы.

Для русских эмигрантов Жар-птица стала символом мечты об утраченной родине. Литературно-художественный журнал «Жар-птица» в 1921—1926 годах выходил в Берлине и в Париже, а в 1950-х — в Сан-Франциско. В 1919 году русские эмигранты издали «Сказку о Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке» в Праге, в 1946-м она вышла с иллюстрациями Николая Нико во Франкфурте-на-Майне.

За сто лет, миновавших со дня первой постановки балета «Жар-птица» на сцене парижской «Гранд-Опера», эта хореографическая сказка исполнялась по всему миру — в Лондоне, Риме, Мехико, Монте-Карло, Нью-Йорке, Эдинбурге, Буэнос-Айресе, Кейптауне... До революции в России балет не ставился. В 1921 году он был исполнен на сцене Мариинского театра в Пет-

*Фильм-балет
«Жар-птица»
с Габриэлой
Комлевой
в главной роли.
1977 год*

АЛЬБОМ

Обложки к первому (С. В. Чехонин, 1921) и последнему (И. Я. Билибин, 1926) номерам журнала «Жар-птица» (Берлин, Париже)

рограде и с тех пор не исчезал из репертуаров театров нашей страны. Сегодня «Жар-птица» также является одной из жемчужин репертуара Мариинки. В 1964 году в Кремлевском дворце съездов Жар-птицу танцевала блистательная Майя Плисецкая, а в 1977-м появился одноименный телевизионный фильм-балет с Габ-

риэлой Комлевой, вошедший в число лучших музыкальных фильмов 1970-х годов...

Так Жар-птица, один из архетипических образов русской народной фантазии, проделала многовековую путь чудесных воплощений и перевоплощений в искусстве — от лубка до синема.

¹Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. В 4-х тт. Т. 1. СПб., 1881. Сказки и забавные листы. С. 40 (№ 40).

²Он же. Русские народные картинки. Описание. В 5-ти тт. Т. 1. СПб., 1881. С. 134.

³Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок. СПб., 1786.

⁴Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 225.

⁵Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982. С. 233—235.

⁶Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 3. Л., 1960. С. 204—233.

⁷Кошелева В. Л. Елена и Мария // Московский журнал. 2010. № 3.

⁸Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов и Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 373.

⁹Там же. С. 544.

¹⁰Там же. С. 558.

¹¹Там же. С. 569—570.

¹²Искусство и художественная промышленность. 1899. № 13. С. 44, 36.

¹³Сахарова Е. Д. Указ. соч. С. 579.

¹⁴Мир искусства. 1899. № 18—19. С. 117, 122.

¹⁵Бенуа А. Письма со Всемирной выставки // Мир искусства. 1900. № 17—18. С. 109.

¹⁶Dekorative Kunst. 1900. № 12. S. 484.

¹⁷Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке. Рисунки И. Я. Билибина. СПб., 1901.

¹⁸Асафьев Б. О балете. Л., 1974. С. 48.

¹⁹Он же. Книга о Стравинском. Л., 1977. С. 33.

²⁰Карсавина Т. П. Театральная улица. Воспоминания. М., 2009. С. 308.

²¹См.: Давыдова М. В. Художник в театре начала XX века. М., 1999; Савенко С. И. Игорь Стравинский. Челябинск, 2004.

²²Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX века. Хореографы. Л., 1971. С. 354.

²³Фокин М. М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Л., 1981. С. 138.

²⁴Бенуа А. Н. Воспоминания о балете // Бенуа А. Мои воспоминания. В 5-ти кн. Кн. IV, V. М., 1990. С. 508.

²⁵Ремизов А. М. Неумный бубен. Кишинев, 1988. С. 527—528.

Александр Яковлевич Булгаков

Современные записки и воспоминания мои*

Отрывки из дневника

В предлагаемых отрывках рассказывается о коронационных торжествах в Москве летом 1826 года. Милостиво распорядившись повесить пятерых главарей декабрьского заговора, которых Верховный уголовный суд приговорил было к четвертованию (но, «сообразуясь с смягчением казней и наказаний прочим преступникам, определенным Государем, приговорил вместо мучительной смертной казни четвертованием всех сих пять повесить — и весьма хорошо поступил. Казнить справедливо, но мучить бесчеловечно!» — пишет по этому поводу Булгаков), новый император выехал в древнюю столицу на свою коронацию, прошедшую с большим великолепием. Церемонию самого коронования, происходившего в Успенском соборе и подробно Булгаковым описанную, мы по недостатку места опускаем, посвятив публикацию лишь некоторым проходившим во время коронации балам, маскарадам, праздничным обедам и прочим увеселениям.

В дни коронации
1826 г.

25-го июля последовал в шестом часу пополудни торжественный въезд императора в Москву. Подробности означены в церемониале. Погода была самая благоприятная. Тверская была наполнена бесчисленным множеством народа, по обоим сторонам улицы Тверской стояло войско в три ряда. Между дворянами, ехавшими верхом, отличались странностию своего убранства полковник А. Павл. Афросимов¹, ехавший в ратничьем сером кафтане тульского ополчения, в коем он служил в 1812 году, и князь П. М. Волконской², ехавший в шитом екатерининском бригадирском мундире. Наследник сидел в карете с императрицею, своею матушкою. Государь очень милостиво всем кланялся, а войско и народ отвечали ему громогласным «ура!». На Красном крыльце, где он сошел с лошади, ожидали его сенаторы и прочие знатные особы. Сперва изволил он ид-

*Продолжение. Начало в № 4 за 2010 год.

*Ф. Крюгер. Портрет Николая I.
Холст, масло. 1852 год*

*К. Я. Рейхель. Портрет Императрицы
Александры Федоровны.
Холст, масло. Вторая половина XIX века*

ти в Успенский собор. <...> Императрице в соборе сделалось дурно от запаха ладана, к коему с приезда своего в Россию никак не может привыкнуть. <...> Вечеру город был освещен, особенно отличалась иллюминация дома губернского правления³. Жаль, что убранство домов не соответствовало торжеству сего дня. Вместо парчей и других богатых материй балконы, колонны и фасады домов были убраны крашеным коленкором и другими дешевыми материями. <...>

Сентябрь

1. Был маскарад, данный Государем городу в нововыстроенном Большом театре⁴. Давно уже делались там приготовления к сему празднеству начальником Кремлевской экспедиции⁵ и верховным маршалом коронации князем Юсуповым, коим выписан был из Петербурга известный славный живописец декораций *Гонзаго*. По прибытии своем в Москву граф Потоцкий многое переменял и более украсил. Государь, отправив его в Москву, дал ему приказание входить во все подробности приготовлений, делаемых для Высочайшей коронации, и сказал ему именно: «Князь Юсупов скуп вообще, хотя ему дано довольно денег, но он будет их жалеть и стараться делать экономии, кои при таком случае не у места; поезжай в Москву яко член Комиссии о коронации и наблюдай, чтобы все было соответственно торжеству; в случае несогласия с Юсуповым относись ко мне на разрешение, я тебя поддержу». С таким уполномочиением Потоцкий мог смело действовать. По незнанию им Москвы и лиц здешних, был я к нему прикомандирован от графа Нессельроде. <...>

Сцена в театре сровнена была с партером посредством пола. Граф П[отоцкий] желал, чтобы был паркет, это было бы и приличнее, но надобно было взяться

*В. О. Вивьен. Вид Большого театра до пожара 1853 года.
Литография Л. Ж. Арну. 1850-е годы*

за это прежде, не доставало уже времени исполнить это. Пол сделан был с покато́м, граф П[отоцкий] потребовал, чтобы его сравняли для удобства танцевания. На негладком полу без привычки императрице неловко было бы танцевать. Число свеч и вообще освещение было умножено, сделаны сидения вокруг всей залы и пр. Долгое было прение, кого звать на маскарад сей. Церемониальный департамент сделал повестку, чтобы все желающие быть на бале дворяне в оный являлись, чтобы записывать свои чины и имена для получения потом билетов. Два дня была ужасная давка, и число просителей простерлось наконец до одиннадцати тысяч человек с лишком, чего театр в себе вмещать не может. Государь приказал пригласить только до 7-го класса включительно, ибо это составляло с купечеством, которое имело быть, до 6000 только человек⁶. Ложи не были раздаваемы. Государь приказал, чтобы ложи бельэтажа все были отперты, с тем, что дамы дворянского сословия могут туда входить и садиться для отдохновения, первый ярус приказал раздавать купцам 1-й гильдии, второй — купцам 2-й гильдии, третий — купцам 3-й гильдии, а выше и в райке имели быть впускаемы мелкие купцы, мещане и даже мужики, ходящие с лотками (Государь изволил употребить именно сие выражение, говоря с гр. Потоцким). Сим Государь хотел собрание сделать блистательнейшим, понудя все дворянство быть внизу, в зале; в противном случае бо́льшая часть захотела бы быть покойно в ложе и смотреть, как все происходит.

Съезд начался весьма рано. Театр с наружного фасада был очень хорошо иллюминирован. Все без изъятия военные, как [и] гражданские чиновники, были в мундирах или шитых кафтанах с венецианским платьем сверху. Большая часть дам имела русское простонародное платье с бесчисленным множеством бриллиантов. Театр был убран великолепно и поражал при первом взгляде. В двух огромных люстрах горело несколько тысяч свеч. Ложи расписаны каким-то красноватым цветом, производившим темноту, несмотря на все освещение, почему для этого вечера обилие их белою материею с золотыми украшениями, от чего зала соделалась и светлее, и веселее, и еще обширнее. Над огромною сценою в полукружии висел балдахин алый, он испещрен был узорами, украшенными золотою и серебряною фольгою, которая чрезмерно блистала и производила прекрасное действие для глаз. Тут устроены были креслы для царской фамилии и сидения для штатс-дам. Во всех боковых залах театра устроены были столы для ужина с большим великолепием и вкусом, куда впускались токмо те, кои имели билеты от двора. Комнаты сии наполнены были померанцовыми, лавровыми деревьями и множеством цветов.

Государь изволил прибыть в маскарад около восьми часов и открыл бал с великою княгинею Еленою Павловною полонезом. Императрица танцевала с братом своим принцем Карлом Прусским, а Мих[аил] Павлов[ич] с принцессою Мариєю Виртембергскою. Польский составлен был, конечно, из 200 пар. 4 или 5 лож занимаемы были прибывшим для поздравления государя шахом каким-то *азиатским* и женою его,

*К. П. Брюллов. Портрет Великой княгини Елены Павловны.
Холст, масло. 1829 год*

*И. Н. Крамской. Портрет Великого князя Михаила Павловича.
Холст, масло. 1886 год*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

с многочисленной свитой. Убранство их и преисполненные удивления взоры привлекали всеобщее внимание. Известный издатель «Отечеств[енных] записок» П. П. Свиньин где-то с ним познакомился в путешествиях своих и представил меня им. Муж и жена довольно хорошо говорят по-русски и имеют некоторое образование. Я сел возле них, очень рад, что мог несколько отдохнуть, и удовлетворял их любопытство насчет дипломат[ического] корпуса и других знатных особ, окружавших их имп[ераторские] вел[ичес]тва. В 10 часов царская фамилия препровождена была в столовую, устроенную весьма хорошо, на возвышении в самом конце сцены. Над столом висели весьма красиво сделанные украшения из цветов⁷. Государь с Мих[аилом] Павл[овичем] кушать не сели, а изволили прогуливаться по зале и около столов, в других боковых залах расположенных. В двенадцатом часу Государь изволил уехать. Праздник сей был очень хорош, но жар был нестерпимый. Число посетителей несоразмерно было величине здания; сие вышло оттого, что более 500 человек приехали, не имея на то права, с чужими или выпрошенными билетами. Таковая дерзость должна бы была быть наказана. Ежели бы вывели одного, то все прочие также бы оставили залу, и тогда не было бы тесноты такой. Не было средства танцевать иное, и то с трудом, как польский. Жаль также, что праздник сей не был дан в другом месте. Дабы наполнить столь обширное здание, нужно было именно такой случай и необыкновенное стечение людей всякого звания. Теперь все жалуются, что не могут иметь мест в театре, другие театры, особенно Италианский, будучи весьма малы (так в тексте. — *С. III.*), а тогда все бы имели помещение, и Дирекция⁸ много бы собрала денег во время сих празднеств. <...>

*Дом Российского Благородного собрания в Москве.
Литография А. Гедона и П. М. Русселя с оригинала Ф. Дица. 1840—1850 годы*

6-го дворянство угощало Государя в большой зале Благородного собрания, которая была освещена очень хорошо, только жаль, что прибегнули к шкаликам⁹, от коих всегда бывает и запах и чрезмерная жара, хотя и были они зажжены токмо на хорах, на коих и без того такое было множество зрителей, что половина имевших билеты хорные с трудом могли дойти до половины лестницы и, не имея средств добраться до хор, возвратились назад и уехали домой, ничего не видевши. Сему виною директоры, коим не следовало давать более билетов, нежели хоры заключать могут в себе людей. Внизу не было большой тесноты, хотя все по обыкновению находились в большой зале. Буфет также порядочно был населен, ибо напитки и пирожное раздавались без денег. Вообще было более 2000 членов и посетителей. Чужестранным министрам¹⁰, свитам их и приезжим из Петербурга по дворам посылаемы были приглашения; все прочие, здесь служащие, живущие или имеющие дом в Москве, должны были записываться членами, заплатя мужчины 50 [р.] сер[ебром], а дамы 25 [р.] сер[ебром]¹¹. <...>

16-го числа было народное празднество на Девичьем Поле. Время было сухое, но холодное¹². Я лично не был свидетелем, ибо боялся простудиться, а сидел на балконе на Пречистенке в доме тестя моего, князя Хованского. С шести часов утра народ шел толпами к Девичьему Полю и, должно полагать, что было там, конечно, человек тысяч до ста, ежели не более. Вся московская чернь, мещане, купцы, фабричные, большая часть дворовых, — всё съехалось на безденежное угощение. Кроме того, было тут множество мужиков и баб из окрестных деревень.

На середине Девичьего Поля была построена ротонда в виде храма для императорской фамилии. Ради приключившейся вдруг стужи обнесена была она оконницею со стеклами. В середине сделан был даже камин. С четырех сторон в равных расстояниях поставлены были четыре галереи для императорской свиты, дипломатического корпуса и для первых обоего пола особ, всего на 2500 персон. Была также галерея для военных штаб и оберофицеров и другая, частная, на 300-т саженьях, для 5000 человек. Тут за места платили. Из двух больших и шестнадцати малых фонтанов текли белое и красное вино.

Кроме сих галерей, были еще другие для музыкантов, комедии, фокусников, балансиров, каруселей, для трех воздушных шаров и других забав. Народ впускался всюду безденежно, но мало было охотников: все хотели пить и есть, даже качели начали наполняться токмо тогда, как все уже было съедено и выпито. Во все направления Поля Девичьего, столь просторного, наставлено было 240 столов, каждый в 10 сажень длиною (большая часть внутри галерей). На каждом почти столе был целый жареный баран с позолоченными рогами, с посеребренною головою и обвернутый в красную камку; от сих баранов, поставленных по середине, на обе стороны столов стояло по два ведра пива, по блюду пирожного в виде горшков с розанами из сдобного теста с сахаром, по березке с яблоками, по блюду жареного (на всяком блюде 30 цыплят, 4 гуся, 4 утки), также по два ведра меду, по дубчику со сливами вместо желудей, по два окорока ветчины, по березке с грушами, по блюду со студеньями, по блюду говядины в 1¹/₂ пуда каждое, по 100 калачей и по 40 ситников на всяком столе. <...> Всего же было:

*Народное празднество на Девичьем Поле во время коронации Николая I в 1826 году.
Литография. Начало XIX века*

блюдо пирожного — 480;
 блюдо говядины — 480;
 блюдо студеней — 480;
 жареных цыплят — 7200;
 - « - гусей — 1000;
 - « - уток — 1000;
 яблок — 46000;
 слив — 46000;
 груш — 46000;
 пива — 4000 ведер;
 меду — 4000 - « -;
 виногр[адных] вин — 2420 - « -;
 калачей — 24000;
 ситников — 9600;
 окороков ветчины — 9600.

<http://www.auciland.ru/>

*Жетон на коронацию Николая I.
1826 год.*

Царская фамилия прибыла в первом часу. Государь сидел в коляске с Мих[аилом] Павл[овичем], а в золотой, придворной, 8-ю лошадьми заложенной карете, сидели импер[атрицы] Ал[ександра] Феодор[овна] [и] Мария Феод[оровна], Великая княгиня Елена Павловна и наследник престола. У колеса ехал по правую сторону шталмейстер князь Долгоруков. По прибытии на Девичье Поле Государь изволил сесть на лошадь и, между М[ихаилом] П[авловичем] и принцем Прусским, в сопровождении всего генералитета, также верхом бывшего, объехал все галереи, следуя за императрицами. Народ приветствовал Государя громкими «ура». После сего царская фамилия препровождена была в ротонду князем М. А. Цициановым, коему препоручено было устройство праздника сего.

Поднятый на воздух белый флаг служил сигналом. В одно мгновение вся народная толпа приведена была в движение, всё кинулось на столы и на фонтаны с таким стремлением, что приступ сей продолжался не более десяти минут. Никто не ел, а всякий схваченную добычу прятал за пазуху, в карман, шляпу или рукавицу. Всякий хотел разделить дома в семействе своем или между друзьями то, что называл тут народ *кушанье с царского стола* или царское угощение. Сим не удовольствовался народ; счистя со стола все съестное (что касалось до напитков, то они по большей части были пролиты), он захватил все украшения, бывшие на столах, и даже самые доски, из коих столы составлены были. С балкона пользовались мы весьма странным и забавным зрелищем. Народ шел с Девичьего Поля по Пречистенке домой, всякий нес какую-нибудь добычу: иной окорок ветчины, иной часть баранины, калачи, золотые рога, корзинку, корытцо, дубовую или березовую ветвь, ковшик — одним словом, что ему в руки ни попало. Всякий как будто гордился приобретенною им трофеею, держав оную вверх выше плеча напоказ всем смотревшим из окон. Фонтаны винные также были разрушены и более пролито, нежели выпито. Народ сожалел, что было это французское, а не простое вино. С мещанином одним странное было приключение. Его толпа народная наткнула на кран, из коего текло белое вино, и так плотно, что он более четверти часа не мог освободиться от крана, запутавшегося между его армяка и рубашки. Он весь обмок, что видя, народ бросился на него и, подобно паукам, сосущим кровь мух, начали из платья его высасывать вино. Бедняк сей сам смеялся и уверял, что ежели бы народ *не догадался*, он принес бы с собою домой по крайней мере полведра вина, а то, зная, прибавлял он, так и осушили! Не одна была, я думаю, подобная сцена на сём празднике! Полиция хотела было остановить стремление народное, но Государь, махнув рукою, изволил сказать: «Это их! Не трогайте!». Это восклицание, касавшееся до столов и фонтанов, было иначе истолковано подгулявшими гостями: они себе вообразили, что все галереи им отданы, а потому от столов бросились все к галереям, наполненным еще зрителями, и начали было не только срывать раскрашенную холстину и другие украшения галерей, но и самое здание разрушать от основания. Можно себе представить вопль и крики дам, сидевших в сих галереях. Полиция с большим трудом отразила народный сей приступ¹³. Вообще надобно удивляться, что не было больших беспорядков в таком бесчисленном множестве народа, вином опоенного. Никто не был изувечен, хотя по старинной русской привычке множество было тут женщин, детей, баб брюхатых и имеющих на руках грудных робенков. Все сие должно приписать присутствию императора: оно всех держало в должных границах и повиновении. Его вел[ичес]тво изволил пробыть тут до половины второго часа. Народ бежал за его коляскою, крича «ура!», покуда сил было. Празднество продолжалось на Девичьем Поле до 6 часов вечера. Аглинской посол герцог Девонширский оставался тут очень долго. Зачем? (у всякого свой вкус), — смотреть на разные сцены, кои представляли пьяные, коими сего нового рода поле сражения было усеяно. По рескриптам полиции, ушиблено легко человек 14 да тяжело трое, но никто из ушибленных и пьяных не умер, что почти невероятно, по великому множеству народа, в одну почти кучу собравшемуся. Когда отрапортовано было о сем Государю, то он изволил сказать: «Народ, кажется, повеселился, а я еще более веселюсь тем, что все обошлось без несчастия!». Время было холодное, но сухое и тихое. Сие *царское угощение* долго будет памятно для народа здешней столицы¹⁴.

Данный сегодня (17-го числа) графиней А. А. Орловою-Чесменскою бал затмил все празднества, бывшие здесь в Москве по случаю Высочайшей коронации. Здесь соединилось царское великолепие с изящнейшим вкусом; восхищенным взорам посетителей представилось все, что может только произвести отличнейшего природа и искусства. Говорят, что праздник сей стоил 300 т. рублей, сумма ужасная, но она была употреблена с разборчивостию и вкусом. Не всегда то пленяет, что дорого! Казалось, что все было истощено на праздниках, данных герцогами Рагузским и Девонширским и князем Юсуповым, но графиня Орлова нашла средство их затмить. Описания, помещенные в разных журналах наших, весьма неудовлетворительны, но надобно и в том сознаться, что праздник сей

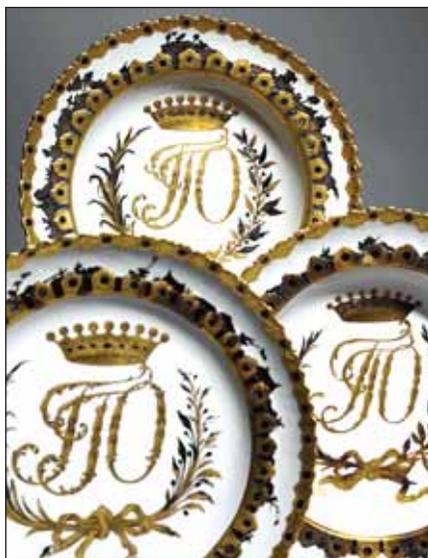
надобно было видеть, чтобы иметь точное об нем понятие. Он носил на себе отпечаток отборнейшего великолепия. Кто поверит, что все заключалось в одной токмо зале, имевшей почти 30 сажень длины! Все хозяева боялись жару и тесноты, а графиня сожалела, что приехало токмо 1000 человек, боясь, что будет пусто и холодно. Опасения ее были напрасны, количество гостей было в совершенной соразмерности с пространством сего прекрасного манежа, переоборудованного в две недели в великолепную залу, прекрасно росписанную, устланную паркетом и освещенную 8000 восковыми свечами; в одних шести огромных деревянных и вызолоченных люстрах было 3000 свеч. Всякое окно (а их было по 9 на всякий стороне) заставлено было до верху огромными померанцовыми деревьями с плодами, стоявшими в кадках белого фальшивого мрамора. Обручи и фигуры барельефные, на оных изображенные, были позлащены червонным золотом. Всякая из сих кадок или чанов стоила 800 р. сер[ебром]. Вокруг стен были сидения в два ряда, покрытые алым сукном. Для царской фамилии было особенное возвышение на середине залы, к правой стороне стены. Под колоннадою, поддерживавшей хоры, была комната, в коей стояли столы для карточной игры. Прекрасная железная ограда, по коей следовали кареты от ворот дома в манеж, была иллюминирована с большим вкусом, на всяких двух саженьях расстояния находилась огненная пирамида, ближе к дому видны были огненные каскады и беседки, а перед главным подъездом, где выходили из карет, была в полукружии решетка, которая находится перед Казанским собором в Петербурге, только та из железа, а здесь была она вся из шкаликов. Нельзя себе вообразить, как это прекрасно представлялось для глаз, особенно в некотором расстоянии.

*И. В. Баженов. Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.
Холст, масло. 1838 год*

Государь изволил прибыть в четверть девятого и открыл бал польским с графинею Орловою. Императрица была очень весела; быв дежурным камергером у ее вел[ичес]тва в этот вечер, я мог слышать все ее лестные отзвывы насчет сего бала. Ее вел[ичес]тво танцевала французский кадрили, мазурку, вальс и даже утомительный *галоп*. Государь милостиво со многими разговаривал. Меня изволил спросить, зачем я не танцую, на ответ мой, что я дежурный, Государь изволил прибавить: «Я тебе разрешаю, танцуй!». Потом спрашивал о моих летах, о брате и пр.

Для всех была загадка, где будут ужинать? В полночь у двери, противулежавшей той, в которую входят в залу, отдернут был занавес и представилась глазам обширная галерея, росписанная в турецком вкусе. Галерея сия была построена вновь и токмо на один сей вечер; она представляла палатку и росписана и украшена была вызолоченными кариатидами по образцу палатки, подаренной некогда султаном турецким покойному Чесменскому победителю¹⁵. Накрыто было на стол на 500 человек. Для царской фамилии, штатс-дам и послов был особенный стол в полукружии на возвышении. Нельзя себе вообразить, с каким богатством и вкусом стол сей был убран. Другие два стола, стоявшие параллельно, были для дипломатического корпуса, свиты их и некоторых дам. Кроме сих, было еще шесть больших столов, все были убраны с одинаковым великолепием. Освещение было прекрасно, люди все богато одеты. Царская фамилия кушала на золотом сервизе. Не было тут простых тарелок, все были фарфоровые, с отличнейшею живописью и позолотою. Сервиз сей пожалован был покойною Императрицею Екатериною II князю Гр. Орлову¹⁶ и заказан нарочно в Дрездене по особенным рисункам. Во время ужина два оркестра гвардейские играли попеременно отборнейшие музыки лучших в Европе сочинителей, начав вкупе с увертюры оперы «Фрейшица»!¹⁷ Государь по обыкновению своему ужинать не садился, а ходил около столов и разговаривал с дамами и теми, которые не ужинали. Все восхищались сею прелестною галереєю; удивительно, с каким вкусом подобраны были цвета; пестрота оных, смешанная с позолотою, с золотыми полумесяцами, шнурами и другими украшениями, все это представляло картину необыкновенную, совершенно новую. В одной зале блистало азиатское богатство и пестрота, а в той видно было европейское великолепие, сопровождаемое вкусом и подчиненное строгим правилам архитектуры. Померанцовые деревья всех приводили в удивление: Сардинской посол маркиз Бриниоле мне сказал: «Je vous avoue qu'en voyant ses orangers j'ai eu quelques doutes et je me suis approché d'un pour le toucher. Ces arbres feraient honneur à tous jardins à Naples meme!»¹⁸. Не должно забыть упомянуть и о любезности и ловкости

<http://www.volgainform.ru>

Предметы из столового сервиза

Г. Г. Орлова.

«Не было тут

простых тарелок, все были фарфоровые, с отличнейшею живописью и позолотою...»

хозяйки, которая и не отходя от императрицы наблюдала за всем. Когда изъявил я ей сожаление, что одна прекрасная зала тотчас разрушится, а другая опять преобразится в манеж, то графиня А[нна] А[лексеевна] отвечала: «Пусть Государь даст обещание бывать в Москве всякий год, то я все оставлю, как оно теперь, и обязуюсь всякий раз так же угощать императора». «Говорите тише, — возразил я ей, — а то Государь услышит и возьмет вас за слово». Великая княгиня Ел[ена] Павл[овна], разговаривая со мною, изволила сказать: «Je ne sais si V[ous] avez vu le manège qui est dans notre hotel à Petersb[ourg]; il est aussi bien beau». — «Je le crois V. A. I. , mais je suppose qu'il n'y a pas là des orangiers de cette grandeur» — «Non, — изволила она отвечать, улыбнувшись, — le luxe chez nous ne va pas aussi loin, les chevaux se soucient aussi peu des orangiers quedes coups de fouet»¹⁹. Сии слова могут служить образцом ума и любезности ее высоч[ест]ва. Прекраснейший сей бал, в коем и люди наши были также угощаемы почтенною хозяйкою, как и мы, продолжался до 5 часов утра. Государь и императрица изволили оставаться до третьего часу, а Мих[аил] Павл[ович] и принц Карл до конца. Камергер Бибииков и я, мы имели счастье вести императрицу по лестнице и посадить ее вел[ичес]т]во в карету. «Прошу вас, — сказал Государь нам, — воротиться тотчас в залу, холодно, простудитесь» (на дворе был мороз).

18-е число день отдыха, а 19-го Государь отправился в Тулу для осмотра тамошного завода. 21-го изволил возвратиться в Москву.

22-го был сожжен фейерверк, коему подобного, конечно, не бывало еще нигде. Работали над оным более месяца, под непосредственным надзором генерал-фельдгермейстера Мих[аила] Павловича и генерал-адъютанта Сухозанета, командующего гвардейскою артиллерию; оным заключились праздники, бывшие в Москве по случаю Высочайшей коронации, и заключились самым блистательным образом. Фейерверк сей поставлен был перед Слободским Екатерининским дворцом, ныне называемом *Головинским* и где помещаются с одной стороны — Московский кадетский корпус, а с другой — Военно-сиротское отделение. По всей длине колоннады, украшающей средину сего прекрасного здания, были поставлены креслы в три ряда для придворных и прочих клас-ных особ обоого пола. На среднем балконе были креслы, обитые бархатом, для царской фамилии. Всех тут помещалось 800 человек. Не токмо по всему фасаду дворца сего построены были подмости, доходившие до окон нижнего жилья, но даже и далее, и с боков, в такой отдаленности, что нельзя было видеть хороших фейерверк[ов]; несмотря на это, все места были заняты, а многие для избежания тесноты сидели уже тут с самого полудня. Сперва стоял я у подъезда с братом в толпе, мы смотрели на проезжающие экипажи, а после пошли в верх к детям, коим дана была половина окошка в одной из комнат Военно-сиротского отделения. Все окна были наполнены зрителями, на наше окно дано было до 16 билетов, тогда как 6 или 8 человек могли токмо удобно смотреть. Вместо того чтобы всех одолжить, всем делали тем неудовольствие. Картина сверху была единственная. От множества народу подмости как будто вовсе исчезли, а видны были токмо головы человеческие; сверх сего, все это пространное поле было усеяно зрителями, кои беспрестанно были освещаемы пылавшим фейерверком. В половине девятого часа приезд их величеств был возвещен двумя снопам, каждый из 101 ракеты, пущенных с двух сторон. Казалось, что

народ криками своими «ура!» хотел заглушить треск ракет. Лестница большая, по коей шествовали их вел[ичест]ва, была прекрасно освещена и устлана красным сукном. Коридор, по коему следовало им проходить, был весь украшен оружием, пушки служили столбами, а ружья решеткою; освещение сего прохода представляло минуту воспламенения ружей и вылетающих гранат из жерл орудий. Из сего коридора вошли их вел[ичест]ва в большую комнату, так же украшенную и, можно сказать, бронированную оружием [и] различными рисунками. На одной стене был виден Государь, а на другой императрица. По двум бокам двери, ведущей в открытую галерею или балкон, драпирован был герб России; орлы сии и вензеля их вел[ичест]в были сделаны с таким искусством и соблюдением живости, что надобно было подойти близко к оным, чтобы поверить, что все это было составлено из одних сабель, тесаков, штыков, шомполов, ефесов и прочей военной амуниции. Прекрасное освещение придавало еще более блеску сим необыкновенным обоям. Все это было устроено стараниями артил[лерийского] полковника Кара. Когда Государь с царскою фамилиею изволил занять свое место, то императрица воспламенила бумажный голубь, который полетел и зажег фейерверк, начавшийся эмблематическим представлением, изображавшим величественную аллею пальмовых деревьев изумрудного яркого прекрасного цвета, знаменующих спокойствие, славу и долголетие царствования. Секрет для составления сего прекрасного зеленого огня известен токмо в России; в конце аллеи на подножии военных трофеев возвышались вензели Государя и императрицы, окруженные лавровым венком. Два Гения поддерживали императорскую корону, между тем как Провидение, представленное всевидящим оком, озаряло оное своим лучом. После сего представления были горящие в различных видах фонтаны.

Все сии машины были на колесах, и как скоро переставали гореть, то были поспешно отвозимы в обе стороны арт[иллерийскими] солдатами и множеством народа, отделившимся добровольно от толпы зрителей, чтобы помогать в труде сём солдатам.

За фонтанами следовало огненное представление Парнаса, Пинда и Геликона. Пегас на вершине Парнаса выбивал копытами Гипокрену²⁰ и рассекал лавровый венок, увенчающий все преднамерения царёвы. После сего представлены были вензеля их импер[аторских] вел[ичест]в, окруженные сиянием и множеством огненных блистающих звезд.

Наконец, третье эмблематическое представление началось ужаснейшим Марсовым огнем из бураков²¹ и изображало в огромнейшем щите триумфальные ворота, воздвигнутые Успокоителю Отечества Николаю Первому. Все это было составлено из фитильного и разноцветных огней. На воротах представлена была Россия в виде женщины, скачущей в торжественной колеснице, держа в правой руке лавровый венок; два всадника славянские освещали путь ее, а две гремящие славы ей предшествовали; по обеим сторонам ворот видны были восемь жертвенников и четыре колонны, из коих две ближайшие воздвигнуты гвардиею его вел[ичест]ва и сухопутными его армиями, две же дальние — флотами российскими. Кроме сего, много было разных трофеев и других приличных изображений. Следующее представление не видано было еще ни на каком фейерверке,

Торжественный выезд императорской четы из Петровского дворца. 1826 год

а именно: шесть рыцарей в огненных колесницах, запряженных всякая четырью (так в тексте. — *С. III.*) лошадьми, вступили на поприще и оспаривали первенство в ристании, объезжая несколько раз во весь карьер около пылавшего щита. Зрелище сие было столь же ново, сколь прекрасно: нельзя было не удивляться неустрашимости сих несгораемых рыцарей и бодрых их коней. Колесы, вертясь, испускали из себя огненные лучи. Надобно также удивляться, что скачка сия не имела никаких несчастных последствий.

Заключение сего единственного фейерверка было столь же великолепно, сколь страшно, — вдруг поднялся на воздух букет, составленный из 52000 фунтовых и полунфунтовых ракет, из коих рассеялось бесчисленное множество пляшущих звезд. К сему присовокупилась еще салютационная пальба из 60 орудий гвардейской и гранодерской артиллерии. Всякий был невольно объят ужасом! Многие стекла (хотя расстояние и было довольно велико) полопались, само огромное здание, в коем находились мы, было потрясаемо. Когда умолк гром пушек и треск ракет, то воздух наполнился звуками известного и драгоценного для русских гимна «Боже, Царя храни» (сочин[ение] Жуковского), который игран был 200 музыкантами. Фейерверк сей останется вечно в памяти моей! В тот же вечер весь город, Кремлевские башни, Иван Великий и церковь Василия Блаженного были иллюминированы, как в первый день Высочайшей коронации. От самого дворца Павловского до церкви Никиты Мученика народ шел домой в десятки рядов, крича всякий проезжавшей карете «ура!». Кучерам было предписано строго не отходить от лошадей и экипажей во время фейерверка, и не было никакого несчастия, один токмо казацкий офицер был очень ушиблен лошадью своею.

¹Имеется в виду полковник Александр Павлович Офросимов (ум. в 1846), чью фамилию Булгаков пишет на московский «акающий» лад.

²Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — князь, с 1834 г. — светлейший, генерал-фельдмаршал, управляющий Главным штабом (1815—1823), министр императорского двора и уделов (1826—1852).

³Ср. с мнением французского гостя: «За исключением общественных зданий, здешняя иллюминация ничем не примечательна, поскольку здесь нет обычая выставлять плашки в окнах частных домов; их ставят у дверей и вдоль тротуаров. Поэтому наше внимание привлекут к себе только казенные здания, но их в Москве столько, что каждый квартал города приобрел самый праздничный вид.

Признаюсь, мне всегда казалось странным, что правительство само организует и оплачивает веселье, призванное свидетельствовать о чувствах толпы. Мне кажется, что в таких торжественных обстоятельствах, которые, как считается, всегда вызывают радость в народе, он и должен выражать свои чувства. Власти, однако, предпочитают сами преподносить себе праздничный букет: поистине вернейшее средство получить его.

Как бы то ни было, огненные гирлянды, пылающие шифры и сияющие вывески на домах являли собой восхитительное зрелище, но прекраснее всего был сверкающий огнями Кремль. <...> Множество народа собралось в Китай-городе полюбоваться этим великолепным зрелищем. Необыкновенно трудно было пробраться сквозь многочисленную толпу,двигающуюся во все стороны между экипажами. <. . .> Несмотря на все меры предосторожности, принятые полицией, невзирая на удары *кну́та*, щедро раздававшиеся направо и налево казаками, без многочисленных жертв не обошлось. На следующий день в Москве говорили, что за вечер было задавлено *крестьян на две или три тысячи рублей*, и искренне жалели их владельцев» (Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 151).

⁴Большой (Петровский) театр, построенный в 1800 г., после пожара 1805 г. не обновлялся вплоть до 1821-го, и обгорелое полуразрушенное здание так и стояло посреди Театральной площади. К январю 1825 г. театр был фактически заново отстроен.

⁵Кремлевская экспедиция, или Экспедиция кремлевского строения, образована в 1768 г. Ведала строительством в Кремле, в частности, руководила восстановлением Кремля после пожара 1812 г. Упразднена в 1831 г., ее функции были переданы Московской дворцовой конторе.

⁶Седьмой класс по Табели о рангах для военных соответствовал подполковнику, для гражданских чинов — надворному советнику.

⁷Тут были также послы иностранные, штатс-дамы и большие придворные чины (прим. А. Я. Булгакова).

⁸Дирекция Императорских театров была образована в Москве в 1806 г.

⁹«Шкалик» здесь — «стаканчик со светильнею, налитый салом, для праздничного освещения» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка).

¹⁰«Министрами» в то время назывались также послы и посланники, в данном случае иностранные.

¹¹О механизме разовых посещений Российского Благородного собрания не его членами, имевшими годовой билет, а т. н. визитерами, которые должны были в этом случае записываться в специальные «Визитерные книги», см.: Шумихин С. В. Лермонтов в Российском Благородном собрании // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 233—245; Он же. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 52—68.

¹²«Время» — здесь в значении «погода» (*устар.*).

¹³М. П. Погодин конспективно записывал в дневнике 16 сентября 1826 г.: «Побывал у Ал. Ив., на поле [*сноска*: «Т. е. был у Трубецких на Девичьем Поле»]. Завтрак народу <...> — приехал Царь — бросились. Славное движение! Пошел в народ. <...> Скифы бросились обдирать холст, ломать галереи. Каковы! Куда попрыгали и комедианты — веревки из-под них понадобились. Как били чернь. — Не доставайся никому. Народ ломит дуром. Мы дожидались, что будут бросать билеты, крепостному воля, а государеву деньги, и в 5 часов на поле было пусто» (Пушкин и его современники. Вып. XIX—XX. Пг., 1914. С. 77).

¹⁴Продолжим запись Погодина: «Обд. [обедал] у Труб[ецких]. <...> Там Пушкин, который относился несколько ко мне. «Жаль, что на этом празднике мало драки, мало движения». Я ответил, что этому причина белое и красное вино, если бы было русское, то...». (Там же). Под «русским вином» (у Булгакова — «простое вино») подразумевается водка.

Булгаков не упоминает в дневнике широко обсуждавшееся в эти дни в Москве возвращение Пушкина из Михайловской ссылки и аудиенцию с глазу на глаз, которой новый император удостоил его в Кремле. Вместе с тем С. А. Соболевский, услышав о неожиданном приезде поэта на бал французского маршала Мармона, герцога Рагузского (описание этого бала Булгаковым в данную публикацию не включено), «отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках. На другой день все узнали о приезде Пушкина, и Москва с радостью приветствовала славного гостя» (цит. по: *Логинов М. Н.* Сочинения. М., 1915. Т. 1. С. 165). Булгаков же увидел Пушкина лишь две с лишним недели спустя, на чтении написанной поэтом в Михайловском трагедии «Борис Годунов». 5 октября 1826 г. он сообщал брату в Петербург: «Пушкин у Вeneвитиновых — читал песни, коими привел нас в восхищение. Вот предмет для романа — поэт в обществе» (Русский архив. 1901. № 2. С. 405).

¹⁵Имеется в виду отец хозяйки Алексей Григорьевич Орлов (1737—1807), получивший титул графа Чесменского за победу над турецким флотом при Чесме в июне 1770 г.

¹⁶Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — граф, брат А. Г. Орлова, фаворит Екатерины II.

¹⁷«Фрейшиц» (1821) (точнее «Фрейшюц»; по-русски — «Вольный стрелок», «Волшебный стрелок») — опера К. М. фон Вебера (1786—1826).

¹⁸«Признаюсь, что при взгляде на апельсиновые деревья у меня появились некоторые сомнения, и я подошел к одному из них и потрогал его. Эти деревья сделали бы честь любому саду самого Неаполя!» (*фр.*).

¹⁹«Я не знаю, видели ли вы манеж в нашем дворце в Петербурге, он также очень хорош». — «Не сомневаюсь, в[аше] и[мператорское] в[ысочество], но думаю, там нет апельсиновых деревьев такой величины». — «Нет, у нас роскошь не заходит так далеко, лошади так же мало внимания обращают на апельсиновые деревья, как на удары хлыста» (*фр.*).

²⁰Ипокрена (Гипокрена) — в греческой мифологии волшебный источник, образовавшийся от удара копыта крылатого коня Пегаса. Булгаков не точен: произошло это не на Парнасе, а на горе муз Геликоне.

²¹Бураки — фейерверковые огни (*устар.*).

Публикация Сергея Викторовича Шумихина

Лидия Александровна Жукова

Музыкальная живопись

О народном художнике России
Александре Ильиче Фомкине (1924–1999)

«Музыкальная живопись» — так сказал о диссертационной работе А. И. Фомкина его научный руководитель, народный художник СССР академик Константин Федорович Юон. Музыка живописи в душе Александра Ильича звучала с детства.

Родился он на Орловщине близ города Малоархангельска, где исконно русское раздолье — широкое, привольное, благодатное, подарившее нам немало славных имен: Н. С. Лесков, И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, М. А. Бонч-Бруевич... Вспоминая детство, А. И. Фомкин говорил: «Заберешься по таинственной тропке в рожь. Под ногами во ржи васильки, над головой жаворонки поют. Поднимешь голову и следишь зачарованно за их полетом. Кто видел это — никогда не забудет и через всю жизнь пронесет этот восторг».

Александр Ильич Фомкин — народный художник России, кандидат искусствоведения, профессор, почетный член Академии Евразии — не мог существовать вдали от природы, утверждал, что в городе умрет на третий день. Вся его сознательная жизнь прошла в подмосковном поселке Алабушево, где он обрел неисчерпаемый источник вдохновения.

А. И. Фомкин — представитель плеяды первого выпуска Московской средней художественной школы (1944). Окончив МСХШ, Фомкин по рекомендации С. В. Герасимова был принят в Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова без вступительных экзаменов. В 1950-х годах в Суриковке много говорили о дипломной картине Фомкина «И. Н. Крамской и В. В. Стасов в мастерской у И. Е. Репина». Александра Ильича оставили в аспи-

рантуре, которую он успешно окончил. Работая над кандидатской диссертацией, Фомкин начал и свою преподавательскую деятельность. Педагог он был от Бога; заниматься в его мастерской считалось большой удачей и честью. Кто учился у Фомкина, навсегда за-

помнил уроки мастера. Живопись была его жизнью, и ее секретами он делился со своими студентами сполна. С удовольствием выезжал с ними на пленэрные практики, где прекрасно сочетал преподавательскую деятельность с творческой. Творил он серьезно, качественно, многосложно. Писал пейзажи, натюрморты, если портреты — то не заказные, а дорогих и близких: жены, детей, внуков, друзей.

В палитре Александра Ильича отсутствует открытая яркая декоративность, свойственная работам, скажем, К. А. Коровина или Н. Н. Сапунова. Он стремился запечатлеть естественную красоту, особенно ценил цветотональное единство живописного образа, плотность и весомость мазка, точность и осязательную конкретность изображения. Во всем этом находила выражение приверженность к «деланности», завершенности. Здесь Фомкин выступает преемником И. И. Шишкина, В. Н. Бакшеева, Н. П. Крымова.

Искусство А. И. Фомкина, верного продолжателя традиций русской реалистической школы, помогает нам вернуться в мир природы из шумной городской суеты, вспомнить, что существуют небо и тишина полей, отрадный покой лесов, чудо цветов. И в том, что в нашей живописи продолжает сохраняться здоровое начало реализма, есть немалая заслуга Александра Ильича.

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Незабудки. Картон, масло. 1980 год

*Осенний
букет.
Картон,
масло.
1985 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Женский портрет.
Доска, масло. 1949 год*

*Саша.
Картон, масло. 1999 год*

Пасмурный день. Картон, масло. 1976 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Ландыши. Картон, масло. 1981 год

Колокольчики. Картон, масло. 1990 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Ульяна. Оргалит, масло. 1994 год

Май на Истринском водохранилище. Картон, масло. 1979 год

ISSN 0868-7110

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**О реформаторе
вооруженных сил
Российской империи
в царствование
Александра II,
военном теоретике
и историке графе
Дмитрии Алексеевиче
Милютине (1816–1912)**

**О подмосковной усадьбе Федоровка, до революции
принадлежавшей ведущей актрисе Малого театра
Гликерии Николаевне Федотовой (1846–1925)**